

The background of the book cover is a composite image. The top portion shows a view of Earth from space, with a white contrail from an airplane streaking across the dark blue sky. The bottom portion shows a city skyline at dusk or dawn, with several prominent skyscrapers and their reflections on a body of water in the foreground. The overall color palette is dominated by various shades of blue and grey.

Семен Ютов

Матрёшка, или Побег
из Москвы

16+

Семен Ютов
**Матрёшка, или
Побег из Москвы**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42590815

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга написана в классическом жанре антиутопии. Заглядывая примерно на 50 лет вперед, автор рисует мрачную картину жизненных реалий России. Несмотря на столь пессимистичный взгляд, в этой картине есть место и чуду, и надежде. В то же время это и роман-предупреждение, автор искренне надеется, что написанное им не сбудется, а станет лишь только сном, который развеется с первыми лучами зарождающегося нового дня.

Все персонажи этой книги вымышлены, все совпадения – случайны.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Первое послание к Коринфянам Святого Апостола Павла, Глава 13

Заканчивается очередной выпуск программы «КВН». Слышен голос ведущего Александра Маслякова: «Итак, в финал выходят: «Ростовские узбеки» (г. Ростов-на-Дону), «По жизни» (г. Магадан), и «Воинствующие атеисты» (г. Москва)».

– Ты смотри, мать, а внук-то наш в финал вышел, – произнес старик, сидящий возле телевизора.

– Даже не знаю, радоваться или нет. И зачем мы вообще это смотрим, – отвечает ему старушка, примостившаяся у его плеча.

– Так ради внука и смотрим. Следим, так сказать, за ка-

рьерой.

Да, мой внук в каком-то смысле воплотил мою не то что бы мечту, а скорее некий возможный вектор моего развития – стал профессионально играть в КВН. А КВН уже не тот, что раньше. Хотя его путь шел по вполне закономерному и последовательному направлению. Из запрещенной игры он превратился в основное оружие информационной пропаганды среди молодежи. Во времена моей юности шутки про «попов» скорее проскальзывали, чем были частью обязательной программы. Потом я стал замечать, что это уже какая-то программа-минимум – чтоб хоть раз каждая команда отпустила что-нибудь скабрёзное про священников. Причем не просто абстрактных священников, а вполне себе православных.

Сегодня КВН – официальная программа, выпускается при поддержке Правительства России. И уж теперь-то никто не делает вид, что это самое правительство всячески поддерживает православную церковь. Нет, конечно, поддержка РПЦ есть, только РПЦ уже расшифровывается совсем не так... И КВН находится на самом кончике острия, направленного против православия. Многие говорят, что Масляков зациклился, что уже хватит этого высмеивания ушедших в подполье попов и их немногочисленных сторонников. Но бессменный ведущий (точнее, сын казавшегося бессмертным бессменного ведущего) продолжает, не ослабевая напор. Как человек, выполняющий чужую волю, он не может иначе.

Как так получилось, что мой внук оказался в гуще этой свистопляски? На самом деле, это не так интересно. А интересно другое: почему вдруг (и «вдруг» ли вообще) все так изменилось. Я еще помню президента страны, присутствующего на Пасху в Храме Христа Спасителя, который теперь снова разрушен (сразу вспоминается игуменья Алексеевской обители). Помню законы о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних, помню планы о строительстве храмов в спальных районах. Но я также помню и провокации Pussy Riot, и убийства священников, и запустелые руины храмов по всей России, и много чего еще можно вспомнить, если хорошенько покопаться в уже сильно постаревшей памяти. Все это почти не заметно вело, вело нас к сегодняшним дням. И вот я проснулся в одно воскресное утро, чтоб, как всегда, пойти на литургию, но не услышал привычный бой колокола нашего любимого храма Покрова Пресвятой Богородицы. «Проспал», – подумал я. Но нет – было еще рано, зимний день еще только начал расцветать своими приглушенными красками. Встав побыстрее, я скорее двинулся в храм. Но нашел его двери затворенными, и лишь несколько человек стояли возле них в недоумении. Они пытались вместить в свое сознание несколько слов, напечатанных на листочке А4, прилепленном к дверям храма:

«В соответствии с Приказом №313 от 13.12.2031 церковь закрыта для посещений и богослужений»

Рядом, не привлекая особого внимания, дежурили

несколько сотрудников полиции. На другой стороне улицы, еще больше не привлекая внимание, стояли два человека, как их раньше называли, в штатском, хотя, возможно мне просто показалось.

Когда я достал телефон, один из полицейских несколько оживился, а когда я навел объектив встроенного в него фотоаппарата на объявление, и вовсе подбежал ко мне и вежливо, держась за кобуру и тревожно глядя через дорогу, попросил не фотографировать. Я подчинился, огляделся еще раз и пошел прочь. Отойдя на расстояние вне зоны видимости силовиков, быстро записал по памяти текст объявления и поспешил домой.

Пожалуй, этот день можно было считать началом открытой демонстрации государством своего истинного отношения к Церкви. И шли к этому постепенно, можно сказать, исподтишка проводя нужную линию. За какие-то 20 лет приход нашего храма сократился почти в три раза и стал по составу напоминать клуб «кому за 40», очереди из причащающихся детей больше не было, по количеству они сильно стали проигрывать взрослым, хотя совсем недавно ситуация было диаметрально противоположная. Почему так произошло?

Причина проста и банальна: информация, ставшая основным орудием в решении почти любой задачи. Этим орудием в совершенстве владеют те, кто имеет инфраструктуру для его использования. У РПЦ была одна радиостанция и один канал на телевидении, причем каждый из них было не так

просто найти. Все остальные каналы и радиостанции имели, да и имеют по сей день, строго антихристианский или нейтральный характер. Интернет, аудитория которого росла в геометрической прогрессии, давал возможность православию самовыражаться и заявлять о себе, но в Интернете, как нигде больше, актуальна проблема отделения зерна от плевел. Ведь на каждый православный сайт выросло пять анти-православных и два псевдо-православных (что гораздо опаснее).

Заметив столь опасную тенденцию, некоторые православные священники стали проситься о переводе их в более отдаленные и глухие части нашей пока еще необъятной страны. Выдав каждому по мобильному телефону с изображенным на нем производителем символом первородного греха на оборотной стороне, их отпускали. Откуда у РПЦ деньги на дорогие телефоны для своих священник, спросите вы, и почему не обратили внимание на такой яркий антихристианский символ на них? Это подарок некоего фонда, учрежденного Правительством РФ. Через время Церковь поняла, что зря приняла этот дар, но понимание пришло с серьезным опозданием. Универсальное средство слежения, мобильный телефон записывал и передавал все, происходило в зоне его досягаемости. Батюшки, казалось бы, бывшие в полной безопасности, никого не беспокоившие, а просто проповедующие среди немногочисленного населения Зауралья, гибли при загадочных обстоятельствах.

Иные же священники и другие люди, называвшиеся православными, активно выступали по всевозможным каналам, вели блоги, а некоторые даже занимались откровенным вандализмом под прикрытием «благих намерений» и «священного гнева» оскорбленного. Но слова и дела таких людей вызвали все большее недоумение у верующих, ибо все сильнее расходились они с учением Церкви и словом Евангелия. Многие поэтому отпали, пошли искать правду в других верованиях, но и там не находили ее. Отчаявшись же, говорили, как безумцы: «Нет Бога».

Конечно, храмов больше не строили. Злопыхатели говорили: «Вместо того чтобы построить храм, лучше раздать эти деньги нищим». Им резонно отвечали: «Если построим храм, то вокруг него сотнями лет, пока он будет стоять, буду кормиться эти самые нищие». И даже ссылались на Евангелие: «Вот в Евангелие от Иоанна тоже есть такой момент: Иуда сокрушался, что купили дорогое масло, чтоб помазать им Иисуса, вместо того, чтоб раздать эти деньги нищим. И кто был Иуда – предатель, убийца и вор». Но слова эти не доходили до сердца и ума богоборцев. В городском пейзаже кресты окончательно утонули в телевизионных антеннах.

На уровне законодательства было установлено, что все религии разъединяют людей, делая одних выше других. Те, кто остался православным, решил для себя, что лучше быть разделенными, и стоять на стороне Христа, чем быть едиными приверженцами князя мира сего.

В этих, прямо скажем, тревожных условиях, у моего сына родился мальчик. С первых лет жизни мой внук проявлял себя как человек живой, творческий, с неуёмной энергией и поразительным чувством юмора. Мои старания воспитать его в православной вере, к сожалению не дали своих плодов – он, по истине, дитя своего века. Но искра Божья была в нем, я это совершенно точно видел и успел крестить его до того, как «крещёный» стало синонимом «неполноценный». Крестины, тем не менее, прошли тайно, и даже он не знал, что был крещен.

В школе на него обратили внимание как на парня с актерскими способностями, и к окончанию он уже был матерый кавээнщик, выигрывая соревнования разного уровня. В МГУ его взяли без учета проходного бала по ЕГЭ – университетская команда КВН очень хотела получить его в свое распоряжение. Будучи самым молодым членом команды, но быстро завоевал любовь и уважение сотоварищей и, можно сказать, стал местной звездой. Вот так он и пришел к сегодняшнему дню – финалист Высшей лиги КВН, до чемпионства рукой подать, и шансы на это чемпионство очень велики. Да и сам он уже совсем скоро будет отцом – его жена беременна. И если совсем недавно он еще заглядывался на девушек, то теперь его внимание все больше стали привлекать детские коляски.

Все в нашей семье любили КВН, отец любил и смотрел, мама. А я относился к нему, так сказать, профессионально, и поэтому не любил. Все считали меня очень остроумным парнем, мне всегда удавались разные шутки, приколы, колкие высказывания, сильные сравнения. И мне нравилось, что ко мне так относятся, что я популярен, не в мировом масштабе, конечно, но тем не менее. Многие девушки тоже «клевали» на меня, на эдакий центр внимания, искрящийся и неутомный. Так было в школе, университет и после него. Я зарабатываю на жизнь КВНом, и может это и не самая престижная работа, но она мне нравилась все это время, и давала все, чего я хотел: самоудовлетворение, самореализацию, популярность и хорошую оплату. Работа в КВН была почти официальной государственной службой: мы, можно сказать, элитное подразделение идеологической машины, имеем хорошие льготы, нас везде принимают и закрывают глаза на какие-то слабости. У кого-то это наркотики, у кого-то – алкоголь, а у меня – хотел бы думать, что их нет, но, посмотрев правде в глаза – это женщины. Я вынужден признать, что мне сложно пропустить хотя бы одну юбку. Хотя это выражение уже устарело, ведь юбки-то уже почти никто и не носит, кроме каких-нибудь старушек, тайно посещающих какие-то сборища вместо церкви. В общем, будь то юбка или бесформенные штаны на бедрах женского пола, мне уже сложно себя контролировать, начинает запускаться какой-то неведомый механизм, и я уже практически профессионально, с го-

дами отточенной техникой захватываю это создание в свою власть, которая кажется мне безраздельной. Конечно, меня быстро отпускает, и женщина, поддавшаяся моему беспорядочному обаянию, и отдавшая себя всю мне без остатка, выбрасывается вон. Одна из них даже как-то крикнула мне в слезной злобе, после того, как я ее бросил, что, мол, мои эмоции такие же мелкие как смайлики, которые я использую в переписке. Поэтично, ничего не скажешь.

Казалось, а что тут такого, на что стоило бы закрывать глаза тем, кто находится над нами? Дело в том, что среди разрушенных мною сердец попадают те, что принадлежат дочкам видных деятелей нашей эпохи, и это (хе-хе, как ни странно) вызывает очень негативную реакцию их папаш. Наверное, меня бы уже давно лишили не только моей работы, но и некоторых очень важных органов, если бы не мое место работы и положение, которое я в нем занимаю.

В общем, я совершенно доволен своей жизнью, иду по ней легко, лечу как беркут, плыву как акула: в общем, с чем хотите, с тем и сравнивайте. Но порой я чувствую, что на меня как-будто нападает кто-то внутри меня, и начинает есть, грызть, всплывают в памяти все эти красавицы и не очень, которые прошли через меня, или я через них, не знаю. Да, понимаю, что звучит это, как в какой-то мелодраме про ловеласа и неотразимого мачо с затаенным чувством вины. Но эта штука, которую называют устаревшим словом «совесть», она реально каким-то непостижимым образом оказалась во

мне. И я совершенно не могу понять, как так вышло. Ведь с ней в наше время не живет ни один здравомыслящий молодой человек. Спросил у деда, а он мне сказал вообще крамольную вещь: сослался на некоего Иоанна из Кронштадта, что-то из серии того, что совесть – это глас Бога в сердцах человеческих.

Так продолжалось несколько лет. Пока не произошел один очень странный случай. Как говорят в таких ситуациях, этот случай перевернул мою жизнь. И, думаю, перевернул он ее с головы на ноги...

Папу забрали в психиатрическую больницу, когда мне исполнилось 18 лет. Не знаю, может, не хотели отдавать меня в детдом. Они и так у нас переполнены. Не спасает ни простой порядок усыновления и удочерения, ни разрешение брать детей однополым парам, ни пропаганда «дети должны расти в семье». Кажется, эта система сама себя окупает и питает: одни сотрудники соцслужбы забирают детей у нормальных родителей, другие отдают их либо тем, кто дал за это деньги, либо является человеком, которого неодолимо тянет к другим людям его же пола. Такой круговорот детей в России получился. Бог уберег меня, и я успела достичь совершеннолетия до того, как папу признали недееспособным и поместили в лечебницу.

Конечно, лечебница – только название. Причем название,

которое совершенно не отражает то, чем занимаются там люди. Я читала, что в советские времена людей помещали в психбольницы, если они были инакомыслящими. Что-то очень похожее происходит и сейчас.

Мой отец выходил на улицу и убеждал прохожих, чтобы они задумались над тем, что происходит вокруг них. «Последние времена... Вот когда мы живем... Храмы закрывают, священников рассевают по земле, подтачивают церковь изнутри... И, главное, как у них все хорошо получается!», – так он говорил. Люди, в основном, шарахались от него, обходили подальше. Он действительно смахивал на «городского сумасшедшего». Единственное, то, что он говорил – не было бредом или навязчивыми идеями. Это происходило вокруг нас и казалось страшным сном, кошмаром, который сейчас, вот-вот, закончится, и все станет как раньше.

Как раньше... Получается, государство ослабило свое давление и дало Русской Православной Церкви хоть как-то прийти в себя только на какие-то 40 лет. Возрождение, о котором так много говорили, проходило под неусыпным наблюдением неких сил, которые подобно двуликому Янусу, к Церкви были повернуты одним лицом, а к миру – другим.

Как только Россия приняла решение о входе в состав Евразийской республики, объединяющей Европу, Россию и страны бывшего СССР, что-то резко изменилось в отношении ко всем религиям, ну кроме разве что каких-то маргинальных сект, которым почему-то стали раздавать земли и

храмы православных, мусульман, католиков, иудеев. Конечно, особенно болезненно это отразилось на православных. Сначала все раздали, потом точно так же забрали. Правда, изощренность юридических обоснований таких действий, по истине, поражала. «Многонациональная, многоконфессиональная страна», «равенство всех перед законом и судом», «светское государство», «в ходе приватизации выявлены нарушения» – все эти и многие другие клише так набили оскомину, что слышать их было невозможно. Об этом рассказывал мне отец, а мои глаза с каждым таким рассказом все больше округлялись от недоумения, что такое вообще может происходить. Он любил шутить: «Вот почему у тебя такие большие темные глаза, дочка! От моих рассказов!».

Большие, может быть, даже слишком большие и не вполне пропорциональные по сравнению с лицом, ее глаза смотрели на него в упор. Без тени кокетства или заигрывания, но с каким-то глубоким интересом, именно с интересом, а не просто с любопытством, как могло бы показаться. Он так же неотрывно стал смотреть на нее, но почему-то не решался заговорить, чего с ним раньше никогда не бывало. Познакомиться с девушкой в метро – что может быть проще для него? Вдруг прямо за ней раздался грубый, хриплый голос какого-то парня:

– Че это за телка? Церковная что ли?

– Да сто пудов! Смотри, какой прикид! – ответил один из его приятелей.

– Эй, ты чего делаешь в нашем вагоне? А ну пошла отсюда! – продолжал первый.

Только сейчас он заметил, что миловидный овал лица обрамлял платок, похожий на тот, что видел он на своей бабушке на фотографиях. Девушка был не в джинсах, как носят сейчас почти все девчонки ее возраста, а в длинной юбке, закрывавшей ее ноги до самых щиколоток.

Девушка молчала, не оборачивалась. Складывалось впечатление, что она не слышит обращенных к ней слов. Парень схватил ее за предплечье и с силой развернул так, что они оказались лицом к лицу. Люди вокруг них стали перемещаться в другой конец вагона, предвидя конфликт, в который они совершенно не хотели вмешиваться.

– Что молчишь, немая что ли? – еще более агрессивно прорычал парень, продолжая крепко сжимать ее руку.

Он был небольшого роста и не производил впечатление физически крепкого человека. Зато пару друзей у него за спиной были высокими, широкоплечими парнями, под 90 кг каждый, они поигрывали внушительных размеров мышцами и ухмылялись.

– Да ладно, брось ты ее, сдалась она тебе! – добродушно сказал один из них.

– Ты что, забыл, зачем тебе выдали значок «Воинствующий атеист»? – огрызнулся заводила.

Действительно, на груди у каждого из них был легко узнаваемый черный значок организации «Воинствующий атеист», к которой была приписана его команда КВН. Видимо, эти ребята были из так называемого «Патруля воинствующих атеистов», как он сразу этого не понял? Тут стоит сказать, что как капитан команды КВН, он, как ни странно это звучит, имел определенные властные полномочия и даже авторитет в организации, хотя никогда не воспринимал это серьезно и не пользовался этими возможностями, ему просто не было это нужно.

Предводитель патруля резким движением попытался разорвать застёжки пальто девушки, чтобы найти и сорвать с нее крестик, который он ожидал обнаружить на ней, но почему-то у него ничего не вышло, что еще больше разозлило его. Кавээнщик все думал, когда же закончиться этот бесконечный перегон между станциями, чтобы девушка смогла выбежать из вагона. Но она как будто и не думала двигаться с места. Разъяренный парень наотмашь ударил ее тыльной стороной ладони по лицу, но голова девушки почти не дрогнула. Наш герой уже представил, как следующий удар, на это раз – кулаком, летит в лицо несчастной, а она, уклонившись, проводит правый боковой в челюсть ее обидчика, и тот грузно опадает на пол. Но, конечно, этого не произошло. Изумленный стойкостью девушки, главарь в нерешительности замер. Заметив замешательство своего приятеля, третий воинствующий атеист, до этого не проронивший ни слова,

молча выдвинулся вперед и со словами «Вот как надо» нанес девушке коротки мощный в голову, от которого она, отлетев, упала на ближайшее сидение метро. Парни обступили ее с явным намерением пустить в ход ноги, и закончить начатое избиение. Обычно такие упражнения заканчивались смертью или пожизненным статусом «лицо с ограниченными возможностями без права на компенсацию».

Тут с ним что-то произошло. Он выдвинулся вперед из толпы глазающего народа, сунул в нос каждому из членов патруля свою карточку капитана команды КВН «Воинствующие атеисты» и со словами «Я ее забираю», буквально выволок еще не до конца пришедшую в себя девушку из вагона. Благо, поезд наконец-то добрался до станции, и двери открылись как раз вовремя: воинствующие атеисты не успели сказать ни слова, и даже расступились, давая им дорогу. Поток людей, заходящих в вагон, скрыл их.

Из носа девушки сочилась кровь, она приложила к нему свой платок, но тот почти сразу напитался кровью. Он дал ей свой, и они быстро шли через толпу людей, стараясь как можно скорее покинуть метрополитен. Девушка не плакала, одной рукой держала у носа платок, а второй сжимала его руку, насколько крепко, что ему даже стало немного больно.

Выйдя из метро, они прошли прямо и уткнулись в какой-то сквер. Кровь как будто прекратила идти, и они сели на первую же скамейку. Все время пока они шли, ни один из них не проронил ни слова. Как только они сели, он впервые

услышал ее голос.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– M1122030ФАС – отчеканил он.

– Нет, какое у тебя нормальное имя, настоящее?

– А чем тебе это не нравится, вполне нормальное имя, ничуть не хуже других!

– А ты крещеный?

– Гм... Слава Радикальному Экстремизму, нет!

– Ох, какие страшные вещи ты говоришь! Но мне кажется, ты крещен, просто не знаешь этого. Вот что значат последние буквы в твоём имени?

– Первая – не знаю, никогда не интересовался. Знаю, что это единственное, что могут придумать родители в имени, остальное присваивается автоматически. Надо у них спросить... А вторая – первая буква имени отца и первая буква его фамилии.

– Узнай, как тебя на самом деле зовут, я помолюсь за тебя.

– Не надо за меня молиться. Тоже мне, придумала... Как ты вообще здесь оказалась. Такие как вы, уже давно прячутся по углам, и не кричат где ни попадя, что за кого-то молиться будут. Эдак недолго и психбольницу попасть. Или туда и шла? Может тебя проводить?

– Да, мне нужно в психбольницу, навестить отца.

– А ты не в курсе, что нельзя там никого навещать?

– Знаю я, но все равно хочу увидеться с ним.

– Там тебя и оставят, вместе с ним. Может, вылечат.

– Глупости ты говоришь. И не думаешь так вообще!

– Откуда тебе знать, что я думаю?

– У тебя по лицу все прочесть можно. И глаза – не такой ты, как кажешься всем.

– Каким же я всем кажусь?

– Самодовольным развратником, талантливым и беспечным.

Он отшатнулся от нее, пораженный такими словами, сказанными остро, правдиво, пронзившими его четыремя стрелами, и все точно в цель – в глухо, надсадно кровоточащее сердце.

Они помолчали какое-то время. Потом он спросил:

– А тебя как зовут?

– Анна.

– Что это за имя такое? Никакой идентификации! В чипе твоём что записано?

– Нет у меня никакого чипа.

– Как это? Всем с 2030 года при рождении чип вживляют.

– Я родилась раньше 2030-го.

– Ну и что, сейчас все чипованы, даже пенсионеры.

– Ты заблуждаешься.

– Тогда как ты живешь в Москве? В метро нельзя пройти, не приложив руку к валидатору.

– Ты очень многого не знаешь об этой жизни.

– А ты прямо вот знаешь? Кто ты вообще такая?

– Та, с кем тебя свел Бог для какой-то важно цели. Так,

наверное.

Он, конечно, предполагал, что эти «церковники», как их все называли, – странные люди. Но скорее он считал их просто темными невеждами, которые родились не в то время и которым прямая дорога либо в глубокое средневековье, либо в глубокие леса. Но эта девушка, так странно, но так правдиво и открыто говорящая, вовсе не казалась малограмотной и недалекой. Совсем наоборот, смотря на него своими огромными глазами, пронзительно карими, она четко знала, что и почему говорит.

– Ну ладно, я смотрю, ты вроде в порядке, так что я пойду, – сказал он.

– Ты только скажи, а почему ты решил меня спасти?

– Не знаю... Я ничего не решал, просто поддался какому-то порыву, что ли. Не знаю...

– Наверное, у тебя теперь будут проблемы из-за этого?

– Да не должно быть. Кому я нужен!

Он был неправ. Камера в вагоне, а также в вестибюле и на выходе из метро записала каждый их шаг, и данные об инциденте уже передавались в Федеральную службу по контролю религий, более известную как ФСКР. Трое патрульных «Воинствующих атеистов», конечно, не очень-то хотели огласки этого случая, в котором они показали себя, откровенно признаться, совершенно жалко. Но это никого не интересовало, и присутствовавшие в вагоне люди поспешили сообщить обо всем случившемся в ближайший пункт полиции.

На следующий день он, как ни в чем не бывало, пошел на репетицию. У входа в Дом КВН к нему очень вежливо обратились двое молодых людей в строгих дорогих костюмах и, предъявив удостоверения, попросили пройти с ним для небольшого разговора.

В переговорке было несколько душновато, но гораздо больше угнетала атмосфера напряженности, которая сгустилась над тремя людьми: М1122030ФАС и «сотрудниками в штатском».

– Вы знаете М03022028АКА?

– Нет.

– Вас видели вчера, выходящими из вагона, а потом и из станции метро «Клиновская».

– Я не знаю имени девушки, с которой выходил.

– Как же так? Объясните, пожалуйста.

– Вы думаете, я имена у всех девушек спрашиваю? Зачем мне это?

– Вы спасли ее от патруля «Воинствующих атеистов», вмешались в их работу. Это серьезное правонарушение.

– Не было похоже, что эти ребята хорошо выполняют свою работу. Один задавал ей глупые вопросы, пытался разодрать одежду, ударил. Но, думаю, если бы эта девчонка ударила в ответ, он бы потерял сознание. Жалкое зрелище представляли собой эти члены патруля, таких не должно быть в ря-

дах «Воинствующих атеистов». Ждать, пока они дальше буду проявлять свою некомпетентность, я не мог, и забрал девочку.

– Ваши слова подтверждаются показаниями других свидетелей. Признательны за Вашу помощь, капитан.

– Всегда готов помочь, офицеры!

– А где Вы оставили девушку?

– В сквере недалеко от метро.

– Вы с ней о чем-то говорили?

– Она несла какой-то бред, имя мое ей не понравилось, – тут он осекся, так как понял, что сболтнул лишнего и закончил уже скороговоркой, – видимо, от удара не оправилась. Я поспешил от нее отвязаться.

– Она знала ваше имя? Откуда?

– Наверное, увидела на карточке, когда я ее выводил из вагона.

– То есть Вы ей своего имени не говорили?

– Нет.

– Ну что ж, еще раз выражаем нашу признательности и позвольте вас покинуть.

– До свидания, офицеры!

Двое в костюмах покинули переговорку и вышли на улицу. Уже сев в машину, они обменялись впечатлениями от разговора:

– А капитан-то наш что-то скрывает, – сказал один из них.

– Да, это точно. У него явно состоялся разговор с этой

девушкой. И вряд ли она его имя на карточке рассмотрела. Не в том она была состоянии. Свидетели утверждают, что он выводил ее из вагона в полуобморочном состоянии, камера наблюдения это подтверждает.

– Так и доложим. Видать, будет у нас еще один «клиент». А парень-то вроде неплохой...

– Да ты подоги его раньше времени «хоронить». Ну, перекинулся парой слов с какой-то церковной девкой, не велика провинность. Может он ее и не увидит больше никогда.

– Не, чую я, что придется нам с ними много помучиться.

– Ох, уже мне эти твои «чую»! Ладно, поехали...

Тем временем наш герой пытался репетировать. Его команда должна была выйти в финал Высшей лиги в это году, и предстояло много работы. Но мысли его метались от девушки к сотрудникам ФСКР и обратно.

Он понимал, что допустил сразу две оплошности: заговорил с девушкой и проговорился об этом на добровольном опросе. Теперь за ним, скорее всего, организуют слежку. Нельзя сказать, что это его сильно беспокоило. Ведь сейчас факта тотальной слежки всех за всеми никто не отрицает, государство даже гордится ею. Но все равно, осознание того, что за тобой будут персонально наблюдать 24 часа в сутки люди из ФСКР, вряд ли будет приятно даже самому безразличному человеку.

– ФАС, ты чего? Сегодня сам не свой! Все из-за «пиджаков», которые к тебе сегодня приходили? – раздался голос

режиссера и вернул нашего героя на сцену.

– Да, извините, что-то выбили они меня из колеи. Извините еще раз.

– Может сегодня отдохнешь, и завтра с новыми силами?

– Нет, все нормально. Я уже в порядке!

Кое-как он отработал полный день и пошел домой. К вечеру его настроение улучшилось, он почти перестал думать о своем вчерашнем приключении. Поужинав, он довольно рано лег спать и, ни на мгновение не просыпаясь, наутро встал свежий, с ясной головой.

Прошло несколько дней. Он почти не вспоминал о ней. Она молилась за него. Сотрудники органов, которых действительно приставили к нему, вяло наблюдали за ним. После недели полной тишины наблюдение решили снять. По счастливому совпадению их встреча произошла на следующий день после снятия наблюдения.

Во всей Москве не осталось ни одного действующего храма. Многие из них являются культурными ценностями, поэтому двери их оставались открытыми, но их постигла судьба, которая уже очень давно постигла храмы в Кремле – служить было нельзя. Именно статусом культурной ценности и «бесхозным содержанием» власти оправдывали изъятие храмов у Русской Православной Церкви. Расчеты наличными деньгами были сведены к такому минимуму, что пожерт-

ования на службах стали почти невозможны, а перечисления на счета храмов строго отслеживались. У людей, которые практиковали щедрые жертвы Церкви, начинались совершенно неожиданные проблемы с налоговой службой, никак формально не связанные с этими переводами. Но из разговоров с сотрудниками фискального органа все становилось предельно ясным... А если человек был коммерсант, то на него, к с цепи, срывались все головы Лернейской гидры – многочисленные контролирующие органы всесильного государства. Как в древнем мифе, как только современный Геракл срубал голову одной, на ее месте появлялись две другие.

Храмы же, величественные, красивые, древние, они были как воины, у которых вырвали сердце, но, по силе своей, они продолжали идти вперед, хотя дни их уже сочтены. Православные люди приходили в эти храмы как будто на экскурсии, скрывая свою принадлежность к Церкви. Они тайно молились, пропуская мимо ушей речи экскурсоводов о происхождении фресок, «языческих корнях христианства» и прочем. Те немногие священники, которые остались жить в Москве, служили по домам. Чтобы соседи не услышали, что происходит за стенкой, приходилось включать телевизор или радио. Сделать алтарь не представлялось никакой возможности, и тогда священники вспомнили, как поступали их предшественники – новомученики и исповедники, служившие литургию в тюрьмах сто лет назад: в качестве алтаря использовали живот священника.

Столь сложные условия оставляли в Церкви только истинно и глубоко верующих, которым не могли помешать ни радио, ни телевизор, ни запрет на служение в храме. Такой тайной прихожанкой «домашних храмов» была Анна. Как и другие православные, она не могла позволить себе постоянно приходить в одну и ту же квартиру несколько раз подряд, поэтому такими храмами становились в разное время разные квартиры, чтобы не привлекать внимания. Стоило проводить службы на протяжении более трех раз в одном месте, как священник или пропадал, или отказывался служить вовсе. Поэтому место службы меняли. Служили по очереди у каждого прихожанина. Так, в один из дней пришла очередь прихожанина, квартира которого располагалась прямо над той, где жил наш герой. Этот прихожанин сравнительно недавно присоединился к приходу и впервые принимал у себя дорогих гостей.

В субботу люди стали постепенно собираться в доме. Каждый приходил через определенный промежуток времени после предыдущего, чтоб привлекать наименьшее внимание. Анна пришла среди последних. Позже нее, как и обычно, последний, пришел священник.

Отец Глеб был довольно молодым батюшкой: среди тех, кто были рукоположены на финальной волне за несколько дней до того, как начались массовые закрытия храмов. Его возраст никак не умалял той глубины веры и духовной опытности, которая угадывалась в его словах и делах. Любив-

ший читать своим прихожанам проповеди и интервью митрополита Антония Сурожского, он не ограничивался только этим. Проповеди, идущие от его сердца, всегда были проникнуты такой правдой, были столь актуальны и остры, что не оставляли равнодушными никого из присутствующих. Прихожане записывали их, надеясь, что когда-то их можно будет опубликовать.

М1122030ФАС услышал, как у соседа сверху достаточно громко заиграла какая-то музыка. «Субботний вечер... Что они там празднуют, интересно!», – подумал кавээнщик.

Через пару часов он, в нарушение всех правил и норм, вышел на лестничную площадку курить. Прокуривать дальше свою квартиру ему почему-то не хотелось, а бросать он не хотел, так как считал эту свою вредную привычку особой привилегией. Ему, единственному в их юмористическом цехе, не промывали мозг на тему непозволительности курения для высокого статуса члена команды КВН.

Тут он боковым зрением увидел ее, спускающуюся по лестнице, и резко сдвинулся в сторону лифтов, рискуя вызвать пожарную тревогу. Анна прошла мимо, не обратив на него внимания, она была слишком занята была собственными мыслями, и не заметила бы его, даже если бы он стоял у нее на пути и выдыхал сигаретный дым ей в лицо. А думала она, как ни парадоксально, о нем. Она рассказала отцу Глебу о встрече с ним. Он не торопился с выводами по поводу

сказанного, но почему-то уверенно отметил, что она с ним еще встретиться.

Он был в замешательстве. Девушка, которая таким странным образом промелькнула в его жизни, буквально через неделю появляется в ней вновь. И исчезает еще быстрее. Почему он скрылся от нее, не заговорил? Первое, что пришло ему в голову – за ним еще следят, и общение с ней усугубит его положение. Потом он подумал о ней, ведь ее общение с ним могут расценить как пропаганду «религиозного мракобесия», а это уже уголовно наказуемо, ведь он, в сущности, должностное лицо.

Несмотря на все эти мысли, на следующий день, в воскресенье, с замиранием надежды в сердце, он вышел с утра на свою привычную лестничную площадку с чашкой кофе, выкурить первую сигаретку. За пару часов до этого, рано утром, он проснулся от неясного шума сверху, но идти и устраивать скандал он совершенно не хотел, а звонить из-за такого пустяка в полицию тем более не имело смысла. Немного размявшись и отжавшись обычные для себя 50 раз, он не нашел ничего лучше, чем вооружиться кофе и сигаретами, а неясные звуки сверху все не прекращались, затихая лишь на некоторое непродолжительное время. Здесь стоит отметить, что литургию старались вести очень тихо, музыку для создания искусственного шума приходилось не включать, это привлекло бы совсем ненужное внимание. Если небольшой шум субботним вечером легко объяснить, и к нему все от-

носились достаточно лояльно, то громкие звуки воскресным утром вряд ли бы кто-то смог простить.

Первым из квартиры вышел хозяин. Наш герой его знал только в лицо, причем до этого он не был уверен, в какой из квартир над ним он живет. С беспокойством оглядываясь, сосед быстро побежал вниз по лестнице, чуть не сбив нашего кавээнщика и с недоверием покосившись на него. Прихлебнув кофе, ФАС (как вы уже заметили, так для краткости называли его знакомые) уже вдогонку поздоровался с соседом, но тот его не услышал.

Через несколько минут запыхавшийся сосед вернулся, и из квартиры стали по очереди, по одному или два человека, через некоторые промежутки времени выходить его гости. Сосед вышел на лестничную клетку, с деловым видом поднялся на пару этажей выше, чтоб обзор был лучше, и украдкой наблюдал за выходящими из дома единомышленниками. Признаков слежки или чего-то подозрительного он не обнаружил. Верующие спокойно расходились в разные стороны.

Кофе уже давно остыл, его оставалось совсем немного на доньшке, в ход пошла третья сигарета за это долгое утро, но он все не уходил. Прошло достаточно много времени, больше часа, прежде чем из квартиры вышли священник и Анна. Внешним видом батюшка себя никак не выдавал. С чемоданчиком и аккуратно подстриженной бородкой типа «эспаньолка» он был похож скорее на научного сотрудника какого-то чудом не закрывшегося института РАН, чем на

священника. Неизвестно, почему они с Анной решили выйти вместе, но, как выяснилось несколько минут спустя, это спасло их.

Анна шла вперед примерно на один пролет раньше иерея, она опять умудрилась не заметить нашего героя, а он почему-то снова опешил и не мог произнести ни слова. Вдруг внизу послышались быстрые шаги – кто-то, человека два-три поднималось вверх по лестнице. В этом, казалось, не было ничего особенного, но Анна, почувствовав что-то, обернулась и стала скорой тихой рысью подниматься навстречу отцу Глебу. Тот недоуменно взглянул на нее, но все понял буквально за доли мгновений и тоже развернулся. В его глазах мелькнул страх, но он сразу прошел, и, пробормотав «На все воля Божья», пошел вверх.

– Нам нельзя возвращаться в эту квартиру, – прошептала Анна батюшке.

– Да, но куда нам идти, не на крышу же лезть. Может это не они и мы просто спустимся вниз, пройдя мимо них?

Анна на секунду засомневалась. Действительно, ведь, может, они не знаю, как выглядят Анна и отец Глеб. Но если они поднимаются, то других уже взяли, а, значит, скорее всего, всех знают в лицо. В таких мыслях она поравнялась с ФА-Сом, кинула изумленный взгляд на него, на сигарету, чашку кофе, его домашние штаны и майку, перевела взгляд на неплотно прикрытую дверь его квартиры, и, приняв молниеносное решение, схватила за руку священника, кавээнщика

и повлекла их к двери квартиры. Наш герой было запротестовал, но ее карие блюдца так взглянули на него, что он понял: сопротивление бесполезно. Дверь квартиры закрылась за своим хозяином и двумя беглецами, и через несколько секунд по лестнице простучали каблуки до зеркального блеска начищенных модельных туфель двух человек в приличных костюмах. Они поднялись на этаж, откуда совсем недавно начали свой спуск наши герои, и позвонили в дверь. Никто не ответил: хозяин все еще стоял выше, и не мог понять, почему так долго спускаются священник и девушка. Двое позвонили в дверь еще раз. Ничего не понимая, хозяин решил спуститься вниз и увидел своих гостей.

– Юдин! – окликнул его один из них.

– Вы что так кричите?! – испуганно зашипел на них человек, когда они назвали его агентурное имя.

– Да, извини... Где они?

– Кто?

– Не прикидывайся. Мы взяли всех, кроме двоих. Где еще двое? Среди тех, кого мы взяли, нет священника. Кто еще был?

– Девушка. Они должны были недавно спуститься, но из дома не выходили – я следил.

– Значит, они у тебя?

– Давайте проверим! Только я первый зайду.

– Давай.

Юдин открыл дверь, прошел по всей квартире, но, конеч-

но, никого не обнаружил. В недоумении, он позвал сотрудников ФСКР.

– Это что за дела? Куда ты их спрятал? Ты за кого нас держишь? – с этими словами ФСКР-щик, судя по манере держаться, более высокого звания, отвесил Юдину смачную оплеуху, от которой того отбросило метра на полтора.

– Никуда я их не прятал! Не знаю, куда они делись! Как сквозь землю провалились, гады! – еле сдерживая от обиды слезы и прикрывая рукой разбитую губу, пробормотал агент.

– Так, звони, вызывай людей. Они где-то рядом, – приказал старший, выбегая из квартиры, – Я наверх, ты вниз, заходим в каждую квартиру. Юдин, быстро к окну где ты стоял, наблюдай. Увидишь их – сразу давай знать.

– Центр, это Чёт и Нечет, нужны люди – искать двух сбежавших, – быстро проговорил в трубку второй, уже сбегая вниз по лестнице.

– Приняли, через 5 минут будут.

Как и было обещано, через 5 минут явилось два отряда, часть сотрудников оцепили дом, а остальные рассредоточились по району. Еще двое присоединились к Чету и Нечету для обхода квартир.

К двери квартиры ФАСа «люди в штатском» подошли примерно через полчаса после того, как беглецы вошли туда. Эти минуты прошли в мозговом штурме и молитвах о том, как и где спрятаться.

Кавээнщик открыл дверь еще до того, как в нее позвони-

ли. С заспанным видом он уставился на две хмурые физиономии и спросил:

– Уважаемые, что за шум? Воскресенье, утро, хочется отдохнуть. А тут крики, удары, падение мебели. Что случилось-то?

– Во-первых, не «воскресенье», а «солнцедень». Вы что, забыли, что это слово оскорбляет чувства тех, кто не верит в Воскресение? Во-вторых, в доме скрываются опасные религиозные мракобесы, и не все сограждане оказывают достойное содействие в их поиске, – резко заметил Чёт.

– Вон оно что! Тогда простите меня, офицеры, не буду мешать поискам.

И он уже собирался закрыть дверь, но один из неожиданных гостей положил свою руку на дверь и не дал хозяину скрыться в своем убежище.

– Позвольте осмотреть и Вашу квартиру, господин М11122030ФАС.

– О, так мы знакомы? Что-то я Вас не припоминаю!

– А мы и не знакомы. Во всяком случае, моего имени Вы не знаете, да и не должны знать.

– Если узнаю, Вам придется меня убить? – пошутил кавээнщик.

– Шутить будете на сцене, сейчас не подходящий момент.

– Извините, увлекся... Проходите, господа. Чай, кофе, сигарету?

– Нет, спасибо.

Они обошли прихожую, кухню, кабинет – никого. Осталась только спальня и ванная комната. В ванной была включена вода, но никого не было.

– Почему включена вода?

– Ну как Вам объяснить... Я не один.

У Чёта сразу всплыли слова из личного дела М1122030ФАС, которое он читал несколько минут назад: «Замечен в слабости к женскому полу. Соблазнитель. Имел конфликт вследствие связи с М*****Ю».

– Где она?

– Видимо, в спальне, раз в ванной ее нет. Чего только воду не выключила, тоже мне...

– Пусть оденется и выйдет к нам.

– Вот тут проблема! Нет у нее одежды.

– То есть как, нет?

– Ну, вот так. Я ее сюда неодетой привел.

– Что за бред Вы несете?

– Ну, товарищ полковник! – попытался подлизаться к нему ФАС.

– Я майор...

– Простите, майор... Что, никогда голых девок домой не водили?

– Нет, конечно!

– Гм, сочувствую, ну да ладно.

– Я водил, товарищ майор! – вдруг выпалил Нечет.

– Да помолчал бы, лейтенант! Не хватало еще твоих при-

знаний тут!

– Предупредите ее, что мы войдем, пусть чем-нибудь прикроется...

ФАС заглянул в комнату и довольно громко произнес:

– Дорогуша, прикройся чем-нибудь, а то у меня гости из органов, хотят на тебя взглянуть. Чур, не соблазнять их!

Трое мужчин вошли в спальню. На разложенной кровати, под белоснежной простыней лежала девушка с довольно жидкими волосами выжженного белого цвета, аляповато безвкусно накрашенная, с губами яркого красного цвета от помады. Она изобразила кокетливое смущение, но в следующую секунду истошно завизжала. Как только она сделала секундную паузу, Чёт заорал в ответ:

– Ты чего орешь, как потерпевшая, дура!

– Трое мужиков врываются к незащитной неодетой девушке, причем еще и полицейские! – истерично взвизгнула она – Без женщины-полицейского я вас тут не потерплю!

– Она права! – шепнул Нечет.

– Да знаю, что права, отвяжись! – прошипел Чёт – Мы не полицейские, девушка, а сотрудники ФСКР.

В ответ они слышали только крик на еще более высоких нотах.

– Господа, у меня скоро лопнут барабанные перепонки! – отметил ФАС, – может, вы ее с собой заберете, и она у вас в машине повизжит?

– Ладно, пойдет отсюда, – хмуро проворчал Чёт.

Выйдя из комнаты, ФСКР-щики уже были готовы уйти, но тут старший кое-то вспомнил:

– Уважаемый М1122030ФАС, а что это за огромный сундук у Вас в спальне? Древний какой-то что ли?

– О, это товарищ майор, можно сказать, историческая реликвия. Ржавая немного, но очень ценная для нашей семьи. Мне его дед подарил, а ему он от его деда достался. Старый кованый сундук, правда, проблема в том, что его уже лет 50 никто открыть не может. Дед говорил, там все равно ничего нет – мой прапрадед как закрыл его у деда перед носом, так и наказал никогда не открывать. Станный такой подарок. Можно конечно его каким-нибудь паяльником вскрыть, но так ведь всю красоту нарушишь. А так вещь красивая, «винтажная», как раньше говорили. Вот и стоит у меня эта дань семейной традиции, смешит гостей.

– Точно, говорите, не открываться? Там человек поместиться может, в таком сундуке.

– Не верите? Ну да что я спрашиваю, у вас же работа такая – не верить! Хоть поверье, хоть проверьте – но открыть его без нарушения, как вы бы это назвали, «целостности внешней оболочки», невозможно.

– Мы бы так не сказали, это Вы нас с кем-то другими путаете.

– Ну может быть, спорить не буду.

– Вы эту свою подругу в ванну перегоните, а мы попробуем открыть, вдруг у нас получится.

– Я, конечно, доверяю Вам как себе, товарищ майор, но давайте Вы попытки вскрытия будете все-таки при мне проводить, а то мало ли что.

– Согласен. Проводите девчонку в ванную, мы подождем на кухне.

– Обещаете не подглядывать? – с хитрой улыбкой спросил кавээнщик.

– Да обещаем, обещаем, – проворчали «силовики».

Они удалились на кухню, закрыв за собой дверь. ФАС прошел в комнату и вывел из нее девушку в ванную. Она слышала их разговор, испуганно взглянула на него, но ничего не сказала. Лежавший в сундуке отец Глеб тоже слышал разговор, усилил молитву и отдался на волю Божию.

И вот в комнату вошли Чёт и Нечет с твердым желанием открыть сундук. Нельзя сказать, что они были уверены, что найдут там кого-то, но годами оттачиваемое чутье Чёта подсказывало ему, что здесь что-то не так. На сундуке не было замка, он просто был плотно закрыт, петля лежала на язычке, как ей и было положено. Чёт схватился за крышку, потянул ее, ухмыляясь, но... она не поддавалась. «Силовик» не поверил происходящему, поднажал со всей мочи, но результат оказался прежним. К коллеге подбежал Нечет, и они взялись за дело вдвоем – сундук не поддавался. Они стали осматривать края сундука – очевидных следов того, что он был спаян (тем более, что это произошло в ближайшие час или меньше того), не обнаруживалось.

– Я же вам говорил! – торжествуяще воскликнул ФАС.

– Да, такое впервые в моей практике! – отметил Чёт, – а Вы нам его в лабораторию не сдадите, уже очень интересно, как это так получилось.

– Нет, извините, господин майор, вещь мне дорога как память, жалко отдавать его на опыты, – ФАС перешел на высокопарно-насмешливый стиль.

– Ладно, пойдем, и так кучу времени на тебя потратили. Как твою девчонку-то зовут?

– Чтоб я знал, господа, чтоб я знал!

– Ладно, спасибо за сотрудничество...

Они пожали друг другу руки, и ФСКР-щики ушли.

Дверь за теми, кто, по древней пословице, хуже татарина, закрылась. ФАС и Анна, на всякий случай выждав несколько минут, бросились в комнату, где стоял сундук.

– Они что, действительно, не смогли его открыть? – прошептала она.

– Да, представляешь! У меня сердце билось, наверное, с частотой ударов 200 в секунду, пока они над ним пыхтели. Мы-то его теперь как открывать будем?

– Вот как раз у нас, думаю, никаких сложностей не возникнет, – уверенно ответила Анна.

Она решительно подошла к сундуку, одним движением

откинула крышку и помогла отцу Глебу выбраться из своего спасительного плена. Потянувшись и размяв затекшее тело, священник облегченно улыбнулся.

– Спаси Вас Господи, незнакомец! Вы очень рискуете, пока мы находимся здесь, у Вас.

– Мое имя – М11122030ФАС, знакомые называют меня просто ФАС. Вам придется еще побыть у меня какое-то время – как стемнеет, уйдете, – как будто не услышав все, что было ему сказано, ответил наш герой.

– А давайте пока чаю попьем? – предложила Анна.

Они сели на кухне, ФАС заварил чаю, и полилась неспешная беседа.

– Удивительно, что мы встретились второй раз. Причем оба раза вы меня спасаете! – восторженно воскликнула Анна.

– Так это и есть твой недавний спаситель? Поистине, неисповедимы пути Господни! – восхитился священник.

– Надеюсь, я спасаю вас в последний раз. За мной неделю следили после нашей встречи – очень неприятное ощущение, – с горечью заметил ФАС.

– Поверьте, мы знаем, что это такое, – парировала Анна.

– Вы сами выбрали свой путь – скрываться, прятаться, все ради веры в некоего Бога, которого вы даже никогда не видели! – в сердцах воскликнул ФАС.

– Ну почему же не видели! Вот буквально сегодня мы Его наблюдали! – возразил священник.

– Это где же это? Он что, явился вам в квартире, там, надо мной? – с усмешкой спросил ФАС, указывая пальцем на потолок.

– Нет, не совсем так. Хотя и там мы причащались Святых Христовых Тайн, поэтому Бог был в каждом из нас, а мы – в Нем.

– Вот эта ваша манера – говорить какими-то непонятными для человека со стороны образами с использованием непонятных слов. Не удивительно, что ваши храмы решили покрывать. Так где же сегодня вы видели Бога?

– Ну, во-первых, это не только наши храмы, они и Ваши тоже. Уверен, среди Вашей семьи тоже были или есть верующие люди. А Господа нашего мы видели очень отчетливо – Он приходил к нам через Вас и спас от этих фанатичных людей.

– Гм, ну это, конечно, лестно, что Вы мне такую роль приписываете. Но, думаю, тут просто совпадение – я удачно оказался в нужное месте в нужное время.

– Два совпадения – это уже похоже на закономерность! – воскликнула Анна.

– Да нет никакой закономерности! Еще вчера я заметил тебя, когда ты спускалась по лестнице. А сегодня меня разбудили звуки сверху. Я вышел на лестничную площадку, и любопытство не давало мне вернуться в свою квартиру.

Гости были потрясены!

– То есть ты ждал меня, пока я выйду? А вчера почему не

окликнул меня, когда увидел? – спросила Анна.

– Аня, ну что за вопросы ты задаешь! – с укором произнес отец Глеб.

– Ой, извини! Не надо отвечать, я не должна была тебя об этом спрашивать, прости! – исправилась девушка.

ФАС угрюмо промолчал. Мысленно он поблагодарил ее, что ему не пришлось отвечать – что именно ответить, он совершенно не знал.

– Напомните, как Вас зовут? Я с трудом запоминаю эти данные государством идентификаторы, которые и именами-то язык не поворачивается называть. Родились в Москве, значит, первая буква – «М». Как помню, потом идут цифры 11 и 12, т.е. дата рождения у Вас – 11 декабря. А вот дальше не запомнил – огорченно закончил подпольный батюшка.

– Меня зовут М1122030ФАС. Но знакомые называю меня просто – ФАС.

– О, выродились в 2030 году. Если перефразировать Лермонтова, про него можно сказать «настанет год, России черный год, когда у приходских ворот все опустеет и умрет...». Анна немного опередила Вас, ее успели окрестить, не делая из этого тайны и преступления. А ведь сейчас это рассматривается как оскорбление чувств верующих какой-то церкви то ли осминога, то ли какого-то другого монстра. Видите ли, наши крестины пародируют их обряд! Сначала они назвались РПЦ, потом стали копировать наши таинства, извращая и издеваясь над ними. Но у нас же свобода вероиспове-

дания, поэтому все можно! А потом, когда мы начали заявлять о том, что такое поведение – непозволительно и провокационно, и права одного заканчиваются там, где начинаются права другого, все как-то очень быстро было перевернуто с ног на голову и виноватыми оказались мы! Вот так все и произошло... А Вас крестили?

– Я уже вроде говорил Анне, что нет.

– Возможно, Вас тайно крестили в детстве. Могло быть такое?

– На это способен только мой дед. Но он мне об этом ничего не говорил.

– Я бы на вашем месте у него спросил.

– Мне совершенно это не интересно.

– Ну спросите для нас, разве Вам жалко?

– С учетом того, что я надеюсь больше с вами не видеться, ваша просьба выглядит довольно странно.

– Ну да ладно, не буду к Вам больше приставать. Только скажу, что 11 декабря немало имен в святцах, но одно из них – Федор. Первая буква в вашем имени после цифр – буква «Ф». Может, конечно, это совпадение, и эта буква в нужное время оказалась в нужном месте, а может и нет...

– Святцы? Это что такое?

– Это такой список, куда мы, православные, смотрим, чтоб узнать, каких святых поминает Русская Православная Церковь в определенный день. Именно по святцам было принято называть детей, чтобы святой, именем которого назван

ребенок, был его небесным покровителем.

– Много у вас всяких странностей. Святцы, ангелы, сотворение мира за неделю! Ну вот как это – неделю на сотворение мира, если наука четко доказала, что процесс занял, между прочим, миллионы лет.

– Так, а почему Вы думаете, что семь дней, о которых говорится в Библии, это наши 7 дней, каждый из которых умещается в 24 часа и одну смену дня и ночи. Не знаю, читали ли Вы текст, но там ночь и день разделяются уже после создания земли и неба. А светила созданы еще позже, те самые светила, по которым мы сейчас делим день и ночь. Поэтому, конечно, не стоит понимать дни, которыми выражены дни творения мира как те же дни, которыми мы живем сейчас. И сам текст Библии об этом довольно четко говорит. Бог творил в вечности, потому что Он – вечен. Его дни – это, как и доказали ученые, – миллионы наших лет.

– Да, Ваши слова все четко расставляют по полочкам! Возможно, не все, что написано в Библии, такой уж и бред!

– Вся Библия – совсем не бред, смею Вас заверить. Просто не всегда текст легко понять, и есть соблазн понять его как-то особо. Отсюда, кстати, пошли все известные еретические движения. Люди просто стали «творчески толковать» Библию, особенно – Евангелие. Толковать от себя, будучи совершенно неграмотными в этих вопросах. Но при этом, если такой человек убедителен, красноречив, и вокруг него такие же малограмотные, как и он, то появляется новая цер-

ковь. Новое толкование – новая церковь. Поэтому православие называли «ортодоксальным» христианством, т.е. оригинальным, изначальным, не подвергнутому искажениям.

– Ну хорошо, а эта ваша «воля Божья». Вроде, если я ничего не путаю, с точки зрения христианства, человек свободен в своих поступках. А тут вдруг – «воля Божья». Волюнтаризм получается, и нет никакой свободной воли. Какой-то червяк, гусеница, а не человек. И это еще, как его, «привидение» – не помню, к чему это.

– Наверное, «провидение», а не «привидение», – с улыбкой отметил отец Глеб.

– Наверное! Вам лучше знать...

– Вы говорите мы – гусеницы. Можно и так сказать. А если закончить это образ – мы гусеницы, только некоторые из которых станут бабочками после смерти. А по поводу воли Божьей и как ее соотнести со свободой человека, то противоречие тут кажущееся, и соотношение их несколько сложнее, чем Вы можете себе представить. Здесь вот в чем дело. Бог существует вне времени, для него нет сегодня или завтра, нет живых или мертвых. Есть даже такая фраза в Евангелие, что Бог – это Бог не мертвых, но живых. Для Него не секрет, что с нами произойдет в течение всей жизни, и как мы будем поступать в той или иной ситуации. Это особенно ярко видно на примере. Вот если ты знаешь очень хорошо своего друга, подругу, ну или какого-нибудь другого человека, ты ведь можешь часто предсказать, что он скажет или сделает

при тех или иных обстоятельствах. Но ты же не определяешь поведение своего знакомого, он не твой раб, ты просто знаешь, и все. Вот теперь возведите это знание о человеке в степень бесконечности и распространите на всех людей, и сразу будет понятно, почему говорят, что все по воле Божьей и как это соотносится со свободой воли человека. Нельзя конечно забывать и про те обстоятельства жизни, с которыми мы сталкиваемся в буквальном смысле по воле Божьей, которые даны нам Богом во испытание и для нашего же роста и совершенствования.

– Интересное объяснение. И, главное, достаточно понятное. Бог не мертвых, но живых – это что значит?

– Если помните, христиане верят в бессмертие души. То есть, после смерти душа отделяется от тела и переходит в иной мир, мир вечности. Более поздние фантасты называли другие миры, которые они создавали в своих произведениях, «другим измерением». В сущности, это отражает суть того, куда попадает душа после смерти. Также один из центральных постулатов христианства состоит в том, что мертвые воскреснут, как Христос воскрес на третий день после распятия. Так вот, в Евангелии есть такой эпизод, когда у Христа спрашивают те, кто не верили в воскресение мертвых (они назывались «саддукеи»): кому будет женой после воскресения женщина, которую брали при жизни в жены несколько мужчин, потому что предыдущий умирал? Он им ответил, что после воскресения ни женятся, ни выходят за-

муж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. Еще он напомнил им из священного писания (то, что мы называем Ветхим Заветом), где говорится о том, что Бог – это Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Все эти люди умерли. Но не может же быть Бог быть Богом мертвецов. Отсюда и фраза о том, что Бог – это Бог не мертвых, но живых.

– Вот оно как. Преинтересная эта ваша книжка – Евангелие. Жаль, теперь ее найти очень сложно.

– Сложно, но можно, – отметила Анна.

– Что вы так на меня смотрите? Нет, я как-нибудь без нее проживу, ничего страшного, – испуганно замаха на них руками ФАС, когда увидел в ее глазах заговорщицкий блеск.

После этого все как-то примолкли и провели некоторое время в полной тишине, погруженные в собственные мысли. Тем временем стало смеркаться...

– Думаю, нам уже можно уходить. Не можем же мы злоупотреблять Вашим гостеприимством, – засуетился отец Глеб.

– Подождите, я выйду покурить на площадку. Заодно смогу оглядеться. Сосед-то мой сверху, видать по всему, сдал вас с потрохами. Уж очень они организованно действовали. Может он до сих пор дежурит. Кстати, можно и мусор вынести. Не уверен, что замечу слежку, но если что-то будет подозрительное – сможете посидеть еще.

– Хорошо! Спасибо Вам большое! – сказал отец Глеб в слух, а про себя вымолвил: «Спаси тебя Господи».

ФАС оделся, взял мусор, пачку сигарет с зажигалкой и вышел из квартиры. Когда оказался на лестничной площадке, он как бы между прочим взглянул вверх на лестничный пролет, постоял несколько секунд, прислушался. Никого не было видно, вокруг стояла непривычная тишина. Предварительно кинув взгляд в окно, он начал не спеша, прислушиваясь, спускаться вниз.

Так он дошел до первого этажа и вышел на улицу. Окончательно стемнело. Двор был, как всегда, тускло освещен. Закурив, он постоял какое-то время у подъезда, бросая взгляд по сторонам, но стараясь не выгледеть высматривающим что-то. Взгляд скользил флегматично, лицо выражало полную безразличность к происходящему. Докурив сигарету примерно наполовину, он двинулся к стоящим недалеко мусорным бакам, так же беспечно поглядывая по сторонам. Никаких признаков наблюдения он не обнаружил. Конечно, уверенности быть не могло: ведь он не агент спецслужб, чтоб профессиональным взором разгадать слежку. Почему-то вспомнился эпизод про «будильничек» из старого фильма «Профессионал» с Жан-Полем Бельмондо, который показывал ему дедушка в детстве. Но там, конечно, все было совсем иначе.

Выбросив окурки в мусорный бак, он так же не спеша двинулся к дому, постоянно представляя, что вот, из темноты к нему выходит человек с хмурым лицом и задает какой-нибудь неудобный, ставящий в тупик вопрос. Но все обошлось,

он благополучно вошел в подъезд, и подобно тому, как проделал это пять минут назад, медленно поднялся на свой этаж, потоптался на месте немного, прошел выше, оставил позади себя следующий этаж, добраться до последнего, никого там не обнаружил, украдкой взглянул в окно, не увидел там никого, кроме пары одиноких прохожих, спешащих домой, и вернулся к себе в квартиру. Надо сказать, что он немало рисковал, совершая эту вылазку. Риск схваченным был велик, а последствия – катастрофические. Что им двигало в тот момент – этот вопрос он неоднократно задавал себе, когда его гости ушли, по одному спустившись по лестнице, ставшей не на долгое время одной из главных действующих лиц повествования.

Как ни удивительно, никто не схватил их на улице, и каждый благополучно добрался домой.

Наши импровизированные сообщники разошлись по своим жизненным путям, которые так драматично пересеклись в тот вечер, каждый со своими мыслями по поводу произошедшего. Анна и отец Глеб решили не видеться некоторое время на случай, если над ними установили слежку. ФАС старался вообще забыть о событиях последних недель – все это очень выбило его из колеи размеренной, предсказуемой буквально с точностью до дня, жизни. Полностью уйдя в ра-

боту, он поздно возвращался в свою теперь почему-то казавшуюся ему пустой квартиру, моментально засыпал, даже толком не поев. Но среди ночи он стал часто просыпаться, ему грезилась Анна на его кровати, одетая в свою одежду, в которой она забежала в его квартиру, натягивающая одеяло по шею, смотрящая на него в этом парике, который у него лежал среди остальных составляющих гримерного набора. Он довольно отмечал, что все-таки очень удачно изменил ее внешность, хотя и не был профессиональным гримером. Потом его взгляд падал на громоздящийся темным пятном сундук, который стал вызывать у него какой-то первобытный страх. После ухода гостей он неоднократно подходил к нему, открывал, закрывал, снова открывал, заглядывал внутрь. Он даже хотел залезть внутрь и закрыться крышкой, но потом представил, что сундук так же необъяснимым образом не будет открываться, и в ужасе отступил от старинного артефакта, теперь уже казавшегося ему волшебным. ФАС пытался припомнить, не рассказывал ли дедушка чего-то подобного про сундук, и даже решил ему позвонить:

– Дедушка, привет, это ФАС! Слушай, а бывало такое, что наш сундук, ну, тот, который теперь у меня стоит, вдруг не открывался совсем, без видимых причин.

– Какой странный вопрос, внук! Нет, я такого не припомню, да и не рассказывал мне никто о таком чуде. А ты почему спросить-то решил?

– Да нет, ничего! Просто вычитал где-то про такой фено-

мен. Вот, решил у тебя спросить.

– Нет, мне кажется, такого не бывает. Ну или это какое-то чудо, по-другому и не назовешь.

– Так разве они бывают, чудеса?

– Конечно! А ты сомневаешься?

– Раньше не сомневался, что не бывает. А вот теперь даже не знаю...

– Что у тебя там такое произошло, что мы разговор такой завели?

– Дедушка, а меня крестили в детстве? – слабым голосом, сам не веря, что спросил это, произнес ФАС.

– Внук, ты меня пугаешь! Что за вопросы такие!?! У тебя все хорошо?

– Просто ответь мне, и все.

– Да, было такое. Надеюсь, ты не будешь из-за этого на меня сердиться. Этого никто не знает, и я не уверен, что стоило это по телефону говорить.

– И с каким именем меня крестили.

– Ты действительно хочешь это знать? Уверен в этом?

– Да.

– Тебя крестили с именем «Фёдор». Это значит Божий дар, в переводе с греческого.

ФАС был поражен: священник назвал то же самое имя, все совпадало...

– ФАС, ты чего замолчал? С тобой все в порядке? Ты меня слышишь?

– Да, да, все хорошо. Спасибо, бабушка! Пока!

– Ну будь здоров! Обнимаю тебя! Зашел бы хоть ненадолго!

– Зайду, зайду, как получится...

Разговор с дедом еще больше вывел ФАСа из равновесия. Мысли путались, происходила какая-то внутренняя борьба. Его разум, возвращенный в антицерковной среде, отказывался принимать то, что с ним происходило, но реальность обрушилась так неумолимо, что он нее нельзя было просто отмахнуться и идти дальше. Это, конечно, нельзя было сравнить с тем, как апостол Павел, еще будучи гонителем христиан Савлом вдруг услышал голос Бога («Савл, Савл, что ты гонишь меня?») и ослеп, но, если учесть разный масштаб событий, какие-то параллели провести было можно. Нет, наш герой не ослеп, и вообще физически чувствовал себя вполне неплохо, во всяком случае, как обычно. Но душа его, в существование которой он пока еще не особо-то и верил, металась, не давала ему покоя, а разум требовал ответов, но не находил их. ФАС снова хотел увидеться и отцом Глебом и Анной, но понимал, что это не только невозможно, но и чревато самыми неблагоприятными последствиями и для него, и для них.

Отец Глеб чувствовал, что за ним следят. Его немногочис-

ленный приход в полном объеме был арестован (кроме Анны, конечно), и, очевидно, допросы не прошли безрезультатно: о нем знали все, что знают о нем прихожане. И хоть верующие специально не делились подробностями своей жизни, чтобы им было как можно меньше что рассказать на допросах, но что-то все равно они знали, и этого было достаточно. Конечно, он перестал служить, но в его доме вполне хватало вещественных доказательств, чтобы рассмотрение его дела прошло быстро и с максимальным ущербом для него. Избавляться от всего, что хранилось в его квартире, он не хотел – уж очень много труда было вложено в постоянное собирание, по крохам, по крупицам: книги, архаичные диски, которые еще где-то можно было воспроизвести, иконы, все необходимое для богослужения. Эти сокровища были, конечно, спрятаны, насколько вообще возможно что-то спрятать в однокомнатной квартире в 33 кв.м. площади. Он понимал, что любой более-менее серьезный обыск откроет все его тайники, и сказать в свое оправдание ему будет нечего. Да и не хотел он ничего говорить в свое оправдание, он уже смирился с самым вероятным сценарием своей дальнейшей жизни – как это совсем недавно называли, венец исповедничества или мученичества был все ближе к нему.

Он все более задумывался, как же сохранить и уберечь от огненных рук государства все, что он так долго собирал. Ему приходил на ум недавний знакомый, спасший их с Анной, но как эта встреча может помочь ему, он не знал. И хотя жи-

ли они, по стечению обстоятельств, недалеко друг от друга, но любые контакты с людьми отец Глеб сейчас ограничивал только работой и продавщицами в магазине. Анна несколько раз как бы случайно проходила мимо него на улице, в ожидании какого-нибудь знака или как будто случайно брошенной фразы. Но он стойко не замечал ее, понимая возможные последствия. Она тоже осознавала, что его безразличие не случайно, и на какое-то время они вовсе исчезли из жизни друг друга.

Через месяц наблюдений ФСКР решила, что больше ждать нет смысла, и отца Глеба взяли под стражу. В квартире провели обыск, но ничего запрещенного обнаружить не удалось. Пройдя все допросы, священник ни в чем не признался, стойко молчал, но это не помешало, после полугодичного расследования, предать его суду, приговорившего иерея к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в трудовом лагере.

Почему обыск ничего не дал? Все благодаря продавщице в магазине по соседству с домом отца Глеба. Чудом сохранившийся в век супер- и гипермаркетов, магазинчик существовал столько, сколько помнили себя жители близлежащих домов. Продавщица тетя Люба, одинокая женщина уже в годах, еще когда отец Глеб был маленьким мальчиком, продавала ему хлеб, молоко и другие продукты, за которыми его посылала мама, и угощала порой конфетами. Уж очень ей нравился этой бойкий, но очень послушный и внутренне со-

средоточенный паренек. Глубоко верующая, тетя Люба почему-то была уверена, что Глебушка станет священником, и всегда говорила ему об этом. Возможно, слова доброй женщины особо запали в душу мальчика, и ее уверенность была не напрасна. Отец Глеб и тетя Люба сохранили теплые отношения и после его рукоположения, но общались мало, только перекидывались парой слов, когда он заходил в магазин.

И вот, когда наличие слезки не вызывало никаких сомнений, священник дни и ночи думал над тем, как сохранить все то, что было им собрано за все годы. В результате, единственным человеком, с которым он постоянно контактировал, не вызывая подозрений, и кто мог выслушать его, не сообщив в этот же день о состоявшемся разговоре «куда следует», была тетя Люба. В один из дней, зайдя, как обычно за хлебом, и удостоверившись, что в магазине больше никого нет, а он стоит так, что камера наблюдения не фиксирует его лицо (он боялся, что его слова можно будет прочесть по губам, но страхи были напрасны: камера, в нарушение всех предписаний, уже давно ничего не записывала).

– Тетя Люба, а ведь за мной слезку организовали, – тихо произнес отец Глеб.

– Что, неужто, только что? Я думала, Вы уже давно под наблюдением!

– Не знаю как раньше, но сейчас я это совершенно точно чувствую. И еще я чувствую, что недолго мне осталось к Вам в магазин наведываться.

– Вон оно как! Что случилось-то? Хотя нет, не отвечайте, не нужно мне это знать, – сначала по-женски любопытствовала, но сразу осеклась женщина.

– Я хотел бы Вас кое о чем попросить. Это будет очень большая просьба, связанная с таким же большим риском.

– Если я смогу помочь, я готова. Годы проходят, мужа и детей Бог мне не дал. Ежели появляется такая возможность в жизни – хоть для Вас какое большое дело сделать, грех ее упускать.

– Я тогда к Вам еще подойду. И так надолго у Вас задержался, могут что-то заподозрить.

На следующий день отец Глеб снова зашел в магазин. Ему снова повезло – других покупателей не было.

– Тетя Люба, в продолжение нашего вчерашнего разговора. Вы все еще готовы мне помочь? Придется хранить некоторые вещи, за это Вас могут посадить в тюрьму.

– Ну, этим меня не испугаешь, мне особо и терять-то нечего.

– Хорошо. Тогда я буду приносить Вам понемногу иконы, книги и другие вещи. Сами по себе они не занимают много места, но вместе достаточно объемны. Думаю, в магазине их хранить не стоит. Ваш дом – не самое безопасное место, но мой – и подавно.

– Хорошо, Ваше преподобие, приносите. Я все возьму и отнесу к себе. Но что мне с этими вещами потом делать? Умру я, наследников у меня нет, квартиру государство забе-

рет.

– Бог управит, тетя Люба. У меня больше никого нет, кому я бы смог довериться. Меня могут со дня на день арестовать, а Вы еще поживете, даст Бог.

– Ну, как знаете! Я только рада Вам помочь.

Все время, которое оставалось у отца Глеба до ареста, он потратил, чтобы аккуратно, стараясь не привлекать ничье внимание, передать все вещи тете Любе. Когда других покупателей не было, он просто передавал продавщице то спрятанные за пазухой, то просто лежащие в пакете иконы, книги, лампы, свечи, потиры (чаша, из которой принимают святое Тело и Кровь Христову), диски (блюдо для положения на него вырезанных частей просфоры), звездицы (богослужебный предмет из двух металлических дуг, соединенных в центре пересечения так, что они могут соединяться и раздвигаться), копии (плоский нож в виде наконечника копья, заостренный с двух сторон, для вырезывания частиц из просфор), ложки (ложка с крестом в конце рукояти, употребляется для преподания Причастия из потира). Буквально за два дня до ареста все вещи были переданы.

ФАС бесцельно слонялся по району, мысли блуждали. Вдруг ему захотелось купить что-нибудь перекусить, в меру вредного, но очень вкусного. Такое желание возникает почти

у каждого из нас. Хочется себя чем-то побаловать, усладить. Конечно, все это, как говорится, от лукавого, но с этого малого можно начинать борьбу со своими страстями. Удержался от соблазна съесть чипсы или гамбургер в Макдональдсе – и ты уже совершил маленькую победу над собой, над своей страстной природой. А маленькая победа дает дорогу к большой.

Но наш герой пока не думал над такими вещами, а просто зашел в ближайший магазин. Он долго выбирал, что же ему купить, потому что ничего определенного не хотелось. Его взгляд, скользящий по полкам, вдруг наткнулся на книгу, которая лежала в самом низу. Она явно не продавалась, а скорее торчала, плохо спрятанная, прикрытая листком бумаги. Можно быть рассмотреть буквы названия «елие».

– А что у Вас за книга там? Она продается? – просил наш герой.

– Какая книга? – удивленно и несколько испуганно спросила продавщица. Думаю, уже все догадались, что это была тетя Люба.

– Ну вот эта, там, внизу, бумагой прикрыта.

– А, эта! Нет, у нас же не книжный магазин! – с улыбкой ответила тетя Люба.

– А как она называется?

– Да я и не знаю, триста лет уже тут лежит, никто ее не читает, – всерьез обеспокоилась женщина.

– Ну, ладно! Я подумал, может это Евангелие. Просто

недавно у меня состоялся очень интересный разговор с одним священником и его прихожанкой. Она заронили во мне зерна сомнения: может и не такой уж бред эта Библия с Евангелием.

Тетя Люба побелела. Она ярко представила себе картину допроса отца Глеба и какой-нибудь его прихожанки, на котором он сознается, что передал все, что у него было, ей, продавщице в таком-то магазине. И вот к ней уже пришли. Как ее угораздило оставить Евангелие на таком видно месте! «Эх, дура я старая, – сокрушалась тетя Люба, – все труды отца Глеба прахом пошли».

– Ну что Вы, какое Евангелие, – сама себе не веря, прошептала полуживая женщина, – как такие книги можно хранить-то вообще. Это ж преступление.

Тут до ФАСа дошло, что она принимает его за ФСКР-щика, который «пришел по ее душу».

– Вы меня неправильно поняли! – поспешил успокоить ее кавээнщик, – я не сотрудник религконтроля! Я действительно совершенно случайным образом на целый день приютил у себя священника и его прихожанку. Их хотели арестовать, но они укрылись у меня и избежали злой участи.

– Как же звали этого священника и прихожанку? – сильно сомневаясь в его искренности, спросила продавщица.

– Сейчас вспомню... Девушку зовут Анна, а вот священника... Отец Павел... Нет! Отец Глеб, вот! А Вы что, его знаете?

Тетя Люба начала вспоминать, как отец Глеб рассказывал ей историю своего, в буквальном смысле, чудесного спасения. Но эту историю вполне могли знать и ФСКР-щики от самого иерея. С другой стороны, если он все знает, зачем так смиренно отвечает на все вопросы. Может проверяет ее?

– Я кавээнщик, капитан команды. Вот включите телевизор, первый канал, сейчас как раз игру повторяют.

Продавщица послушно включила телевизор. По центральному каналу действительно шел КВН, выступала команда ФАСа. Вот и он появился на экране.

– Смотри-ка, действительно! Как на Вас похож!

– Да не просто похож, это и есть я! Вот, сейчас я скажу «Александр Александрович, а это правда, что в детстве Вас звали Сан Саныч?» – произнес он одновременно, тем же тоном и тем же голосом, что и человек на экране.

– Вот это да! Как это Вы, и в КВН играете, и в ФСКР работаете? – продолжала гнуть свое женщина.

– А вот это, кстати, нельзя. Многие из моих коллег хотели бы приобрести такой, знаете, двойной статус. Но ведомственные акты ФСКР это специально запрещают – мне рассказывали. Так а Вы знаете отца Глеба? С ним можно как-то увидеться? Я понимаю, что опасно. Но с момента нашей встречи уже прошло больше месяца, может, уже и нечего опасаться.

– Как будто Вы не знаете, где сейчас отец Глеб, – все еще сомневаясь в его искренности, но уже мягче ответила тетя

Люба.

– Нет, откуда ж мне знать!

– Арестовали его. И как в воду канул.

– Вот как... А вдруг и меня арестуют?? – испуганно спросил ФАС.

– Если еще не арестовали, то пока бояться нечего.

– А Анна, как она?

– Я ее не знаю. Не слышала, что с ней.

– Ну пожалуйста, скажите правду! Это очень важно!

– Да не знаю я, говорю же Вам!

– Понятно...

Они помолчали какое-то время, погруженные в свои мысли.

– Та книга, с которой начался наш разговор – это Евангелие? – спросил ФАС.

– Да...

– Дадите почитать?

– Вы понимаете, что становитесь соучастником преступления?

– Да!

– Возьмите. Давайте я заверну ее вам в бумагу, так не будет видно, что именно у вас за книга.

– Спасибо огромное!

– Чтобы не рисковать лишний раз – не возвращайте мне ее. Если боитесь хранить у себя – лучше отнесите куда-нибудь. Но не выбрасывайте в мусор.

– Хорошо. И дайте мне вот эти чипсы, пожалуйста, и вот, хлеба батон. И пакет. Да, вот этот, черный.

Взяв свои покупки и книгу, ФАС вышел из магазина, сел на ближайшую скамейку, съел пачку чипсов, которые не доставили ему совершенно никакого удовольствия, и поспешил домой. Ему казалось, что книга буквально прожигает пакет, светится в нем, полыхает огнем. Стараясь успокоить себя, он глубоко и медленно дышал, старался идти медленнее, но желание поскорее приступить к чтению гнало его вперед все быстрее и быстрее. Его чуть не задавил проезжающий автомобиль, он наткнулся на не спеша шествующую ему навстречу женщину, извинился, поторопился дальше.

Вот, наконец, он зашел домой, и, не переодеваясь, не ев, и не спав, за один вечер и ночь прочитал Евангелие полностью. На следующий день было воскресенье, но репетиции незадолго до очередной игры шли почти каждый день, поэтому ему удалось поспать всего несколько часов, чтобы днем явиться на работу.

Через несколько дней ФАС снова пришел в уже знакомый нам магазин. Продавщица узнала его, и на ее лице отобразился немой вопрос: «Что Вы здесь делаете?».

– Я прочитал книгу, большое спасибо! Но далеко все я понял. У вас нет никаких комментариев или чего-то в этом

роде?

– Вы понимаете, о чем просите?

– Очень хорошо понимаю.

– У меня есть, но не здесь. Могу принести, если очень нужно.

– Хорошо, принесите, пожалуйста! Когда можно прийти?

– Я принесу послезавтра, не придете – унесу обратно.

– Я буду!

Он пришел послезавтра, но в магазине по другую сторону прилавку на него смотрела девушка лет тридцати с бесцветными волосами и таким же лицом. Купив что-то, чтобы не вызывать подозрений, но ушел, разочарованный.

Тетя Люба специально назвала ему день, когда ее точно не будет в магазине – просто не ее смена. Если этот парень не тот, за кого себя выдает, то он мог бы поймать ее «на живца». Как заправская шпионка, тетя Люба наблюдала из укромного места за магазином. Она видела, как пришел и ушел ФАС, и ничего подозрительного не заметила.

На свой страх и риск тетя Люба несколько дней подряд носила с собой Закон Божий, переданный отцом Глебом. Но наш герой решил пока не ходить в магазин – уж очень часто он стал туда наведываться в последнее время.

Наконец, выдержав только неделю, он снова явился в магазин. В этот раз он не ошибся сменой.

– Здравствуйте! Почему-то Вас не было на работе в тот день, когда мы с Вами договорились.

– Да, была не моя смена.

– Проверяли меня?

– В наше время по-другому нельзя.

– Да, Вы правы. Я так и понял на самом деле, хотя мысли всякие в голову лезли.

– Вот, держите эту книгу. Думаю, она на многие вопросы Вам ответит, – сказала тётя Люба, передавая ФАСу Закон Божий.

– Спасибо!

– А Вы, кстати, знаете, как образовалось это слово – «Спасибо»?

– Нет, не знаю.

– Это сокращенное «Спаси Бог». Вот так. А мы все говорим, и даже не задумываемся над этим. Интересно, а власти наши об этом знают. «Воскресенье» ведь умудрились запретить, нечестивцы.

– Наверное, многие об этом просто не знают. Или есть те, кто знают, но молчат, за что им, опять же, спасибо!

– Да и на что они заменят-то его? «Благодарю»? Так и этот вариант их вряд ли устроит, ведь тут «благо даришь», «благодать даешь».

– Да, тоже очень сильный религиозный подтекст, хотя и не столь очевидный. Зная, как легко у нас вводятся разные искусственные слова, не удивлюсь, что и этим найдут замену. Как всегда, полезут в английский и выудят оттуда что-нибудь более-менее подходящее. Я, конечно, не против нео-

логизмов, но только не когда они вводятся избыточно, заменяя уже существующие слова. Всевозможные «ресепшн», «хаускипер» – эти слова давно вошли в наш обиход и не воспринимаются как иностранные, а совсем недавно таких слов у нас просто не было. Была «приемная», «домохозяйка» – вполне адекватные слова. А «менеджер» – сегодня практически каждый специалист, который что-то продает или просто занимается так называемым умственным трудом, а не физическим, – это менеджер. Manage – это же переводится с английского «управлять». А чем управляет этот менеджер? Да ничем. Это просто «специалист». Специалист отдела продаж, специалист по закупкам, отдела по работе с персоналом и так далее. Скажете «специалист» – тоже иностранное слово. Не спорю. Но это слово очень давно вошло в обиход, и нет у него какого-то удобоваримого аналога, плюс, значение вполне подходит – специалист в чем-то да разбирается, специализируется. Да и не стоит, конечно, от всех слов иностранного происхождения отказываться. Просто не вводить их огульно, просто потому что это модно.

– Ну Вы прям целой речью разродились, молодой человек! – с улыбкой заметила тётя Люба, – но я с Вами согласна, если честно. Как советская власть пришла, они все сокращения всякие вводили – «главвоенмор», «кликбез», «командарм». Им на смену пришли «демократы» – те взяли за английский язык.

– Когда я должен вернуть книгу?

– Когда захотите!

На изучение Закона Божьего у ФАСа ушло гораздо больше времени, чем на Евангелие, что, в сущности, совсем не удивительно. Объем книги не испугал его, и он взялся прочесть ее два раза подряд. Многие открылось ему после прочтения, многое стало понятно, но жажда его не прекратилась. Ему очень захотелось попасть в храм, на богослужение, чтоб воочию увидеть все то, что он прочитал. Но возможности такой он не видел. Единственный шанс – как-то встретиться с Анной, и она сможет отвести его на домашнюю службу. Но где ее найти в огромном городе, эту девушку, столько внезапно появляющуюся в его жизни, и также внезапно исчезающую?

От безысходности он включил телевизор и стал бесцельно щелкать по каналам, в надежде наткнуться на что-то интересное. Иногда показывали старые художественные фильмы или иностранные документальные, где могли даже показать церковь (куда смотрит цензура) или рассказать что-то.

«...Да, если бы в картине-победителе, в этой прекрасной истории любви мы бы увидели отношения между людьми разного пола, фильм потерял бы свою художественную ценность, это же очевидно» – промелькнул отрывок интервью какого-то, видимо, члена жюри Каннского фестиваля. Щелк, и на экране появился человек с плакатом, громко скандирующий вместе с хором людей: «Оградим наших детей от бабулек, продающих натуральные продукты с огорода». Щелк.

«Видите ли, попытки решения современных научных юридических проблем напоминает мне процесс вытягивания телеги из басни про лебедя, рака и щуку, где лебедь – наука, рак – законодательство, а щука – практика» – вещал худощавый мужчина в костюме, галстуке и очках в золотой оправе. Больше ФАС не выдержал, и выключил телевизор.

Анна, давно не видевшая отца Глеба, решила сходить к их общим знакомым. Они рассказали ей, что священника арестовали и на сегодняшний день судьба его неизвестна. Но в квартире у него не нашли ничего запрещенного, что казалось совершенно невозможным. Знакомые предположили, что у него был какой-то никому не известный тайник. Но какой смысл в тайнике, о котором вообще никто не знает, кроме его владельца? Они поинтересовались, не рассказывал ли отец Глеб Анне что-то об этом – где теперь лежат те бесценные вещи и книги, которые батюшка умудрился скрыть от рук спецслужб. Но ей ничего не было известно. Было несколько догадок, но она решила их не озвучивать: неизвестно, на чьей стороне теперь эти знакомые, да и в случае ареста им нечего будет рассказать.

Анна поставила перед собой цель – во что бы то ни стало найти вещи отца Глеба либо удостовериться в том, что они погибли или безвозвратно утрачены.

Ей виделось несколько вариантов. Первый – что вещи бы-

ли постепенно выброшены священником. В этом случае найти их было совершенно невозможно, и достоверно узнать, что они выброшены – тоже. Второй вариант – у отца Глеба есть какой-то тайник. Здесь тоже все было очень сложно, так как никакой информации о нем у нее не было. И последний вариант – батюшка успел отдать вещи кому-то, кому он доверял. Этот вариант был единственный, который можно было считать перспективным: отец Глеб почти ни с кем не общался.

Анна не была знакома с тётёй Любой лично, но знала, что они общались с отцом Глебом. Он часто рассказывал Анне свои детские воспоминания, связанные с продавщицей в магазине. Больше идти было некуда.

Примерно неделю Анна собиралась с духом. Идти было страшно: а вдруг слезка, засада, арест?

Но вот настал день, когда все страхи были отброшены. Анна без труда нашла магазинчик – таких оставалось совсем немного в округе. Зайдя, она сразу узнала тётю Любу, как ее описывал отец Глеб: невысокого роста, полноватая, с благостным лицом, искрящимся добротой, и абсолютно седыми волосами, замысловато уложенными.

– Здравствуйте! Меня зовут Анна. Не знаю, рассказывали Вам обо мне отец Глеб.

– Да, да, конечно, рассказывал, дитяtko! Даже фотографию твою показывал. Знал, наверное, что ты придешь когда-нибудь.

– Я должна Вам задать один вопрос, очень важный...

– Он мне все передал! Все, что у него было. Успел до ареста.

– Откуда Вы узнали, что я хочу спросить?

– Да и узнавать нечего, и так все ясно. Но у меня больше нет ничего.

– Как так? Куда все пропало?

– Я поняла, что не могу это больше у себя хранить. Да и тебе, наверное, приходить не стоило. Чувствую я, что за мной наблюдают.

– Вы уверены?

– Если бы я была уверена, то мы бы с тобой вообще не разговаривали.

– Так где теперь все, что Вам передал отец Глеб.

– У одного молодого человека. Да ты его знаешь. Он тебя с отцом Глебом у себя приютил, спас вас, можно сказать. Жаль, батюшке это не на долго помогло.

– ФАС? А Вы откуда его знаете?

– Случайно познакомились, – и тётя Люба рассказала Анне про плохо прикрытое Евангелие, и что из этого вышло.

– Почему Вы решили именно ему все отдать?

– Сначала он взял почитать Евангелие, потом я дала ему Закон Божий. Он очень заинтересовался этими книгами. Говорил, что у него много вопросов возникло. Примерно тогда же я начинала подозревать, что меня могут арестовать, и тогда весь труд отца Глеба будет проделан зря. Не могу сказать,

что я совершенно доверяла ему, но никого другого просто не было.

– Но там же очень много всего, как Вы умудрились, не привлекая внимание, все это ему отдать?

– Мы договорились, что я буду в определенные дни, в определенное время и в разных местах оставлять пакеты или свертки, а он – забирать их. Способ, конечно, рискованный. Но ничего лучше нам в голову не пришло.

– Вы давно с ним виделись? – взволнованно спросила Анна.

– После передачи всего, что у меня было, мы решили не общаться, чтоб не подвергать друг друга ненужному риску.

– Понятно... Спасибо, тётя Люба! Пойду я, наверное...

– Иди с Богом, милая! Может, свидимся еще!

Анна была потрясена услышанным. ФАС снова появился в ее жизни, как всегда, неожиданно и спасительно. Зачем этот человек опять пошел на риск, в этот раз ради малоизвестной продавщицы? Первым желанием было пойти к нему, но она побоялась. Но потом она вспомнила слышанное где-то выражение, что Бог не любит боязливых, и решила пойти домой к ФАСу. Как раз сегодня у нее был выходной. Но, несмотря на то, что был уже вечер, ФАСа не оказать дома – он работал, репетиции стали занимать очень много времени. На следующий день поздно вечером Анна пришла еще раз, и ФАС был дома. Посмотрев в «глазок» и узнав Анну, он, как ни в чем не бывало, открыл дверь, будто ждал ее прихода...

Все, что ФАС получил от тёти Любы, он смог уместить в свой сундук. Свободное время он проводил за чтением книг из той сокровищницы, которая ему досталась. Желание выходить на сцену с заранее утвержденными и согласованными со всем инстанциями шутками иссякало у него с каждым днем все больше. Он старался не подавать вида, усердно репетировал, выглядел и вел себя как всегда, но внутренний процесс отчуждения от его столь любимой ранее работы был уже необратим.

Порой он с тоской вспоминал Анну, вглядывался в лица проходящих по улице девушек, стараясь узнать в них ее, и даже один раз тронул за плечо одну, которая была похожа на Анну, но сразу понял, что обознался. Поэтому он совершенно не был удивлен, когда увидел ее перед дверью своей квартиры, хотя и подумал на мгновенье, что она ему привиделась.

– Здравствуйте. Проходите скорее. Рискованно было Вам сюда приходиться, – ровным голосом произнес он.

– Здравствуйте! Извините, что побеспокоила Вас, – сказала она, заходя.

– Никаких беспокойств! Разувайтесь, вот сюда можете повесить куртку.

– Спасибо! Я пришла к Вам потому, что тётя Люба, про-

давщица из магазина «Родной» рассказала мне о Вас.

– О, Вы тоже знаете тётю Любу! Очень приятная женщина. Как ее дела?

– Она подозревает, что за ней следят, хотя не уверена до конца. В целом выглядит хорошо и не унывает.

– А Вы откуда ее знаете? Вряд ли постоянно посещаете ее магазин, иначе мы бы раньше встретились.

– Мне о ней отец Глеб рассказывал. Я узнала, что его арестовали, но ничего запрещенного не нашли. Вот и решила к ней наведаться, а она про Вас рассказала. Я не смогла удержаться, и пришла к Вам. Она действительно смогла Вам все передать?

– Да! Хотите, покажу?

– Если честно, да, хочу! – с улыбкой произнесла она.

– Вот, смотрите! – и он открыл сундук, доверху наполненный аккуратно сложенными книгами и всем необходимым для богослужения.

– Вот это да! Как я рада, что у вас с тётей Любой все получилось! Но что Вы будете с этим всем делать?

– Как что, отдам в музей!

– Вы что?? – в ужасе Анна отшатнулась.

– Шучу, шучу! Извините, это у меня профессиональное...

– А, ну да, кавээнщик... Вы так больше не шутите, пожалуйста.

– Если серьезно, я не знаю, что с этим делать! У меня это все лежит «мертвым грузом». Я читаю, конечно, много чи-

таю. Но очень хочется поучаствовать в богослужении, а священника нет.

– У меня есть еще один знакомый священник, но я с ним давно не общалась.

– А он служит литургии?

– Сейчас – не знаю.

– Если вдруг Вы узнаете, что служит, сможете мне сказать? Очень хочу поучаствовать.

– Я постараюсь. Но сейчас это очень опасно, служат редко.

– А Вы знаете, Вы мне снились, – вдруг сменил тему ФАС.

– Как пишут святые отцы, сны, в большинстве своем, от лукавого. А им думаю, виднее было.

– Ну, вот, прямо, от лукавого! Это же просто игра подсознания может быть.

– Может и так. Но от снов, от того, чтобы придавать им значение, всегда предостерегали в православной традиции. Святые, они ведь стяжали высокие уровни духовного развития. Это вот все равно как ты стоишь на первом этаже небоскреба, а он – на крыше. Кто больше видит, у кого обзор шире?

– Конечно, у того, кто на крыше. Ну мне же ничего плохого не снилось. Просто всплывали картинки того, как вы тогда с отцом Глебом у меня побывали.

– Да, это событие, наверное, сильно всколыхнуло вашу жизнь! У Вас не возникло никаких проблем в связи с этим?

– Нет, все тихо! Никто не приходил, каверзных вопросов

не задавал.

Тут оба почувствовали обычную в таких случаях неловкость, когда разговор заходит в тупик.

– Может быть, чаю? Или что-нибудь еще? Вы не голодны? – наконец-то предложил ФАС.

– Да, с удовольствием попью с Вами чаю! Есть совершенно не хочется, спасибо!

Они прошли на кухню, ФАС заварил чай, выложил на стол все, что у него было к чаю, а запасы его были скромны – несколько овсяных печенюшек, мармелад и сухое галетное печенье.

– В следующий раз я лучше подготовлюсь! – с улыбкой сказал ФАС, кинув взгляд на скудный стол.

– Да что Вы, в самом деле, все хорошо! Очень люблю мармелад!

– Кстати, отец Глеб был прав, мое имя по крещению – Фёдор! У дедушки узнал.

– Ого! Как хорошо, что Вы решили это узнать! Это очень важно!

– Анна, может, уже перейдем на «ты», а то я себя как-то неловко чувствую.

– Да, с удовольствием, Фёдор!

– Наверное, лучше меня так не называть, а то можно привыкнуть и на улице окликнуть. А это уже может плохо закончиться.

– Да, Вы, то есть, ты прав! Тогда – ФАС?

– Да, лучше так.

– Ты прочитал Евангелие, Закон Божий, наверное, еще много православных книг. Почему ты решил это сделать? Поверил в Бога?

– Сейчас уверенно могу сказать, что поверил. Конечно, не будь этих двух встреч с тобой, мне бы и в голову не пришло брать у какой-то незнакомой женщины Евангелие, а потом еще и Закон Божий. И уже после того как я прочитал эти книги, я понял, что этого недостаточно. И решил забрать все то, что теперь лежит у меня в сундуке. Безрассудно как-то все это.

– Да, но такое безрассудство заслуживает восхищение! Я не знаю таких людей, даже среди моих знакомых верующих, которые смогли бы так поступить.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Нет, вовсе нет! Но проблема остается, ты прав – хранить все это в квартире небезопасно, да и смысла в этом мало.

– Я не знаю, что с этим делать. Пока пусть у меня будет.

– Ох, поздно уже! Мне домой пора, завтра на сутки уйду.

– Ну что ты, побудь еще немного.

– Нет, извини. Слишком рано уходить не хотелось, вдруг кто-то увидит. Да и слишком поздно тоже плохо – это тоже привлекает внимание.

– Ну ладно! Я рад, что ты зашла! Очень приятно было с тобой пообщаться! Надеюсь, мы еще увидимся?

– Мне бы тоже очень хотелось увидеться вновь. Но не знаю

– все время живешь с ощущением, что ты вне закона, а встречи с тобой только усилят эти ощущения. Но самое главное – это вновь привлечет к тебе ненужный интерес.

– Это уже не важно. Все неосмотрительные поступки я уже совершил. И мне, представь себе, очень легко. Я себя прекрасно чувствую, и мне уже все равно, что будет потом.

– Почему же ты беспечно стал относиться к своей жизни? Ты же понимаешь, что все это может уничтожить ее.

– Во многом, потому что я очень проникся одной фразой из Евангелия – «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Мне она как-то очень понравилась. Действительно, что они мне могут сделать? Ну, уволят, ну, посадят. Убьют – да это вряд ли!

– Какой у тебя глубокий подход. Дай Бог, чтобы он сохранился, если вдруг тебя действительно станут преследовать.

– Да, согласен. На словах всегда все легче, чем на деле.

– Я пойду, ФАС! До свидания!

– До свидания, Анна! Когда мы встретимся вновь?

– Не знаю... Вот мой номер телефона, – сказала она, записывая цифры у него на руке (он даже не успел запротестовать), – он всегда лежит у меня дома, с собой я его не беру. Но если застанете меня дома – отвечу.

– Я обязательно позвоню!

ФАС первый выглянул за дверь, осмотрелся, вышел на площадку, потом на лестничную клетку, никого не обнаружил и тихо позвал Анну. Та молниеносно добралась до лест-

ницы, махнула рукой на прощанье и убежала в ночь.

«Стучат колеса поезда метро... Как приятно ехать по этой ветке, большая часть которой проходит по земле, а не под ней. Сколько жизней мелькает вокруг... В каждом этом доме, за каждым окошком теплится, волнуется и трепещет она, простая, а иногда кажущаяся сложной, жизнь. Эта земная, такая короткая и длинная одновременно, она готовит нас к дальнейшему пути, в котором уже не будет ни времени, ни мира в том виде, как мы к нему привыкли...»

ФАС, как всегда, на метро, ехал на репетицию, думая о разном. Его размышления прервала фраза, вырвавшаяся из громкоговорителя на очередном перегоне между станциями: «Уважаемые потенциальные террористы и похожие на них лица, просим с пониманием относиться к просьбе сотрудника охраны повторно пройти через рамку металлоискателя». Девушка заступила на смену, и вслед за мужским голосом прозвучало приятное сопрано – «Нажмите кнопку для выхода».

Вагон, как это часто бывает, поражал разнообразием ехавших в нем людей. По большинству это, конечно, были граждане азиатских республик когда-то давно существовавшего Советского Союза, ведь москвичи окончательно пересели в кредитные автомобили, и с нескрываемым удовольствием

стояли в вездесущих, круглосуточных пробках. Русская речь почти не пробивалось сквозь гул восточных языков. Из сидящих выделялся какой-то мужчина, который читал книгу, видимо, про мировое господство. В книге мелькали слова о мировом правительстве, сионизме и прочие атрибуты конспирологических изданий. Читатель сам был как будто олицетворением этого мирового господства: строгие черты выбритого до синевы лица, крупный нос, средней длины вьющиеся волосы на сильно полысевшей голове. Он смотрел в книгу почти немигающими голубыми глазами, всем видом показывая, что он выше всего, что его окружает и знает то, что скрыто от других. Мировое господство вышло на станции «Киевская», скрывшись в толпе не разделенных на овец и козлиц.

Еще два ярких пятна в сером вагоне: девушка с бантиками шрамирования над коленками и другая – азиатской внешности с бабочками-тату в сгибах коленей. Азиатка стояла спиной в ФАСу, а девочка со шрамированиями – лицом, поэтому ему были прекрасно видны изображения на ногах у обеих. О чем разговаривали девочки, он не слышал, но уже самого зрелища было вполне достаточно, чтобы искушенный в разных неформальных людях кавээнщик был несколько поражен увиденным. Девушка с бабочками почувствовала взгляд ФАСа и обернулась. Она была небольшого роста, худая, но очень симпатичная, бабочки на ногах как будто немного приподнимали ее над полом вагона, а плиссиро-

ванная мини-юбка только усиливала эффект. Образ портило лицо – черты его были тонкими, почти детскими, но при всей красивости оно выражало столько порока, что не верилось, как этот изгиб губ может соседствовать с правильными чертами нежного личика. Ее подруга во многом была полной противоположностью: грубое, почти мужское лицо, обилие пирсинга, громкий низкий голос, бесформенные джинсы с дырами, из которых виднелось то самое шрамирование. Ее рука лежала на плечах азиатки, второй она держалась за поручень, немного раскачиваясь. При всей этой кажущейся разности между ними было что-то общее, что из объединяло. ФАС не сразу понял, что именно, и какое-то время наблюдал за ними. Девушки почувствовали его интерес, одновременно бросили на него полный пренебрежения взгляд, и тут он понял, что между ними общего: окружающие люди для них были ничтожествами, а они ощущали себя сверхлюдьми, некими ницшеанскими героинями (хотя вряд ли они знали, кто такой Ницше).

ФАС устал наблюдать за окружавшими его людьми и закрыл глаза. «Я лучше постою с закрытыми глазами, посмотрю в бесконечность, но как бы она не закончилась полом вагона», подумал он, качнувшись от резкого торможения поезда, и машинально открыл глаза. Мысли снова унесли его из метро в мир абстракций и рефлексии.

«Когда сильно устаешь, порой приходят какие-то интересные мысли, необычные. Второе дыхание? Не знаю. Может

быть потому, что действуешь на пределе сил? Чувствуешь себя как будто немного выпившим, но не до пьяна, а именно на уровне тонизирующей дозы. Но ты же ничего не пил. Просто много работал, например, или даже проходил весь день какой-нибудь никому по сути не нужный медосмотр (надо справку получить). И вот оно, пришло. Ясность мысли. Острота какая-то, вдохновение. Весь день его особо не было, а тут... пришло. И ты пишешь или генерируешь идеи, или болтаешь без умолку с малознакомым человеком, тонко реагируя на каждое его слово. Но надолго ли это? Нет, не на долго. Это быстро пройдет, усталость навалится с новой силой, но это уже будет не важно, главное уже произошло. Ты уже выразил себя или познакомился с кем-то интересным, ты сделал прорыв».

Пролетели «соты» Смоленской, ФАСу выходить через одну, чтоб перейти на красную ветку. Но вот на следующей станции в вагон вошла Анна. Она спустилась в подземку через пятиконечную звезду станции Арбатской голубой ветки, как всегда возвращаясь с ночной смены. Она уже успела обратить внимание на новую социальную рекламу: прямо над входом в станцию висел баннер с лозунгом: «Не бойтесь убивающих душу, потому что ее нет!». «Ужас, до чего они уже дошли! Но с материалом знакомы» – подумала Анна.

Войдя в вагон метро, она почти сразу увидела ФАСа. Точнее, они встретились взглядами, почти не удивившись – случайно встречаться где-то стало для них уже обычным делом.

За взглядами последовали улыбки, не широкие, но заметные, шаги навстречу, вдруг ФАС обнимает Анну и целует ее в губы, лишь слегка касаясь их. Девушка оторопела от неожиданности, но не выказала никакого сопротивления или недовольства. ФАС покраснел, чего с ним не было, кажется, с детства.

– Я просто очень соскучился! – виновато сказал он.

– Я тоже! – честно призналась Анна, не разжимая объятий.

Люди вокруг сначала смотрели на эту картину с некоторым интересом, но через несколько мгновений углубились в свои дела, многие заспешили потолпиться у выхода – следующая станция была конечная. Наши герои разжали объятия и вышли со всеми.

– Мне на красную ветку, еду на репетицию. А тебе куда? – спросил ФАС.

– Мне домой, будут отсыпаться после смены.

– А кем ты работаешь? Так до сих пор и не спрашивал у тебя.

– Ты, наверное, удивишься, но я работаю охранником, точнее, охранницей, если использовать официальное название должности по закону о несексистской терминологии.

– Ого, то-то я смотрю, телосложение у тебя очень крепкое!

– Да, в детстве разными видами спорта занималась.

– А где ты живешь?

– Давай я тебе лучше не буду об этом говорить... А хо-

чешь, я с тобой немного проеду, до твоей станции?

– О, класс! Конечно, хочу!

– Пойдем!

– Хотел тебе рассказать, что читаю сейчас Солженицына, нашел книгу среди тех, что были у отца Глеба. Очень мне нравится!

– Ну, он просто гений, что тут скажешь. Все реже такие рождаются на земле. Он очень верно заметил, что мы так и не осознали, нам не дали правдиво осознать то, что произошло с Россией в 1917 году и позднее. А из-за этого мы не поняли, что произошло в 90-е ХХ века и что, вообще говоря, происходит сейчас...

– И чем больше я читаю все эти книги, чем меньше во мне желание приходить на работу. Я понимаю, что не могу подводить ребят, мою команду. Ведь в этом году мы наконец-то должны выйти в финал, и это был долгий, сложный путь. Но каждый день повторять эти шутки, которые как волкодавов, спускают на разные религии, и, в особенности, на православие – мне это делать все тяжелее с каждым днем.

– А ты не можешь как-то избежать этих шуток? Убедить всех, что они не подходят? Или не произносить их?

– Шутки придумываем не мы, а утверждают их на самом верху – здесь ничего не изменишь. Не произносить их я тоже не могу, ведь я капитан, а эти шутки – одни их самых важных, они от меня должны исходить по должности.

– Да, очень сложная у тебя ситуация. Конечно, самый, ка-

жется, простой вариант – увольняться, но ведь он же и самый сложный...

– Да, если уволюсь – меня не поймут. Последствия могут быть самые катастрофические.

– Тебе бы со священником этот вопрос обсудить, получить его духовный совет с этой ситуации.

– Да, только священник-то и нет. Хотя ты упоминала о каком-то в нашу последнюю встречу.

– Да, надо постараться связаться с ним.

– Как свяжешься, ты мне сразу дай знать, чтобы можно было встретиться с ним!

– Конечно, иначе никак!

– Знаешь, Анна, я скучаю без тебя! Нет, серьезно, честно тебе говорю! Это не флирт или что-то в этом роде. Просто хотел тебе сказать...

– Да, по твоему поцелую я поняла, что ты скучаешь! – с улыбкой сказала она, – я тоже могу тебе в этом признаться. И эта наша встреча сегодня, я ее очень ждала. Знала, что теперь жизненные пути наши переплетены. И, хотим мы этого или нет, расплести их уже не удастся.

– Как ты все интересно описала! Да, наверное, так и есть! Но вот, уже и моя станция, ты выходишь со мной?

– Нет, я поеду дальше! До свидания! До скорой встречи!

– Да, до скорой, надеюсь, очень скорой встречи!

Его вытолкнула толпа людей, так что он даже не успел обнять Анну на прощанье, что ему очень хотелось сделать.

О ком же говорила Анна, когда упоминала о возможности встретиться со священником? Она имела в виду отца Серафима. Уже в преклонных годах, он был пострижен в монахи еще в молодости, а через некоторое время закончил духовную академию и стал иеромонахом (священником и монахом одновременно). Когда в его городе была закрыта последняя церковь, и не осталось ни одного действующего монастыря, он приютил у себя в квартире многих священников и монахов, большинство из которых потом ушли на восток, в Сибирь.

Отец Серафим служил очень редко, насколько позволяло уже серьезно пошатнувшееся здоровье, и все время удивлялся, почему его до сих пор не арестовали, несмотря на то, что фигурой он был достаточно известной в православных кругах. Знала о нем и Анна. Через своего знакомого, который близко общался со знакомым отца Серафима, Анна смогла договориться о присутствии на ближайшей литургии, которую должен был служить иеромонах через несколько недель. ФАС как раз вовремя позвонил Анне, и она смогла ему сказать, что у нее все получилось.

– Привет, Анна! Рад, что застал тебя дома! Сегодня отсыпалась после суток?

– Привет! Да, уже успела отдохнуть! Знаешь, я смога сде-

лать то, о чем ты меня просил!

– Ого! Отлично! Давай встретимся, все расскажешь!

– С радостью!

– Давай где-нибудь погуляем. Например, в Измайловском парке.

– Хорошо. Я смогу быть там через часа два, не раньше.

– Да, отлично! Тогда через 2 часа в метро «Измайловский парк»?

– Я согласна.

Ровно через 2 часа ФАС был на месте. Анна опаздывала, ФАС ждал ее уже минут 15 и начал нервничать. В голову стали лезть разные мысли. Сначала сетование на женщин, которые вечно везде опаздывают, как будто специально. Раздражение сменилось беспокойством: может, что-то случилось, может, она попала в беду, а он здесь, ничего не знает и ничем не может помочь! С каждой минутой беспокойство все усиливалось, молодой человек уже, как говорят, места себе не находил, нарезая круги по платформе и нервно поглядывая на светящиеся электронные цифры часов метро (говорят, эти оранжевые цифры горят так, сменяя друг друга, уже лет 70, а то и больше).

И вот двери очередного вагона открылись, и из них вышла Анна. Она сразу увидела ФАСа, и, виновато улыбнувшись, посмешила навстречу ему.

– Прости, пожалуйста! Я совсем не хотела опаздывать!

– Я уже весь на нервах! Что-то случилось?

– Нет, просто что-то я затянула со сборами. Обычно со мной такого не бывает!

– Ну, ничего страшного! Главное, что с тобой все хорошо! Пойдем, лес уже прямо пахнет! Чуть ли не единственное место в Москве осталось!

– Да, мне тоже здесь очень нравится! Жаль, редко удается побывать!

Они вышли из станции «Измайловский парк» и двинулись вглубь открывшегося им леса. Какая красота! Изумрудные после недавно прошедшего дождя, листья деревьев искрились на неожиданно вышедшем из-за туч солнце. Где-то зашуршала, прошмыгнув среди травы, лесная мышь, слышался ритмичный стук дятла. Чуть поодаль несколько человек собрались в кучку, пытаясь приманить белку. Все это создавало такое легкое, певучее настроение. Казалось, что Москва с ее вечным шумом, пробками, тяжелым воздухом и серым небом пропала в одночасье, уступив место этому почти волшебному лесу. Гулять по нему было одно удовольствие, ФАС и Анна даже шли какое-то время молча, находясь под обаянием этой жизнеутверждающей атмосферы. ФАС первым пришел в себя:

– Ну, рассказывай!

– Да-да! В общем... Я смогла договориться – мы попадем на литургию! Конечно, ты еще можешь отказаться. Помнишь, что случилось тогда, когда ты спас нас с отцом Глебом!?

– Нет, я не откажусь! Что ты! Когда, где?

– Через неделю, в следующее воскресенье. Адрес и время такие... (она прошептала что-то ему на ухо).

– Просто прийти к этому времени?

– Да, ты должен прийти один, именно в это время, точно, минута в минуту. В другие минуты будут приходить другие люди. Важно не нарушить эту последовательность и не создавать столпотворение.

– Хорошо, я все понял.

– Я тебе кое-что принесла, – произнесла Анна, руку ФА-Са беря в свою руку и незаметно вкладывая ему какой-то маленький сверток, – это серебряный крестик, его мне подарила бабушка. У тебя же нет крестика, как раз оденешь во время литургии.

– А он разве не тебе предназначался?

– У меня есть, не переживай! Возьми, мне будет приятно!

– Спасибо тебе большое! Этот подарок очень важен для меня!

Они так и шли, не разжимая рук, погружившись в свои мысли. ФАС предвкушал грядущую литургию, радовался, что теперь у него есть крест, которые он может, хоть и тайно, носить. Анна радовалась, что ее подарок пришелся по вкусу, и что она нашла в себе смелость взять его за руку и не отпускать.

На стене были криво выведены буквы: «НОМС». Из можно было принять за бездарные граффити, которые не устают появляться на лице города благодаря подросткам, которые считают, что их иероглифы представляют художественную ценность и способ творческого выражения личности. Действительно красивых граффити, эдаких полотен индустриальной красоты всегда было очень мало, как мало было действительно талантливых художников. Муниципальные службы с одинаковым рвением закрашивали как неразборчивые символы, так и картины, чьи авторы вполне могли претендовать на гениальность.

Но эти граффити, с буквами «НОМС» стирали особенно оперативно, увидеть их было непросто. Поговаривали, что они значат «Не от мира сего», и рисуют их какие-то подпольные православные, верящие, что ситуацию с отношением к религии можно изменить, надо лишь пролить свет на умы людей.

Получалось у них, видимо, не очень хорошо, т.к. даже название их организации знали далеко не все. При этом пропаганда не оставляла этих энтузиастов без внимания и периодически вбрасывала с общественное мнение разного рода дезинформацию, дабы лишить их даже малейших шансов на успех. Члены организации представлялись как террористы или их пособники, вину за любые чрезвычайные происшествия старались переложить на них, будь то пожар, взрыв в жилом доме или перебои с водоснабжением. Даже появилась

пословица: «если в кране нет воды, воду выпили НОМСы».

Но участники «тайного общества» не унывали и уповали на Бога. Конечно, им не хватало ресурсов для их деятельности. Интернет, будучи под жесткой цензурой, позволял доносить свои идеи до людей с очень большим трудом. Сообщения на форумах и в соцсетях очень быстро удаляли, не говоря о специально создаваемых сайтах, срок жизни которых порой исчислялся днями. Оставались бумажные листовки и настенные граффити, с которыми также нещадно боролись соответствующие структуры.

Тем не менее, порой эти зерна падали в благодатную почву. Как вода точит камень, так и члены НОМС точили умы людей, как бы собирали выброшенные на берег повседневности морские звезды и бросали их в море православной веры, о котором они уже начали забывать, погибая на берегу мира, где Бога старались забыть.

Анна, конечно, была участницей такой организации, как и многие другие православные люди, тайно исповедующие веру. Но ее роль была минимальна. Отец, находящийся в психиатрической лечебнице, был одним из активистов НОМС, и ей необходимо было «пустить пыль в глаза» ФСБ, чтобы к ней ослабло внимание. В день встречи с ФАСОМ в Измайловском парке, сразу после его звонка, телефон зазвонил снова.

– Привет, ты можешь говорить? – слышался знакомый голос.

– Вы ошиблись номером! – Анна сразу же повесила трубу.

ку, пульс участился до 130 ударов в минуту, лицо побагровело. «Зачем он мне сюда звонит, совсем с ума сошел». Это был активист НОМС, с которым Анна ранее очень активно общалась.

Телефон зазвонил снова. «Брать или не брать трубку?» – судорожно пыталась сообразить Анна, и все все-таки подняла ее.

– На обычном месте плюс три, через декаду, – произнес тот же голос.

Она все поняла. Через 15 минут она уже стояла в сквере, самом большом в ее районе. На лавочке поодаль сидел человек. Как только она подошла и села на ближайшую к себе лавочку, он встал, оставив какой-то сверток. «Опасную игру ты затеял», с вырывающимся из груди сердцем думала Анна. Человека она, к счастью, не знала, но была уверена, что он из НОМС – когда он вставал, ноги его немного заплелись, так что образовали крест, он на секунду зафиксировал их в таком положении – это был условный знак.

Было сложно понять, следил ли кто-то за ним или за ней, нынешние технологии позволяли делать это совершенно незаметно. Подождав некоторое время, чтобы хотя бы чуть-чуть снизить риск быть схваченной, Анна пересела на лавку с оставленным свертком. Еще раз оглянувшись по сторонам, она чуть приоткрыла его – нести с собой «кота в мешке» она не хотела. В пакете была книга – первый том сочинений Пушкина. Анна округлила глаза. Они снова стали зани-

мать пол-лица. «Так рисковать ради книги Пушкина, что за бред», – поразилась она. Она взяла сверток в руки, он показался ей тяжелее, чем должна весить книга. «Наверное, это только обложка», – догадалась она, но раскрывать пакет и выяснять, что там на самом деле, не стала – прохожие могли увидеть слишком много.

Как бомбу, как ежа, она несли в руках пакет с книгой, стараясь идти спокойным шагом, что удавалось ей с трудом. Наконец она зашла домой, открыла книгу. Сердцевина ее была вырезана, как будто это передача в тюрьме, вместо листов бумаги в книге лежал не напильник, нет. В ней была небольшая массивная емкость, похожая на шкатулку. Анна достала шкатулку, для ее открытия нужно было отбросить вверх небольшие замочки, она сделала это, но дальше открывать побоялась. «А вдруг мне нельзя это делать?», засомневалась она. Любопытство в ней боролось с дисциплинированностью. Тут она бросила взгляд на часы: она опаздывала на встречу с ФАСом уже почти на час, надо было спешить. Она вернула шкатулку в книгу, книгу положила на полку среди ей подобных, ничего лучше ей в голову не пришло. Вернувшись домой после встречи, она решила рассказать обо всем отцу Серафиму и шкатулку не открывать.

Вот и наступило долгожданное для ФАСа воскресенье.

Ровно ко времени он позвонил в дверь, ему открыл высокий старик, с длинными седыми волосами и такой же бородой, его прищуренные голубые глаза искрились мудростью и добротой. Старик был одет в обычный спортивный костюм и домашние тапочки.

– Здравствуйте! Чем могу помочь? – спросил хозяин.

– Здравствуйте! Меня зовут ФАС. Меня позвала Анна.

– А, проходите скорее, молодой человек! Очень, очень рад, что Вы пришли!

– Спасибо! А Анна уже здесь?

– Нет, еще не подошла. Вы хотите сегодня исповедоваться и причаститься?

– Да! Я, конечно, очень волнуюсь, для меня это впервые. Но все равно очень хочу.

– Вы как-то готовились?

– Я так готовился: читал Последование ко Святому Причащению, молебны Иисусу Сладчайшему, Пресвятой Богородице, Ангелу Хранителю. Прочитал книгу про исповедь, выписал на бумагу отдельную все, что я посчитал, относиться ко мне, подумал, может что-то еще надо дописать, дописал. Ну, и пост продержал последние три дня.

– Вы хорошо подготовились, все как надо сделали. Готовы приступить к исповеди?

– Что, прямо сейчас?

– А когда же? Пока все собираются, я исповедую. Как раз сейчас никого нет.

– Конечно!

– Вот сюда пройдите, у меня специальный закуток. Подождите немного, только облачусь.

И вот перед ФАСом, впервые в жизни предстал православный священник в облачении. Конечно, это было не полный его вариант, как на литургии, например, но уже этого было достаточно, чтобы ввести нашего героя в трепет, он даже немного вспотел от волнения.

Отец Серафим действительно сильно преобразился. Из странного старичка в аляповато сидящей протертой «олимпийке» он превратился в статного священника, убеленного сединами подвижника веры. Строгий, но добрый взгляд потечески излучал тепло и уверенность. Именно этим взглядом он пригласил ФАСа подойти поближе.

– Как тебя зовут, чадо?

– Если по крестинам, то меня зовут Фёдор. Извините, а почему – чадо? Я же уже совершеннолетний!

– О! Совершеннолетие тут совершенно (усмехнулся он получившееся тавтологии) ни при чем! Все мы – чада Божьи! Так ты, раб Божий Фёдор, имеешь желание исповедоваться? Я слушаю тебя!

Фёдор подошел к отцу Серафиму максимально близко стал шептать ему свою первую исповедь. Говорил он долго, обстоятельно, глубоко сокрушаясь о своих грехах и имея четкое намерение не повторять их впредь, как и должно настоящему христианину. По ходу исповеди священник

немного поправлял его, давал пояснения, где это необходимо, подбадривал, видя, что этого новонаначального нужно под- держать в определенные моменты. Вот исповедь подошла к концу, священник прочитал разрешительные молитвы, на- крыв голову Фёдора епитрахилью.

– Вот и все, Фёдор! Можешь сегодня причаститься!

– Спасибо!

– И тебя спаси Господи!

Тут к ним подошла Анна.

– Привет, Фёдор! Исповедовался? Очень рада за тебя!

– Спасибо! Да, батюшка сказал, можно причаститься!

– Вот это да! Отец Серафим, могу ли я тоже исповедо- ваться?

– Конечно, Аннушка!

– Сначала я хотела бы Вам кое-что рассказать, это еще не исповедь.

– Да, конечно!

– Мне кое-что передали.

– Можешь не продолжать, я знаю, мне сообщили об этом.

Ты посмотрела, что там?

– Я очень хотела, но нет, я не смотрела.

– Молодец, ты очень правильно поступила. Как ты дума- ешь, что там?

– Думаю, там какая-то реликвия, какая-то важная вещь.

Не знаю...

– Там мощи. Точнее, частицы мощей нескольких святых.

Их обнаружили случайно и сейчас передают из рук в руки, чтобы было сложнее изъять. Храни их у себя, пока не наступит время передать дальше. Не советую тебе открывать ларец. Помни, мощей святых почти не осталось, они либо уничтожены, либо хранятся в запасниках музеев.

– Конечно, я вообще не буду трогать книгу без необходимости.

– Хорошо! Ну а теперь перейдем к исповеди...

Как только Анна исповедовалась, отец Серафим произнес:

– Друзья, я смотрю, все в сборе, давайте начинать литургию.

Конечно, литургия несколько отличалась от той, которая могла бы быть в храме, но это и понятно – условия были совсем другие. Но священник смог соблюсти все каноны и правила, чтобы служба не прошла зря. Вот так и получилось, что Фёдор и Анна причащались из одной чаши, просто для Фёдора это было первое причастие, а Анна уже потеряла им счет.

Сразу после окончания службы Фёдор подошел к батюшке. У него был один вопрос, который в последнее время его очень волновал.

– Отец Серафим, скажите, если я хочу предложить девушке венчаться, как это лучше сделать? Вообще, может какие-то условия надо соблюсти или традиции?

– Какой неожиданный вопрос! Кто же эта девушка? Кроме

Анны, мне что-то никто в голову не приходит...

– Ну... Да... Верно, Вы все, правильно угадали, – очень смутился Фёдор.

– Девушка хорошая... Так ты хоть знаешь, что она тебе ответит на такое предложение?

– Конечно, нет!

– Почему тогда хочешь венчаться? Сейчас это среди молодежи не принято.

– Просто я понял, что люблю ее, хочу быть с ней. Не могу же я с ней вести себя как остальными – соблазнить и так далее...

– Да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Но тебе надо понять, как она относится к этому. Она к тебе что-то чувствует?

– Хочется думать, что да – чувствует!

– И еще ты должен понимать, что венчание – это на всю жизнь. Конечно, Православная Церковь признает повторное венчание при определенных условиях, но об этом советую не думать, иначе вообще не стоит венчаться. И еще: венчание не должно быть вторым таинством в жизни после крещения. Если человек всю жизнь до венчания прожил вне церкви, ему надо сначала вернуться с церковь, а уже потом венчаться – создавать домовую церковь.

– Да, я об этом думал, я это очень хорошо понимаю!

– Тогда ты должен сказать ей о своем желании. Конечно, в таких случаях, если она ответит «Да», просят благословения

у родителей, но сегодня Вас вряд ли поймут, если с такой просьбой обратитесь. А я вас всегда благословлю.

– Спасибо, батюшка! Благословите! – произнес Фёдор, скрещивая руки под благословение, как он читал – как будто хочешь воды набрать в ладони, правая ладонь поверх левой.

– Бог благословит!

После окончания службы перед прихожанами импровизированного храма встала задача безопасно покинуть его. Анна, помня не так давно произошедшие события, очень боялась этого момента. Люди потихоньку, по одному, с заметными интервалами, стали расходиться. Анна все не хотела уходить, пропускала других вперед. Фёдор понимал ее беспокойство, ему тот воскресный день тоже очень запомнился. Все время после разговора с отцом Серафимом он хотел хотя бы на несколько минут остаться с Анной наедине, но такой возможности никак не представлялось...

– Анна, я, наверное, пойду первым. Если что-то произойдет, постараюсь дать знак, – сказал Фёдор.

– Хорошо!

– Может быть, мы потом встретимся. Я имею в виду, сегодня!

– Наверное! Почему нет? Как договоримся?

– Ты выйдешь через полчала после меня? Давай я дойду до метро, проеду три остановки в сторону центра, выйду и подожду тебя.

– Хорошо, так и договоримся.

Фёдор с опаской выглянул из двери, огляделся, не заметил ничего подозрительного, быстро вышел, тихо закрыл дверь, и медленно пошел по лестнице. Идти надо было немало – 9 этажей, но лифтом он пользоваться не хотел, что-то подсказывало ему, что так будет надежнее. За каждым поворотом ему чудился поджидающий именно его сотрудник ФСКР, но кроме контрафактных окурков он ничего не заметил. Вдруг страшно захотелось курить (а ведь он отказался от этой привычки уже несколько недель назад, да и только что исповедовался в своем пристрастии). Пару этажей он еще держался, но вот, в очередной раз его взгляд упал на очередной окурочек. Как на грех, у него в кармане завалялась пачка с парой сигарет и зажигалкой. Остановившись, но виновато, как будто делает что-то совершенно аморальное и глупое, достал эту пачку, чиркнул зажигалкой один раз, второй, третий, но она никак не загоралась. ФАС тихо выругался, встряхнул зажигалку, так любезно говорящую ему, что он совершает глупость, усилил мощность подачи газа, еще пару попыток – и огонь извергся из пластиковой коробочки, чуть не опалив ФАСу брови. Закурив, ФАС глубоко вдохнул дым, но не почувствовал знакомого ощущения удовлетворения после долгого перерыва в курении. Сделал еще затяжку, и еще... Каким противным показалось ему то, чем они занимается, и он уже было решил затушить сигарету и пойти дальше, но тут на лестничную клетку ворвалась женщина средних лет в домашнем халате и наскоро обутых туфлях, с видеокаме-

рой в руках. Судя по красной горящей лампочке, камера была включена.

– Вот я тебя и застукала! Ты что, не знаешь, что курить на общедомовой территории запрещено?? Я все время думаю, откуда так тянет курувом этим противным! Теперь не отвертись! Ответишь по полной! Полиция!

ФАС не на шутку испугался. Бросив сигарету на пол и задушив ее быстрым движением, он стремглав бросился вниз по лестнице. Он не помнил, как добежал до метро, сел в поезд не в ту сторону, о которой они договаривались с Анной. Только через пару остановок он опомнился, вышел из вагона, перешел на противоположную платформу и поехал обратно. Выйдя на нужной остановке, ФАС уже окончательно отдышался и почти пришел в себя. Сидя на скамейке в метро, он раз за разом прокручивал в мозгу ситуацию с женщиной и камерой, думая о том, какие последствия повлечет этот инцидент. ФАС не заметил, как к нему подошла Анна. Ей даже пришлось тронуть его за плечо, чтобы он очнулся от своей задумчивости.

– Ты где? Ау? – спросила Анна.

– О, привет! Да так, задумался...

– Что-то случилось?

ФАС, хоть и нехотя, но рассказал ей все...

– Да уж, нехорошо получилось. Видишь как – отдался сообразу, Бог тебе сразу и показал, насколько ты неправ. Главное, что ты раскаялся в этом, понял, что глупо поступил. Что

теперь будет – неизвестно. Будем надеяться, что эта женщина много шуму не наделает и будет довольна тем, что обратила тебя в бегство.

– Понимаешь в чем проблема – она же меня на камеру сняла. Кому она теперь эту запись покажет?

– Не думай об этом. Если покажет кому не надо – ты об этом быстро узнаешь. А если не покажет – то и не о чем беспокоиться.

– Как-то не сильно это успокаивает... Ну, да ладно, теперь уже ничего не изменишь... Давай лучше погуляем где-нибудь.

– Давай! Куда пойдём?

– Да выйдем прямо здесь – на Воробьевых горах, пройдемся по набережной или на сами горы поднимемся.

– Хорошо, пойдём!

Они вышли из станции метро «Воробьевы горы» и пошли по той стороне, где, в нескольких сотнях метров над ними, возвышалась смотровая площадка МГУ. Не сговариваясь, они направились в сторону Парка Культуры и Отдыха, который, по предложению нового министра культуры, переименовали из «имени М. Горького» и в «имени В. Пелевина». Причем переименование коснулось не только Парка Культуры, но и Литературного института, который когда-то так и не закончил Пелевин. По иронии судьбы институт стал носить имя студента, который был из него отчислен.

– Анна, я все эти дни думал об одном вопросе...

– О каком?

– В общем, у меня к тебе предложение... неожиданное...

Ты, скорее всего, откажешься, но не надо прямо вот так, сразу отвечать!

– Какая-то интрига получается!

– Я очень смущаюсь, такие вещи я никому никогда не говорил...

– Фёдор, не томи, говори уже!

– В общем, я хотел бы с тобой повенчаться! – на одном дыхании выпалил ФАС.

– Что? Ты чего? Откуда такие мысли? – глаза Анны расширились, щеки стали красными.

– Я понимаю, что это очень неожиданное предложение! Просто я очень много думал о тебе, о наших встречах. Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного. Думаю, именно это чувство называют «любовь».

– А что для тебя любовь?

– Я думаю, это отдавание себя любимому человеку. Ну, и, конечно, должно быть такое ощущение, что человек тебе нужен, не должно быть безразличия. Как это называют в книгах – теплохладность, вот!

– И ты это чувство испытываешь ко мне?

– Да!

– Думаешь, этого достаточно, чтобы венчаться? Ты же понимаешь, что это очень серьезный акт, это таинство, т.е. то, что мы, люди, не можем в полной мере осознать и понять.

Что-то такое происходит, что выходит за рамки этого земного, дольного мира. Как в причастии или исповеди, ты не чувствовал? Это же тоже таинства. Заметь, далеко не все священнодействия в Православной Церкви так называются, а только совсем небольшой их перечень.

– Мне кажется, что любовь в подлинном ее понимании должна быть в основе венчания, то есть брака. Конечно, делая тебе предложение, я понимаю, что мы очень мало знаем друг друга, что брак – это и совместное ведение хозяйства, всякие бытовые вопросы. И я не знаю, как мы вообще, сможем жить вместе? Но верю, что любовь как основа даст силы находить общий язык, смирять свое «я» в той или иной ситуации.

– Но для этого любовь в таком понимании должна быть у обоих. Вообще, брак и венчание надо воспринимать как полет в космос к далекой планете за миллионы световых лет. Надо быть готовым пробыть с человеком все это время, потому что в космосе деться некуда, не сойдешь на остановке, не уедешь жить к маме.

– Да, это очень хорошее сравнение. Поэтому я и спрашиваю у тебя, согласна ли ты повенчаться со мной? Я готов к такому полету.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я отвечу прямо сейчас? И почему ты не предложил мне сначала пожить вместе, узнать друг друга получше? Да и вообще, сейчас брак-то регистрируют процентов 10, наверное, остальные просто живут вме-

сте, потом расходятся, потом снова живут, часто – с теми же. А про венчание – не знаю, давно ли кто-либо из знакомых батюшек кого-то венчал...

– Я, кстати, с отцом Глебом об этом говорил, о своем желании сделать тебе предложение. Он сказал, что благословит нас, если мы решимся.

– Ого, это ты очень хорошо сделал, что с ним обсудил! – Анна сделала небольшую паузу, – Фёдор, я не могу тебе сейчас ответить! Я тоже испытывают к тебе определенные чувства, серьезные чувства! Но вот так сразу не могу тебе сказать ни «да», ни «нет».

– Я понимаю! Конечно, тебе надо подумать! А предлагать тебе просто пожить вместе у меня как-то язык не повернулся – думаю, с учетом твоей воцерковленности, для тебя это вряд ли возможно! Это же грех, получается!

– Да, это, конечно, грех! Но, наверное, я бы согласилась на это – жить вместе, но без какой-либо близости. Сможешь ли ты так?

– Не знаю! Наверное, смогу! Хотя, конечно, это очень сложно будет, я к такому совсем не привык!

– Тогда ты тоже подумай над этим...

– Хорошо!

– О, вот мы и уже и до Парка культуры дошли!

– Наверное, в сам Парк давай мы лучше не пойдем, а то после легализации почти всех наркотиков туда зайти страшно, а выйдешь ли – вообще, большой вопрос.

– Это точно! Пойдем до метро и по домам?

– Ага!

Оставшуюся часть пути они прошли молча. Так же молча они вошли в метро «Парк Культуры» красной ветки и доехали вместе до «Библиотеки им. Ленина». Почему-то эту станцию так и не хотят переименовывать, хотя сама библиотека, в честь которой названа станция, уже давно потеряла приписку со ссылкой на «вождя мирового пролетариата». Интересно, мировой пролетариат хотя бы догадывался о том, что у него был вождь. На самом деле, мировой пролетариат вряд ли даже знал, что он – пролетариат, что уж говорить о вожде! Вот Третий рейх точно знал, что у них есть вождь, хотя легче им от этого не было. И два незадачливых похитителя «вождя краснокожих» из одноименного рассказа О. Генри тоже в абсолютной мере прочувствовали на себе, что они в полном распоряжении этого вождя, хотя краснокожими не являлись.

На прощанье ФАС чмокнул Анну в губы, и они разошлись – каждый на свою ветку.

– Здравствуйте! У меня заявление!

– А что случилось?

– Да вот курят у нас в подъезде, спасу от них нет, все в квартиру тянет.

– Ну что ж, садитесь за компьютер, заполняйте формуляр,

примем, рассмотрим в установленные сроки. Только вот без доказательств мы никого наказать не сможем, сами понимаете.

– А есть у меня доказательства! – торжествующе воскликнула женщина, снявшая курящего ФАСа, – вот, я все на видео сняла.

– О, это другое дело! Нам как раз надо план довыполнять по курильщикам. Прикладывайте к заявлению, мы его быстро найдем и оштрафуем, чтоб неповадно было. Сосед небось Ваш?

– Нет, я этого негодяя первый раз в жизни вижу, пришлый какой-то.

– Ну что ж, не страшно, по фото мы его опознаем по нашей биометрической базе, не уйдет от возмездия – с некоторой иронией ответил полицейский.

– Ой, спасибо, милый Вы мой! – расчувствовалась женщина.

– Не за что, не за что, уважаемая! Дописывайте заявление, подписывайте своим чипом, и видео не забудьте прикрепить – поднесите телефон к считывателю.

– А у меня тут ограничения включены!

– У нас такой считыватель, Ваши ограничения не имеют значения. Хе, стишок получился! – по-детски улыбнулся полицейский.

– А, ну конечно, как я не догадалась! Вот и все, все готово! Еще раз спасибо!

– До свидания!

Женщина ушла, а сотрудник полиции, бегло ознакомившись с заявлением, обратил внимание на адрес проживания заявительницы, который система сама выделила красным шрифтом. «Так это адрес на контроле, – пробормотал он, – посмотрим, что там». Посмотрев информацию в базе, он понял, что адрес обозначен как потенциальное место сбора православных активистов. Обо всех новых людях необходимо было сообщать в ФСКР. «Когда они уже автоматизируют функцию пересылки в религконтроль», – сетовал полицейский, перенаправляя текст заявления в службу.

Постановление о наложении штрафа за курение в непопложенном месте, конечно, вынесла полиция, а не ФСКР, и он был моментально списан со счета ФАСа (с правом обжалования в течение трех дней), но в службе его имя было отмечено в специальном негласном списке.

– Я согласен, приезжай ко мне! – выпалил ФАС в трубку, как только длинные гудки прекратились.

– Прошу прощения? – недоуменно спросил чей-то мужской голос.

– Ой, извините, ошибся номером! – ФАС поспешно бросил телефон, потом перезвонил еще раз. После длительного ожидания трубку все-таки сняли, и ФАС услышал несколько

взволнованный голос Анны.

– Алло!

– Аня, привет! Это ФАС. Я подумал над нашим последним разговором. Я согласен. Согласен на те условия, о которых ты говорила. Переезжай ко мне!

– Я сейчас никак не могу.

– Что такое, что случилось?

– Я пока не могу тебе сказать, извини.

– Что там за мужской голос на заднем плане?

– Я перезвоню! – и она положила трубку.

ФАС был в полном недоумении. Он несколько раз прокрутил в мозгу только что произошедшую сцену. Он догадался, что первый раз не ошибся номером, просто к телефону подошел кто-то другой. Это был человек с низким мужским голосом, возраст определить было сложно, но скорее оно походило на голос человека хотя и не молодого, но еще полного сил и жизненной энергии. Если у нее кто-то появился, то почему она об этом не сказала? А если она попала в беду, и этот человек опасен для нее? Ее адреса ФАС не знал. Весь остаток дня он не знал, куда себя девать, нарезал круги по квартире, несколько раз выходил на улицу, порывался пойти в старый добрый магазинчик: вдруг там скажут, где она живет. Но что-то его останавливало...

Чтобы чем-то себя занять, следующие два часа ФАС провел в уборке. Совсем скоро квартира выглядела образцово-показательным жилищем очень аккуратного холостяка.

Тут раздался звонок в дверь. ФАС с трудом узнал Анну. На ней была огромных размеров теплая шапка с козырьком, шарф закрывал почти все лицо. Но это было не так странно, как то, что оставшуюся часть лица скрывали темные очки. Для законченности ее образу явно не хватало сноуборда или горных лыж. Первая мысль, которая мелькнула у ФАСа – ее избили.

– Привет! Что с тобой случилось? – воскликнул ФАС.

– Привет! – тихо ответила она, быстро закрывая за собой дверь.

– Как я рад, что ты приехала! Что у тебя случилось, рассказывай! – повторил он, аккуратно и не без страха снимая с нее темные очки. Он облегченно вздохнул, увидев за ними так хорошо знакомые ему глаза, которые сказочник сравнил бы с блюдцами, – ну, слава Богу, с тобой все нормально.

ФАС крепко обнял Анну.

– Что же ты так сразу, с порога! Хотя бы чаю предложил бы! – прошептала она, прижавшись к нему чуть на дольше, чем он ожидал.

– О, да, конечно! Прости! Раздевайся, проходи, сейчас чайник поставлю.

– Вот, другое дело!

Они уселись на кухне, ФАС достал купленный за пятнадцать минут до прихода Анны внушительных размеров торт, и они, сначала молча, стали поглощать его, запивая большой редкостью – натуральным, заваренным в чайнике, черным

чаем. Такой чай можно было достать только в особых магазинах за огромные деньги. Обычно люди довольствовались неким порошком, который, растворяясь, давал воде привкус чая, а более зажиточные граждане пили чай, заваренный в пакетиках, содержащих тот же порошок, но с неким процентом измельченного в пыль чая сомнительного качества. А ФАСу чай подарил сам Масляков, и заваривал он его только по очень особым случаям.

Чувствуя себя настоящими гурманами, они сделали по одному глоточку, надкусили по кусочку. Тут ФАС не выдержал и в нетерпении воскликнул:

– Ну, рассказывай!

– Не знаю, упоминала ли я, но у меня есть отец.

– Что-то не припомню.

– Так вот, так получилось, что он попал в психбольницу. А потом, так получилось, что ему надо было оттуда уйти. Но его никто не пускал. В общем, вчера поздно ночью, точнее, рано утром он пришел ко мне. Ему надо было очень быстро выехать из Москвы, и он не придумал ничего лучше, как явиться ко мне домой. Разве он не понимал, что у меня его будут искать прежде всего? А, с другой стороны, куда ему еще было идти? – вопросы вроде бы были адресованы ФАСу, но он интуитивно понимал, что ответа они не требовали, – в общем, он, конечно, ушел достаточно быстро. Почти сразу после него ушла из дома и я. Почти весь день я бродила по городу, все думала, что за мной следят и арестуют в любой

момент. Вот, купила эту ужасную шапку и очки. Потом решила все-таки пойти к тебе.

– И очень правильно сделала! Тебе теперь лучше домой не возвращаться совсем!

– В том-то и дело! Какое это ужасное чувство – нельзя вернуться в собственный дом!

– Как там раньше говорили? Мой дом – твой дом! То есть теперь моя квартира – твоя квартира.

– Ну, не надо такой патетики, что уж ты!

– Нет, я совсем без преувеличений! Да, она, конечно, в залоге у банка... Ну, а как иначе?

– Иначе – никак...

– Вот и отлично! – ФАС понял ее фразу как согласие, – так куда ушел твой отец, ты знаешь?

– Нет, он не сказал, так будет лучше и мне, и ему.

– Это точно! Смотри, если ты устала, можешь ложиться спать – я постелю на моей кровати. Сам лягу в другой комнате, у меня там очень уютный диванчик.

– Нет, ты ложись на своей кровати, а я на диване. И не надо со мной спорить, я гость и позволь мне выбрать, где спать.

– Ну, хорошо, как хочешь! Я завтра утром на репетицию. Тебе надо на работу?

– Нет, у меня сейчас отпуск.

– Вон оно как! Что ж ты в Москве делаешь в отпуск?

– Отдыхаю, отсыпаюсь!

– Почему никуда не едешь?

– Ну почему никуда не едешь. Бывает, съезжу в Сергиев Посад, на Лавру посмотреть. Иногда встречу какую-нибудь женщину постарше, она мне рассказывает, как тут было, пока ее не закрыли. Оказывается, ее уже раньше закрывали.

– Ну, это разве поездка, для этого даже границы Москвы можно не пересекать. Куда-то за пределы седьмого транспортного кольца выезжала вообще?

– Да, давно, в детстве мы объездили с отцом весь центр России, очень много где побывали. И сами ездили на машине на юг России, до самого Ростова-на-Дону, прямо к границе с Турцией. Жаль, тогда уже нельзя было попасть в бывший Краснодарский край.

– А за границей не была?

– Нет, а что там делать? Увидеть Париж и умереть? Я еще пожить хочу...

– Ну, чего уж ты, сразу – умереть. Мне, вот, было интересно поехать. И, как видишь, жив пока!

– И что ты там такого увидел? И что ты видел в России? Мне вообще порой кажется, что эта страсть – путешествовать, которая захватила сейчас буквально всех, – она от того, что внутри у людей пусто, в душе нет ничего, да и в душу они не верят. Вот и путешествуют – заполняют эту пустоту. Ну, был ты в десяти, в двадцати странах? На рекорд идешь? Что приобрел ты? Да ничего. А какой-нибудь монах в монастыре вообще нигде не был, он даже слово «отпуск» не знает, но

он в разы богаче тебя, если провел время с пользой. Другие вообще заедают свою жизнь фаст-фудом, а кто побогаче – рафинированными блюдами в дорогих ресторанах.

– Признаюсь, по России я не ездил, как-то не интересно было. Да, вот сейчас задумался! Действительно, еще со времен Советского Союза (мне дедушка рассказывал) живет в нас это желание – поехать именно за границу, там что-то посмотреть, повосхищаться, посравнить с Россией. Наверное, это из-за «железного занавеса» – запрещали выезжать, вот и мы никак не успокоимся, все компенсируем этот давний запрет. А если вдуматься, здесь у нас столько всего интересного: и древние города Золотого Кольца, и уникальная природа Карелии, Байкала, Кавказа (жаль, теперь уже не нашего), и монастыри (пока их не позакрывали). Все это мы могли увидеть, впитать, рассказать другим, заинтересовать. Теперь многое просто недоступно или захирело, находится в страшном упадке. Говорят, по Золотому Кольцу уже сильно не поездишь – вместо древних фресок и мозаик туристов встречают расписанные бездарными граффити стены храмов без крестов. Вспоминаются рассказы дедушки про Олимпиаду в Сочи в 2014 году. Как будто пророчеством (а может, проектом планов на будущее) были подобию церквей без крестов, которые дефилировали по стадиону «Фишт» на открытии Олимпиады.

– Вот видишь, что ты упустил. Европа и другие страны – никуда они не денутся. Эйфелеву башню не снесут, средне-

вековые строения в центрах европейских городов так и будут стоять веками...

– Как знать, как знать... Хотя, скорее всего, ты абсолютно права. Но давай не будем больше о грустном. И так столько всего происходит, что аж тошно.

– Да, лучше сменим тему. Как твоя подготовка к игре, уже концовка?

– Да, идут самые тяжелые, долгие репетиции, как раз сегодня – редкий день отдыха. Скоро начнутся финальные прогоны, надо будет денно и нощно там время проводить. Мы же первый раз в финал должны выйти, налажаем – боюсь подумать, что с нами сделают. Плюс на мне ответственность как на капитане, если я собоюсь, команда может «поплыть», ничем не спасти уже.

– Что-то мы опять в негатив скатились. А хотели о чем-то хорошем поговорить!

– Да, действительно, что это мы! Самое радостное для меня – это то, что ты ко мне приехала! Я очень этому рад! Надеюсь, тебе у меня понравится!

– Я тоже! Пока мне нравится! Но я хочу тебе еще кое-что сказать. А точнее – показать, – и она достала из кармана куртки томик Пушкина.

– А, Пушкин. Я люблю, очень есть сильные вещи.

– Это да, но тут не все так очевидно, – и она осторожно открыла книгу.

– Что там? – спросил Фас, увидев шкатулку.

– Там мощи святых, это единственная вещь, которую я забрала из дома – у меня не было выхода.

– Вот это да! А заглядывать внутрь, наверное, нельзя?

– Да, не надо. Кто мы, чтобы туда заглядывать!

– Хорошо, давай куда-нибудь спрячем. В сундук?

– Я не знаю... Или просто поставить на полку, там она затеряется среди остальных книг, или, действительно, убрать в сундук.

– У меня нет полок с книгами, вот в чем дело. Все в телефоне в электронном виде.

– Тогда в сундук, других вариантов нет.

– На том и порешим.

– Хорошо! Я бы уже легла спать, поздно уже...

– Да, конечно, сейчас я тебе постелю.

– Только на диване, надеюсь, ты помнишь!

– Ну, хорошо, хорошо!

Так они прожили около недели. ФАС ходил на репетиции, уходил рано, возвращался поздно. Было видно, что работа дается ему все сложнее и сложнее: изо дня в день повторяемые слова шуток он ощущал так, будто ему по спине проходились остро отточенными граблями, сдирая кожу и мясо. Он делился своими ощущениями с Анной. Она сочувствовала ему, но не знала, что посоветовать. А с отцом Серафимом

мом он в прошлый раз так и не смог поговорить на эту тему.

Их совместное проживание проходило на удивление хорошо. Находясь в отпуске, Анна могла устроить домашний быт, превратить холостяцкое жилище в приятный для жизни дом. А ФАС против таких изменений не возражал. Скорее наоборот, они его радовали, хотя многое он просто не замечал, возвращаясь домой полностью опустошенным.

Все это время, каждый день они чувствовали, что сближаются и эмоционально, и духовно. Они читали вместе утренние молитвы и молитвы на сон грядущим, поставив в углу кухни как единственной общей комнаты, вместо телевизора – иконы, доставшиеся от отца Глеба. За ужином им всегда было о чем поговорить или о чем помолчать. Внутреннее притяжение росло...

В один из вечеров ФАС сидел хмурым, молчаливым.

– Что случилось, Фёдор? Тебя что-то тяготит, тревожит? – обеспокоенно спросила Анна.

– Через месяц пройдет четвертьфинал, потом лето, полуфинал и финал. Мне кажется, как раз после него моя жизнь кардинально поменяется. Не знаю, откуда этот мусор в голове...

– Ты явно не закончил свою мысль...

– Я понимаю, что мы живем с тобой совсем недолго. Но мне кажется, что мы, как это называют, биологически совместимы, вот! Больше того, между нами что-то такое есть, какая связь, которая усиливается с каждым днем!

– Да, я тоже это чувствую!

– Думаю, нам надо с тобой пожениться и повенчаться, причем сделать это как можно скорее.

– Почему так, в чем срочность?

– Не знаю, не могу тебе объяснить. Предчувствие какое-то нехорошее.

– Что я могу сказать, Фёдор! Действительно, мы с тобой хорошо живем. И притяжение между нами есть, это точно совершенно! Но не спешим ли мы? Давай поговорим с отцом Серафимом, он подскажет нам, как лучше поступить.

– Да, это хорошая мысль, давай так и сделаем. Как думаешь, когда с ним можно встретиться?

– Для такой, частной беседы, с ним можно почти в любой день встретиться. Когда ты сможешь? Я договорюсь.

– Я подстроюсь. Чем быстрее, тем лучше. Спасибо, что ты поняла меня, для меня это очень важно!

– Ну как же тебя не понять! – произнесла Анна с улыбкой.

Уже на следующий день она договорилась об их встрече с отцом Серафимом. Узнав вопрос, который они хотят обсудить, он очень обрадовался и выказал живое желание как можно скорее помочь им духовным советом.

На пороге возник уже знакомый старик с лучистыми глазами, одетый, как обычно, в засаленный местами спортивный костюм.

– Входите, дорогие! Раздевайтесь, будем чай пить. Никитична уже все подготовила.

– Здравствуйте, отец Серафим! – сказали наши герои хором.

– Спасибо! Чай – это мы с удовольствием! – радостно воскликнула Анна.

– Ага, – громко поддакнул Фёдор.

Они прошли на кухню, где уже был накрыт стол. На столе стояла совершенная диковинка – самовар. Хотя и электрический, он являл собой символ давно ушедших времен, которым не суждено было вернуться никогда, но которые напоминали о себе вот такими вот простыми и, в то же время, сложными для восприятия современника вещами, как этот самовар.

– Вот это да! Это что же, самовар, что ли? – удивился Фёдор.

– Да, он самый! Очень редкая сегодня вещь. Чай из него пить – совершенно особое удовольствие. Правда, Никитична? Вы такого еще не испытывали, могу вам сказать, – проникновенно ответил отец Серафим.

Попив чаю со скромными печенюшками, гости вместе с хозяином переместились в его комнату.

– Рассказывайте, дорогие, что у Вас за вопрос!? – спросил старец.

– Батюшка, если помните, я подходил к Вам по поводу венчания с Анной, – заговорил первым Фёдор, – Вы тогда

сказали, что мысль это хорошая. Мы с недавних пор живем с ней вместе. Ну, как живем, как брат с сестрой.

– Так, так, это хорошо, что как брат с сестрой, очень хорошо, – закивал отец Глеб.

– Да, вот, и теперь, как мне кажется, мы уже созрели для того, чтобы венчаться. Анна же захотела все-таки с Вами сначала посоветоваться – не спешим ли мы.

– Да, все так, батюшка. Плюс ко всему, у Фёдора возникло какое-то предчувствие! – продолжила его мысль Анна, – извини, что я об этом говорю, а не ты! – сказала она, обращаясь к молодому человеку.

– Какое предчувствие?

– Нехорошее предчувствие, отец Глеб! – ответил Фёдор, – такое, что, если не сделать это сейчас, то потом уже не удастся.

– Но почему? – удивился священник.

– Не знаю. Ну, вот как бывает такое интуитивное чувство – разве объяснишь, откуда, почему?

– Да, конечно, я Вас понимаю! Но к интуиции надо относиться очень, очень осторожно. Можно жестоко ошибиться, доверившись ей. Да и знаете ли Вы, чей голос звучит у Вас в голове? Не от лукавого ли эти мысли? Надо быть очень внимательным, я бы не доверял интуиции слепо и безоговорочно.

– Согласен с Вами, порой предчувствия можно спутать с желаниями! – подхватил Фёдор, – Человек настолько чего-то

хочет, что это желание преобразуется в некое предчувствие. А потом все происходит совсем не так, как ожидалось. Я с таким сталкивался на собственном опыте. Но сейчас совсем другое. Во всяком случае, я так думаю. Это стойкое ощущение того, что грядет что-то плохое, что помешает нам, возможно, даже быть вместе.

– Зачем тогда венчаться? Это же связь очень сильная, и на земле, и на небе, – спросил отец Глеб, испытывая их.

– Вот именно для того, чтобы появилась эта связь. С ней у нас будет надежда и упование на Божью помощь!

– Упование на Божью помощь должно быть с Вами всегда! И совсем не важно, повенчаны Вы или нет – резонно заметил священник.

– Да, Вы правы. Но связь между нами установиться именно после венчания.

– Хорошо, я понял, о чем Вы говорите. Но надо бы нам выслушать и Анну. Что ты думаешь по этому поводу, Аннушка?

– Отче, я не знаю, что ответить! Все чувства мои говорят о том, что я хотела бы жить с Фёдором, нарожать ему детей, быть с ним! Но разум нашептывает, что в нашем современном мире жить нам не дадут.

– Ну, вот это, Анна, совсем не причина! Не разум это в тебе говорит, а сама знаешь кто!

– Поэтому мы и пришли к Вам, батюшка! Чтоб Вы нам подсказали, как нам быть, и благословили!

– Это вы молодцы, что пришли, я очень этому рад! Я думаю, препятствий для вашего венчания нет. Вот Вам мое благословление! – сказал он, перекрестив каждого из них, – как будете окончательно готовы – приходите ко мне, я вас обвенчаю.

– Спаси Господи, батюшка! – снова получилось у них хором.

Они обвенчались уже на следующей неделе, в пятницу. Им очень повезло, потому что в это время не было ни одного из многодневных постов, ни других долговременных периодов, когда венчаться нельзя, поэтому препятствий не было. Все прошло в торжественной, но очень скромной обстановке, конечно же, дома у отца Глеба...

Вот и прозвучали слова священника: «Иже в Кане Галилейстей пришествием Своим честен брак показавый, Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере, святых славных и всехвальных Апостол, святых боговенчаных царей и равноапостолов, Константина и Елены, святаго великомученика Прокопия, и всех святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец». Новобрачные посмотрели друг на друга, во взглядах каждого появилось что-то, чего не было раньше, до венчания. Одухотворенность – нет, скорее какое-то понимание того, что они теперь связаны

на совершенно ином уровне, и эту связь лучше не пытаться рвать. Конечно, это не заговор на счастливый брак, но благословение на создание «малой церкви», коей является семья. И если даст им Бог, то будут у них дети, а не даст – так разве это единственная цель брака? Конечно же, нет. Брак – это единение в любви, именно в любви. Не в страсти, не в деловых связях, не в детородной функции. А что такое любовь? Ведь слово это столь многозначно, контекст может дать диаметрально противоположные значения. От «занятий любовью» до «очень люблю жареную картошку», от «продажной любви» до «любви к Родине». Можно ли любить мужа или жену так же, как Родину или картошку? Можно ли сводить любовь к «занятию любовью»? Думаю, многие согласятся, что нет.

Как будто в какой-то сказке, в эту же ночь они зачали ребенка, но, конечно, известно им это станет несколько позже. Сейчас же это просто была для них первая ночь, проведенная вместе.

Почти сразу начался Великий пост, первый пост для Фёдора. Вместе они решили постараться его соблюсти от начала до конца. Это было время прогулок по Москве, которая преображалась почти каждую неделю – зимний пейзаж все более сменялся весенним. Время прогулок и разговоров. Говорили обо всем подряд: о серьезном, о грустном, о веселом и просто интересном обоим. Особенно полюбились им Измайловский парк, местами производивший впечатление ди-

ких дебрей далеко от Москвы, Филёвский парк, все еще сохранивший обаяние леса на берегу реки, и переулки в центре столицы, интригующие своими древними названиями и неуничтожимым духом старой Москвы.

– Тут есть один тайный прием: не бей первым, просто держи яйцо, пусть ударит противник. Не знаю почему, но тот, кто бьет, чаще всего разбивает свое яйцо! – учила Анна Фёдора, держа очередное крашеное яйцо напротив другого, которое держал Фёдор.

– Скорее это яйцо снова станет своего естественного цвета, чем я у тебя выиграю! – сокрушался ее «противник», который был побит уже дважды.

– Ну, это уже лишнее сравнение! – ответила Анна, нанося удар, и ее яйцо треснуло, – ну вот видишь, я же говорила!

– И действительно, агрессор сам же страдает от своей агрессии!! – совершенно по-детски обрадовался ФАС.

Так проходил у них пасхальный завтрак.

– И все-таки я не очень понимаю вот эти все моменты про страдания после смерти, – прочему-то вдруг вспомнил Фас давно роящиеся у него в голове мысли, – про скрежет зубовой и геенну огненную. В массовом сознании все это превращается в котлы, в которых кипят грешники, и сковороды, на которых они жарятся. Но о каких котлах и сковородах можно говорить, когда все это актуально для телесных

страданий, но никак не для душевных. Как душе может быть жарко от огня?

– Так а зачем все это так буквально воспринимать? Конечно, эту лубочные картинки про ад с котлами – упрощение для людей. Так им понятнее, примерно какие ощущения будут у души после смерти. Я думаю, что это такой своего рода ориентир, понятный в нашей земной системе координат. Те же, кто хочет более четко себе представлять, что будет происходить, находят ответ у святых отцов. И они рассказывают, что суть страданий души в том, что после смерти ей открываются все ее грехи и это осознание греховности как раз приносит страдания. Недаром святые в нашей, православной традиции, это, прежде всего те, кто осознал, глубоко осознал свою греховность. И не лицемерно или поверхностно из серии – грешен всем подряд, а именно четкое понимание, в чем именно. Со стороны такие люди, по нашим меркам, святые в том смысле, что не грешны, они же на самом деле святые тем, что уже при жизни максимально приблизились к тому состоянию души, которое мы в полной мере почувствуем после смерти, но будет уже поздно. Плюс, конечно, они в большей мере противостоят своим грехам, чем мы. Они как бы идут с открытыми глазами, а мы – с закрытыми. Вот в чем тут дело.

– Теперь, конечно, стало гораздо понятнее! То есть надо просто открыть глаза, и после смерти мучения уже не будут такими страшными!

– Просто! Конечно, ты сам понимаешь, что на самом деле это не так уж и просто. Не намного проще, чем поднять веки Вию.

– Какая-то страшноватая у тебя ассоциация! Но я с тобой согласен – когда всю жизнь живешь в слепоте, тебе это состояние кажется нормальным. Но какой слепец отказывался от шанса получить зрение? Получается, православие дает нам необходимые инструменты для операции.

– Да – или для операции, или для длительной, в течение всей жизни, терапии, что более распространено. Все-таки пример Савла не самый массовый. Хотя чисто физиологически он как раз ослеп, чтобы духовно прозреть.

– Но потом-то прозрел!

– Да, да, совершенно верно! Поэтому его пример такой яркий и точный для каждого христианина.

– При этом ты не просто открываешь глаза, ты меняешь угол зрения. Это как смотреть на решетчатый забор с большими расстояниями между прутьев: он еще только впереди, вдоль дороги, по которой ты идешь. И сначала ты видишь как будто сплошную стену. Но вот ты приближаешься к нему, и прутья забора как бы раздвигаются все больше и больше. А когда ты оказываешься напротив забора, то уже совершенно понятно, что это вовсе не стена, и можно легко рассмотреть – что за ним.

– И можно войти в калитку в этом заборе?

– Если она открыта и ты готов – конечно, можно.

– Думаю, я еще не готов.

– Думаю, ни один человек, который себя здраво оценивает, не сможет сказать, что он готов. И тут уже, мне кажется, как никогда в полной мере следует положиться на волю Божью.

– Да, на нее и положимся! – завершил разговор ФАС, – А теперь можно выйти на улицу и насладится пасхальным светлым днем – природа тоже поет, я это слышу: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ!»

Сегодня идет дождь. Он идет весь день. Вознесение Господне... Говорят, что дождь – это символ любви между небом и землей. Эта мысль сразу окрашивает вроде бы неприглядный пасмурный день в совсем иные краски. Нет ощущения промозглости, но есть чувство очищения природы и единения между миром дольным и горним.

– Все-таки как женщинам легко тратить деньги. Вот они есть – и вот их уже нет, – заметил Фёдор, – нет, я не о тебе, конечно. Просто вчера напарник по команде жаловался, что его жена умудряется потратить все деньги, которые от него получает, буквально за считанные дни.

– Мне кажется, что расточительные жены даны мужьям, чтобы попробовать избавить их от жадности, – ответила Анна.

– А что, интересная мысль! – улыбнулся Фёдор, – и ведь

жадным может быть как очень богатый, так и очень бедный человек. Вот мы сейчас гуляем с тобой по центру Москвы. Пятница, вечер, сколько тут разных людей. Одни, такие же как мы, прохожие, а другие – работают. Кого-то может как раз ждет дома расточительная жена, – Фёдор улыбнулся еще шире, – Смотри, сколько разных творческих людей, которым не посчастливилось стать богатыми и знаменитыми. И это совсем не значит, что они не такие талантливые, как звезды, собирающие стадионы. Тут тебе и русский рок играют, и классику небольшой оркестр, и черный парень покажет приемы с футбольный мячом под музыку.

– Просто им не так повезло в жизни, – заметила Анна.

– А в везении ли дело? Мне кажется все должно быть сложнее. Если подойти к любому из них и вызвать на откровенность, то, я уверен, мы услышим с тобой много разных историй. И, конечно, везение тут будет играть свою роль, но не уверен, что основную. Все ли из них сделали все, что могли для того, чтобы добиться чего-то большего, чем концерты в переходе? Кому-то действительно не хватило таланта, кому-то – силы воли доучиться, способности показать себя в нужный момент, а кому-то реально не повезло. Кто-то выбрал свой путь по ошибке, и так этого и не понял. А кто-то вообще делает это чисто для удовольствия, для него это вообще не источник заработка.

– Подойдем, спросим? – полушутя, полусерьезно спросила Анна.

– Нет уж, – в такой же манере ответил Фёдор, – боюсь, откровенный ответ мы вряд ли получим.

– Так сильно светит солнце в глаза, а я, как назло, забыла очки! – сокрушается Анна, щурясь на яркое солнце – редкий гость даже в летней Москве. Оно забежало сюда совсем на чуть-чуть, но ему все равно не всегда рады.

– Девушка, обратите внимание на Ваши идеально уложенные волосы! С ними что-то не так! – как бы серьезным тоном говорит Фёдор.

– Что случилось? – остановившись, испуганно восклицает Анна, трогает прическу и натывается на солнечные очки. Тут же расплывается в улыбке, одевает их, и, довольная, идет дальше.

– Это что, вот у меня как-то был случай, это прямо очень смешно. Еду я как-то в центр, выходить на Арбатской голубой ветки... Взбегаю по ступеням, и уже собираюсь открывать двери, чтобы выйти на улицу, вдруг меня осеняет: зонт забыл в вагоне метро. Вернусь, думаю, спрошу – может быть, еще можно вернуть. Возвращаюсь, контролеры на входе перенаправляют меня в аквариум с полицейскими. Там сидело две девушки. Я рассказываю им свою проблему. Одна из них уточнила, в какую сторону я ехал и в каком вагоне забыл зонт. Времени прошло совсем немного, мы с ней вдвоем сбежали вниз по лестнице к прибывающему с про-

тивоположной стороны поезду (до конечной же всего одно остановка) и за считанные секунды, пока он стоял, оббежали его почти весь – зонта не было. «Мужчине, может быть в сторону «Международной?»» – спросила девушка. «Давайте посмотрим!» – отозвался я. Но и экспресс-поиск в следующем поезде ничего не дал. «Ну, вот еще один посмотрим и все» – с готовностью сказала мне сотрудница правоохранительных органов. Но и в следующем поезде зонта не оказалось. Я у нее стал спрашивать, есть ли какие-то варианты теперь: бюро находок или что-то такое? Она с готовностью мне все рассказала: если Ваш зонт никто не заберет себе, то его обнаружит дежурная по станции, с постовым они сделают опись и отправят в стол находок, который находится на метро «Университет». Потом она долго выясняла телефон этого стола находок: сначала звонила по одному телефону, потом по другому. Это мы уже, конечно, вернулись к ним в каморку. Я тогда только, кстати, заметил, что у них там было очень душно. И еще подумал, как они там находятся целые сутки. Но и это еще не все. Она спросила, вернусь ли я на станцию, и если вернусь, то чтоб я знал, что они сейчас сменяются, заступают новые сутки, они будут знать о моей ситуации. Может, кто-то передаст сюда зонт. Если нет, она посоветовала мне не полениться и съездить на «Александровский сад», подойти там к дежурной, может, у нее будет. Если зонт какие-то сознательные граждане отдадут на другой станции, там его опишут дежурный и постовой. В стол нахо-

док его передадут не раньше, чем завтра. А будет он там не раньше, чем послезавтра или через три дня, тогда и можно будет туда звонить. Получив весь этот исчерпывающий объем информации, я поблагодарил ее и ушел восвояси. Тут я поднимаюсь по лестнице, выхожу из метро и думаю: «Рюкзак уж больно тяжелый, в нем же нет зонта!». Открываю его, смотрю, а там лежит зонт! Такая история.

– Да уж, поднял на уши всю полицию станции, а в итоге зонт все это время был у тебя. Ну ты даешь! Подошел хоть к девушке-полицейскому, извинился за беспокойство?

– Ты знаешь, нет. Стыдно было.

– Наверное, не стыдно, а страшно, что она тебя пошлет куда подальше! – с улыбкой заметила Анна.

– Скорее всего, ты права...

– А кто, они, эти люди, которые приходят к власти или добиваются успеха в коммерции? – почему-то спросила Анна во время одной из прогулок.

– Очень разные, насколько я знаю. Но, думаю, во все времена это какой-то особый тип личности, ключевое качество которого – предприимчивость. Вот был когда-то СССР. Была в нем организация – комсомол, была коммунистическая партия. Основа всему – идеология коммунизма, которая себя всячески противопоставляла капиталистам, т.е. сто-

ронникам рыночной экономики. При этом можно заметить, что многие бывшие комсомольские активисты после того, как СССР прекратил существовать и в стране был объявлен тренд на ту самую рыночную экономику, в дальнейшем стали удачливыми бизнесменами. Вряд ли поэтому стоит думать, что в комсомол они вступали по идейным соображениям. А руководители бывших республик Советского Союза, эти «убежденные коммунисты»? Они очень быстро сменили идеологическую платформу и продолжили управление. Сейчас такого же типа люди вступают в правящую партию, а завтра, если что-то поменяется, перейдут в лагерь к другим власть имущим.

– Но это же лицемерие!

– Это выживание, любимая! Выживание правит людьми. И когда перед тобой станет вопрос – выжить или нарушить закон человеческий, выжить или нарушить закон Божий, что ты выберешь?

– Я не буду нарушать закон. Во всяком случае, тот, что от Бога.

– Хорошо, если так. Но ни ты, ни я в такой ситуации не были. И в нашем случае остается только уповать на Бога, что Он поможет нам в такой ситуации поступить по совести, и если и погибнуть, то телом, а не духом. А вообще, конечно, гораздо больше хочется, чтоб чаша сия миновала нас.

– Хорошо бы! – воскликнула Анна, погладив себя по животу, который уже начала расти.

– А нарушать закон, чтобы выжить, в России, вообще, в порядке вещей, – продолжил свою мысль ФАС, – Вот, в Астраханской области чем живут люди? Живут они, по сути, одной рыбой, но ловить ее практически всегда – незаконно. Что им остается? Правильно, рисковать привлечением к ответственности, но заниматься браконьерством. И ты думаешь, что село с названием «Икряное» (есть такое в Астраханской области) уже очень давно не оправдывает это свое название потому, что там в свое время распоясались браконьеры? Нет, просто кроме рыбы, в области также есть нефть. А с ней проблемы браконьерства нет, как и нет проблемы сохранения – качай, и будет тебе счастье в виде долговременного финансового потока. Вообще, край, конечно, очень интересный, был я там пару раз на гастролях. Люди там желают тебе «С легким паром», когда ты просто сходил помыться, потому что моются в бане, а не ванной. Вот в городе зачем желать «С легким паром», если ты вышел из ванной? Правильно, незачем. А чай они пьют из бокалов, причем бокалы – это просто кружки побольше размером. И таких кружек чая за один присест они выпивают несметное количество...

– Это потому что «рыбка любит плавать»! Так там говорят, если не путаю. Сначала поесть соленой рыбы, а потом чай пить – улыбнулась Анна.

– Да, примерно так! А ты откуда знаешь?

– Отец в детстве на рыбалку туда меня брал.

Какое-то время они молча шли по весеннему парку.

– А ты знаешь, – вдруг вспомнила Анна, – в поликлинике опять потеряли мою карточку, там вся информация по беременности. Как такое возможно, ведь они давно электронные?

– У меня такое ощущение, что регистратуре каждой ОМС-поликлиники живет вирус, который периодически пожирает карточки больных. Сидит такой в самом темном углу их серверной, в уголочке, вроде никого не трогает, а потом бах – и не досчитались карточки. Раньше их теряли, когда они были в бумажном виде, мне папа рассказывал. Теперь цифровой формат – а проблема вся та же.

– Да уж, по-другому, наверное, и не объяснишь...

Анна развела руки в стороны, подняла голову, будто хотела обнять весь мир.

– Какое сегодня чистое, высокое, пронзительно синее небо! – произнесла она, – Я вдруг подумала, что первые месяцев шесть своей жизни человек почти все время смотрит в потолок. На короткие промежутки (кому как повезет) тебя носят на руках, и ты в вертикальном положении. Но потом опять – лежишь. А над тобой не голубое небо или бесконечность звезд, а какой-нибудь потолок. Хорошо, если высокий и чистый. А если грязный и низкий?

– Думаешь, это потом влияет на ограниченность человека в мыслях и действиях? – спросил ФАС.

– Не знаю! Наверное, нет! Все же смотрят в потолок, но не все вырастают ограниченными. Тут что еще понимать под

ограниченностью. Какие-то границы всегда должны быть. Иначе – хаос.

– Ну, я не в морально-этическом смысле, конечно! Я имею в виду – зашоренность, узость и шаблонность мышления. Это же массовое явление. Возможно, маленький человек видит этот потолок и думает, что все – это границы мира. Все равно что верить в то, что земля – плоская, и можно упасть за горизонт. А один на тысячу таких, наоборот, будет уверен, что за ним – только начало огромного мира. И прогулка с мамой в коляске подтвердит эту гипотезу.

– Я вообще сомневаюсь, что такие малыши способны к такого рода мыслям. Мозг еще слишком неразвит. Но пофантазировать, конечно, можно. Особенно если учесть, что никогда не узнаешь правду наверняка.

На этом их дискуссия, как и сама прогулка, подошла концу.

Лето выдалось переменчивое. Долгое время, почти до середины июля, как будто в тропиках, лили дожди. Они делали это каждый день, иногда имели наглость появляться одновременно с солнцем, и старались победить его, затмить своей водой свет и тепло. В такие моменты дождь не казался символом любви между небом и землей, а скорее каким-то наказанием за копящиеся снежным комом грехи человечества.

И вот тропики сменились экватором. Полюса земли не

сместились, нет, но в Москву пришла сорокаградусная жара. Тучи посчитали, что свое они отработали сполна, и можно уйти на заслуженный отдых. Вернутся они уже со снегом в их необъятных телах.

Несмотря на погоду, прогулки продолжались, как и разговоры...

– Меня не перестает поражать наша природа, природа человека – смущенно задумался вслух ФАС, – Было такое, что человек на другой стороне улицы бьется в конвульсиях, но ты проходишь мимо и не помогаешь ему. Женщине тяжело поднять по лестнице коляску с ребенком, и ты ей помогаешь. Почему так все по-разному?

– Но никто не отменил нашу падшую природу. Мы ставим свое удобство и свой комфорт выше других людей и их нужд. Чтобы помочь человеку на другой стороне улицы, надо перейти на эту другую сторону улицы. А мы спешим, у нас дела, и нет времени на все это. Да вообще, ему кто-то другой поможет, вон уже кто-то обратил внимание, а я пойду своей дорогой. Помочь женщине с коляской – это легко и приятно. Она вот тут, перед тобой, очень удобно – помог, получил свое "Спасибо Вам большое", почувствовал себя лучше, чем ты есть на самом деле, и пошел дальше, это ж было по пути.

– Да, ты абсолютно права. Порой мне приходит в голову такое сравнение, что жизнь – это как игра в дартс: все целятся в десятку, но попадают немногие. А какую цель ставим мы? Может эта цель неправильная? И каковы средства для

достижения этой цели?

– Для православного человека цель предельно ясна и понятна – это спасение. Причем спасение в смысле соединения с Богом, т.е. спасение от греха. И средства для достижения этой цели не могут быть греховны.

– Как ты думаешь, сколько у нас будет детей? – просил он у нее.

– Ну это как Бог даст.

– А сколько бы ты хотела?

– Сложный вопрос... Мне недавно приснился сон. Мы стоим с тобой на берегу озера. Вода тихая, гладкая, и отражение как бы умножает нас в два раза.

– То есть двое детей?

– А лучше все-таки трое, – сказала она и улыбнулась.

– А если не будет столько?

– Значит, не будет.

– Ну ладно тебе, погрустнела сразу!

– Нет, просто я задумалась, а что нас вообще ждет впереди. Мы с тобой, считай, вне закона, а рассуждаем о том, сколько детей у нас будет. Давай лучше не будем.

– Хорошо! Я понимаю, о чем ты, но иногда так хочется помечтать, построить планы, даже если понимаешь, что дальше твоих мыслей все может и не пойти.

– Давай лучше зайдём в кафе, что-то захотелось попить

прохладительного, а то такая жара.

– Да, конечно! Вот кафе «Хо Ши Мин». Но сюда мы, наверное, не пойдем. Вообще забавно. Раньше кафе называлось «Сеньор». Потом переименовалось в «Халяль», и чуть позже окончательно стало носить название «Хо Ши Мин». Вот такая, не побоюсь этого слова, тенденция.

– Нет, давай в какое-то другое.

– Хорошо, вот следующее получше, думаю.

Они зашли и присели за ближайший столик приветливого кафе на углу улицы.

– Смотри, какое забавное название молочного коктейля – «Нирвана».

– Да уж. Они хоть понимают, что это значит? Выпьешь и окажешься в состоянии небытия, прекратишь себя субъективно осознавать?

– Да. Видимо, ассоциируют нирвану с каким-то состоянием наряду с блаженством.

– Не знаю, мне кажется, с этой точки зрения есть что-то общее между буддизмом и атеизмом. Ну, вот, посуди сама. В буддизме какая цель – эта сама Нирвана, т.е. слиться с ничто. В атеизме после смерти вообще ничего не происходит, т.е. тоже мы имеем дело с небытием. Просто буддисты стремиться к небытию, а к атеистам оно приходит само.

– Не могу сказать, что сильно разбираюсь в буддизме, но очень интересные рассуждения. Хотя, думаю, будь здесь буддист, он бы обиделся, если бы ты его атеистом назвал.

– Нет, ну, в буддизме же нет бога, как и в атеизме. Получается, буддизм – это такая атеистическая религия, если можно так выразиться. Будда – это же не бог, и стремления к богу, хоть какому-нибудь, там тоже нет. Какой-нибудь классический язычник поклоняется какому-то богу, приносит ему жертвы. Понятно, что его бог – на самом деле не бог, а совсем наоборот, но тем не менее, язычнику проще, мне кажется, объяснить, что Бог – Он един, и ты, дорогой, не то делаешь. А у буддиста и атеиста вообще такой субстанции нет, один воспринимает мир как иллюзию, плод воображения, другой – как объективную реальность, в которой нет места сверхъестественному.

Осень. Снова этот непонятный дождь, который не знает, идти ему или нет: то прольется скупой слезой, то перестанет, то ударит с новой силой по им же созданным лужам, как бы наказывая свои создания за какой-то серьезный проступок. Голуби, будто куски почему-то синеватой земли замерли на мгновенье и готовы шумной гурьбой сорваться и улететь прочь, укрыться от холодной влаги, которая повсюду.

А желтые листья на ветках березы напоминают проседь в волосах когда-то цветущей, красивой женщины. Она уже немолода, и время ее ускользает. Да, волосы можно покрасить, и морщины скрыть макияжем, но годы ушли... А она не унывает и не огорчается! Для березы осень и зима сменяются

весной, которая принесет ей новые листья. Для женщины наступит иная, новая глава ее жизни, и пусть легкость юности уже вряд ли коснется ее, но основательность зрелости даст фундамент для жизни с новым взглядом на вещи, людей, себя. Не упустить этот момент, не увязнуть в самокопании и мыслях о прошлом – вот что важно. Прошлое – прошло, будущее – будет, а настоящее, оно же настоящее, реальное, оно тут, с тобой. Будь с ним, вдыхай, пей его, узнай новое о себе и о мире вокруг тебя, посмотри на то же самое другими глазами, увидь то, что раньше оставалось незамеченным, иди дальше по своим ступеням, и, если захочешь – обернись назад, но не для того, чтобы жалеть или унывать, а для того, чтобы не повторить ошибки, чтобы еще раз вспомнить что-то важное, что-то хорошее, что придаст тебе новых сил. Иди к Богу, и твоя лестница жизни превратится в лестницу Иакова или Лествицу, о которой говорил Иоанн Лествичник. А путь, как известно, осилит идущий.

... Повисло неловкое молчание. «ФАС забыл текст своей шутки!», – прошептал один из участников команды. «Давайте, я скажу!», – откликнулся другой. ФАС молча смотрел в зал. Он понимал, что эту шутку про православного священника он произнести не может, просто язык не поворачивается. Заменить ее на какую-то другую он тоже не мог, но та-

кая мысль у него возникла. Товарищ по команде уже открыл рот, чтобы произнести его реплику, потому что пауза стала затягиваться непозволительно долго. Но ФАС перебил его: «Дорогие зрители и члены жюри! Хватит слушать нас и истошно аплодировать!», – глаза окружавших его людей остекленели в ужасе, председатель жюри сверкнул взглядом так, что коэффициент пожароопасности в помещении на секунду подскочил до максимального значения и даже немного его превысил. «Мы говорим по указке сверху, и мы уже давно не студенты! Мы профессионалы, за каждым из нас неусыпно следят!» Страшный удар в челюсть прекратил этот монолог... ФАС проснулся, сел на кровати и в ужасе огляделся по сторонам. «Слава Богу, это был сон! Надеюсь, не вещий», – подумал он, взглянул на мирно спящую жену, повернулся на другой бок и заснул, забыв об этом до поры.

Сны бывают разные... Конечно, чаще всего это игры подсознания, которое вырываются наружу со своими страхами, желаниями, самыми сильными переживаниями, которые тщательно подавляются сознанием в период бодрствования, чтоб просто не сойти с ума от перенапряжения. Но вот человек засыпает и довольно часто видит сны. Говорят, что сны есть всегда, просто нечасто они запоминаются после того, как проснулся. А если какой-то сон запомнился, он почти всегда очень быстро стирается в памяти. И если первые секунды после того как проснулся, ты помнишь его в мельчайших подробностях, можешь рассказать, поделится пережи-

ваниями, то уже по прошествии нескольких минут остаются только самые яркие, порой плохо связанные друг с другом моменты, а через час-два если что-то и фиксируется, то уже с трудом, на помощь могут прийти только ассоциации из окружающего мира. Но бывают ли те самые «вещие» сны? Наверное, бывают. Но к ним надо относиться с большой аккуратностью, и даже с недоверием. Темные силы не дремлют ночью. Наоборот, всегда ночь считалась временем разгула этих сил, ведь тьма – это отсутствие света. Очень сложно разделить «предсказание» во сне от своих желаний и страхов, которые ищут себе выхода ночью. Выдавать желаемое за действительное – опасный путь, уводящий от реальности. Да и откуда возникают эти самые желания? Порой как раз от него, от лукавого. Поэтому святые отца всегда предостерегали от серьезного восприятия снов, да и просто видений, возникающих наяву – уж очень велика вероятность, что источник такой грезы – тот, общение с кем приводит к гибели.

Что приснилось Фёдору? Это его переживания либо картина из грядущих событий? К счастью, этот неразрешимый вопрос не терзал его душу, потому что сон этот он благополучно забыл.

Вот и пришел волнительный день – день финала Высшей лиги КВН. Как мы помним, в финал вышла команда наци-

онального большинства в Ростовской области «Ростовские узбеки» (г. Ростов-на-Дону), команда-пропагандист воровской романтики «По жизни», городом происхождения которой определили Магадан, и команда, капитаном которой был ФАС, и название которой говорило само за себя – «Воинствующие атеисты» (как мы понимаем, из Москвы).

– Ну, с Богом! Ты все сделаешь правильно, я уверена! Просто не забывай про меня, про то, что мы должны быть тверды в своих жизненных принципах и не кривить душой ради комфорта, не гнаться за призрачным успехом!

– Да, любимая моя! Я еще не знаю, как буду вести себя на сцене, если честно, в голове крутятся разные варианты, и ни один из них не кажется мне идеальным.

– Идеального решения здесь не будет. Придется чем-то жертвовать. Просто надо понимать, кому ты приносишь эту жертву. «Жертва Богу – душ сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» – помнишь слова в Псалме 50, который в утренних молитвах.

– Да, это будет непросто, но я справлюсь! Ты будешь в зале? Я могу провести тебя, это не проблема.

– Нет, лучше я буду ждать тебя дома, так спокойнее. Это все равно как жены боксеров, которые присутствуют на выступлениях своих мужей. Слышала, они порой очень эмоциональны, но на пользу ли это мужьям – я вот считаю, что нет. Может быть потом, когда программа выйдет по телевизору, я и посмотрю твое выступление (не всю же программу

смотреть – зрелище очень грустное, местами причиняет почти физическую боль). Сейчас не буду...

– Хорошо, я с тобой согласен – меня это тоже будет отвлекать, мешает сосредоточиться. Тогда я пошел, до встречи дома!

– Удачи, милый! Дай поцелую на прощанье!

Они поцеловались, и он ушел.

У дверей Дома КВН его ждали уже знакомые ему двое в штатском – Чёт и Нечет. Он не удивился и не испугался – разговор с представителями органов перед таким важным мероприятием – это стандартная процедура, которую он проходил неоднократно.

– Здравствуйте, М1122030ФАС!

– Здравствуйте, господа офицеры!

– Пройдемте с нами на пару слов, – произнес Чёт с ухмылкой на «господа» ФАСа.

– Конечно, с превеликим удовольствием, – сотрудники религконтроля заметно поморщились от высокопарного стиля и несколько насмешливого тона ФАСа, но ничего не сказали.

– Итак, товарищ капитан, сегодня финал игры. Я думаю, Вы в курсе, что, по сценарию, выигрывает Ваша команда. Поэтому не должно быть допущено ни одной ошибки. Все говорить согласно утвержденному тексту, все декорации мы еще раз проверим. Никакой самодеятельности и этих, как их, импровизаций! Сами понимаете, что отвечаете за все Вы лично, – строго и твердо сказал Чёт.

– Будьте уверены, что наблюдение за всем процессом на финале в два раза строже, чем на других играх! – добавил Нечет.

– Да, конечно! Будьте уверены, все пройдет как согласовано! – отрапортовал ФАС.

– Вы уверены? По моему опыту, люди делятся на две категории: агрессивные и глупые. Надеюсь, Вы не глупы, и все понимаете – отметил лейтенант.

– То есть Вы думаете, что не может быть людей, которые глупые и агрессивные одновременно? – с улыбкой спросил ФАС, – Мне кажется, как раз глупость часто выражается через агрессию. Я даже знаю один пример – ФАС, не переставая улыбаться, посмотрел на лейтенанта.

Нечет уже хотел что-то ответить, но майор перебил его:

– Мы так и знали, что Вам ничего не помешает профессионально выполнить свои обязанности, – примирительно сказал он, – ведь так?

– Да что вы все время переспрашиваете? У вас какие-то сомнения касательно меня? – взволнованно спросил ФАС, постаравшись изобразить максимальную степень праведного гнева незаслуженного недоверия.

– Мы все знаем про Вашу жизнь в последние несколько месяцев. Нет, конечно, мы вообще все о Вас знаем, особенно подробно – с момента, как Вы стали капитаном команды, но последние месяцы заинтересовали нас особо. Поэтому настоятельно рекомендуем Вам сегодня не совершать никаких

глупостей на сцене. Последствия для Вас и Вашей жены будут самые плачевные. Думаю, Вы сами отлично знаете, что это не пустые угрозы.

Лицо ФАСа омрачилось. Из его груди почти вырвался крик отчаяния, но он смог сдержать себя, тяжело выдохнув носом с каким-то внутриутробным хрипом.

– Вижу, Вы поняли всю серьезность Вашего положения, – не преминул вставить Нечет, – делайте так, как оговорено, и у Вас еще будет шанс не разрушить свою жизнь до основания.

– А жена тут при чем?

– Ну как же, а пословица про мужа и жену? Или она теперь Вам не нравится? – с усмешкой ответил лейтенант.

– Нет, не нравится... – упавшим голосом произнес ФАС.

– Ну, это и не важно. В общем, Вы нас поняли.

На этом разговор был окончен, сотрудники религконтроля проводили ФАСа до гримерной и как будто испарились. Но он-то знал, что выражение «стены имеют уши» в его случае имело вполне осязаемое буквальное значение. Надо было как-то предупредить Анну о том, что ей грозит опасность. Звонить не было ни малейшего смысла – очевидно, что телефон прослушивался. Он судорожно соображал, как поступить. Ни одной удачной мысли не приходило в голову. Оснований доверять соседям не было, голубиной почты у него тоже не было. Одна надежда была на уборщицу, с которой у ФАСа почему-то сложились очень теплые отношения. Ко-

нечно, риск бы и тут – вероятность сотрудничества уборщицы с ФСКР была очень велика. Да что тут говорить – вероятность сотрудничества была стопроцентная, но ФАС почему-то надеялся, что ее сердце смягчится, ведь в свое время ее обвиняли в краже, и только благодаря ФАСу, который располагал доказательствами того, что на самом деле украл охранник, ее оставили на работе, не депортировали, и даже выразили сожаления по поводу необоснованных обвинений.

Он быстро написал записку уборщице: «Амина, очень нужна помощь: как закончите, сходите ко мне домой и передайте эту записку жене. Пусть срочно берет все только самое необходимое и идет к моему дедушке, адрес она знает. Пусть ждет меня там. Возможно за Вами, за домом следят – будьте внимательны». Он понимал, что записка может и не попасть по назначению, а если и попадет, то Анну могут перехватить по пути к дедушке. Но совсем ничего не делать он не мог.

Вложив записку в денежную купюру, ФАС вышел из гриферки, и, как бы прогуливаясь по коридорам, стал выискивать глазами уборщицу. Ему повезло – она как раз мыла пол в 10 метрах от него. Он молча пошел прямо к ней, сблизился, при этом она его совсем не замечала, углубившись в работу и думая о чем-то своем. Он незаметно вложил ей записку в карман халата, немного ткнул в бок, рассеяно произнес: «Ой, извините! Здравствуйте!», подмигнул и пошел дальше.

Шел конкурс «Приветствие», одну короткую шутку про православного священника ФАС пропустил, это заметили все, кто о ней знал, а о ней знали многие. Никто из других членов команды не решился произнести ее вместо него – мало ли, думали они, может в сценарий были внесены изменения, о которых сообщили только капитану – такое уже было раньше. В перерыве между выступлениями к ФАС подошел Чёт и отвел его в отдельную комнату. Как только дверь закрылась, от полученного удара поддых ФАС сложился вдвое, тяжело задыхаясь.

– Ну что же Вы, капитан! Вам же все четко описали. Конечно, это шутка не был основной, некоторые ее отсутствие умудрились не заметить – с ними уже ведется разъяснительная беседа. Но текст утвержден распоряжением Правительства, Вы уже «намолчали» лет на 5. Конечно, виновата Ваша религиозная деформация. Мне казалось, что Вы еще можете себя контролировать. Оказывается, это не так.

– Нет, нет, это больше не повторится! Поверьте, я очень сожалею, что отступил от сценария! Понимаю, что это совершенно непростительно! И все-таки дайте мне второй шанс!

– К сожалению... Я вынужден дать Вам второй шанс. Ваше исчезновение со сцены в середине игры нам не нужно. Надеюсь, Вам не надо повторять, какие последствия Вас ждут, если Вы продолжите свое глупое, ни к чему не приво-

дящее поведение. Как Вы не поймете – чем бы Вы не руководствовались в своем поведении, это ничего не изменит!

– «Для этой – очень многое изменит, и бросил в море новую звезду», – прошептал себе под нос ФАС.

– Как Вы сказали?

– Нет, ничего, просто повторяю текст...

– А, это хорошо, повторяйте! Считаю, на этом наш разговор окончен, готовьтесь к следующему конкурсу.

Офицер ушел, оставив ФАСа в раздумьях. В конкурсе «Разминка» опасных шуток не было, и он спокойно пошел, повторяя вопросы и ответы, не забывая про вопросы других команд.

Шло «Домашнее задание», темп выступления провис – ФАС не вышел в образе православного священника для сцены обличения веры. Члены команды не понимают, что происходит. После небольшого замешательства выступление продолжилось со следующей зарисовки. Посередине ее должен был выйти наш герой в очередном образе. И вот из-за кулис появляется батюшка в полном богослужебном облачении, – такого нет в реквизите команды. Голову его венчала камилавка – средней высоты цилиндр фиолетового цвета, без полей, расширяющийся кверху. Головной убор, как все иное облачение, был взят ФАСом из вещей отца Глеба, кото-

рый был награжден камилавкой незадолго до своего ареста. Епитрахиль – длинное полотно, огибающая шею, с соединенными концами впереди, которые спускались вниз – ярко отличала его от дьякона. Риза была очень красива – непривычна взгляду всех присутствующих в зале. Был виден и подризник, а завершал одеяние пояс.

Члены команды несколько опешили, но помнили, что сейчас по сценарию должен быть выход ФАСа в образе священника, так что все, вроде бы как, шло по плану.

– ФАС, что это за наряд?! Откуда ты его взял? – прошептал один из участников команды.

– Нормально все, не мешай работать, – процедил сквозь зубы Фёдор.

Наш герой молча посмотрел в зал, кисти рук были спрятаны. Вдруг он обнажил руки, в правой он держал крест. Им он осенил зал. Зал в ответ ахнул и затих. Послышалось несколько отдельных смешков – видимо, кто-то подумал, что это шутка.

– Дорогие зрители и члены жюри! Хватит слушать нас и истошно аплодировать! – повторил ФАС свои слова из сна, и продолжил, – Мы говорим по указке сверху, и мы уже давно не студенты! Мы профессионалы, за каждым из нас неусыпно следят!

В точном соответствии со сном, страшный удар в челюсть прекратил этот короткий монолог... Прозвучали жидкие аплодисменты, которые через несколько секунд заметно усили-

лись – без «инициативных людей» не обошлось. Обмякшее тело ФАСа унесли за кулисы, как будто так и должно было быть, а выступление команды продолжилось.

– Ну что ж ты наделал, капитан! Тоже мне, воинствующий атеист в поповской одежде! – сокрушенно произнес Чёт, который несколько секунд назад подбежал к ФАСу и прервал выступление хорошо поставленным ударом, а сейчас уже дотащил его до гримерки и посадил в кресло.

ФАС очнулся, потрогал челюсть – вроде не сломана.

– Да не сломал, не переживай! – с усмешкой прочитал его мысли майор, – тебе ее еще успеют сломать, как и многое другое, – на этой фразе его лицо омрачилось.

ФАС молча взглянул на офицера, лицо кавээнщика не выражало никаких эмоций.

– Ну что, поехали в управление, только переоденься. Сейчас мой коллега подойдет, и будем выходить. Ты только давай без попыток к бегству. Сам знаешь – придется стрелять, и стрелять на поражение.

ФАС продолжал угрюмо молчать. В данный момент он думал только об одном: смогла ли Амина передать записку Анне, и смогла ли та убежать из квартиры. Шансов практически не было...

– Что будет с моей женой? – все-таки осмелился спросить Фёдор.

– Посмотрим... – уклончиво ответил офицер.

– Что будет с моей женой? – уже громче, и с некоторой

агрессией в голосе произнес ФАС.

– Ну-ну, успокойся! Я же сказал – посмотрим. Может быть она будет сотрудничать со следствием, а может, как Тайсон Холифилду, отгрызет охраннику ухо – я же не знаю.

ФАС помрачнел. В гримерку зашел второй сотрудник религконтроля, тот, что помоложе.

– Вот и отгулял ты свое, горе-капитан, – со злобной усмешкой он отвесил ФАСу смачную оплеуху.

– Э, погоди горячиться, лейтенант, – одернул его старший, – пошлю тебя в реальную оперативную работу, если ты в учебке руками не намахался.

Нечет бросил на старшего взгляд-молнию, но промолчал.

ФАСа вывели из здания без наручников и посадили в стоящую неподалеку машину. Он шел покорно, не сопротивлялся, ведь понимал, что смысла в этом никакого нет.

В это же время дома у ФАСа проходил обыск. Выломавшие дверь оперативники в квартире никого не обнаружили. Удивленно переглянувшись (за домом велось круглосуточное наблюдение, и Анна не могла выйти из него незамеченной), сотрудники приступили к методичному обыску квартиры.

Первым их внимание привлек небезызвестный сундук. Легенда о нем уже проникла во все силовые ведомства, и неожиданным гостям не терпелось испытать его, проверив

правдивость слухов. Как и ожидалось, сундук не поддавался на попытки открыть его голыми руками. В ход пошел нож, набор отмычек, было даже сделано несколько выстрелов из пистолетов, но, когда одна из пуль, отрекошетив, просвистела в миллиметре от ноги одного из оперативников, попытки решили прекратить. Сундук стоял как скала, о которую разбиваются волны девятибалльного шторма.

– Да оставь ты его в покое. Вызовем машину, да выведем его отсюда – там однозначно есть что-то очень важное, – устало заявил один из горе-взломщиков.

– Да, ты прав... – согласился другой.

Обыск в остальной части квартиры не дал никаких полезных результатов. Улик, которые бы послужили основанием для обвинений жильцов в чем-либо противозаконном, не было. Расстроенные оперативники вызвали машину, чтобы вывезти сундук. Тут их ждал еще один сюрприз – поднять сундук они не смогли, хотя ребята были в плане физической формы хоть куда: один победитель многочисленных соревнований по силовому экстриму – молодой человек весом 130 кг чистых мышц, второй – огромный амбал больше двух метров ростом, невероятной физической силы от природы.

– Этого не может быть! Что там лежит, что мы его поднять не можем? – стронгмэн недоумевал.

– Бред какой-то. Не может же там полтонны поместиться? – тарасил глаза второй.

– Да хоть и полтонны, мы его даже сдвинуть не смогли. Да-

вай чем-то подденем – может он к полу «прикипел» за долгие годы. Или вообще прибит к полу, я не знаю.

С большим трудом один из них смог просунуть лезвие ножа между полом и сундуком и провести им вдоль всего доступного ему периметра сундука – никаких признаков, чтоб сундук прикреплен к полу, не было – нож хоть и шел с трудом, но это было связано скорее с тяжестью сундука и толщиной лезвия ножа.

– Так, давай еще раз попробуем. Уж теперь хотя бы приподнять его мы сможем – с воодушевлением произнес амбал.

Ничего не вышло. Сундук не сдвинулся ни на полмиллиметра.

– Мистика... – задумчиво промолвил амбал.

– Да какая мистика, бросай сочинять – огрызнулся второй, – подождем пацанов – вместе поднимем.

Вскоре приехала машина с подмогой из четырех человек. Шестеро крепких оперативников, каждому из которых не составит труда понять вес, превышающий 200 кг, не смогли ничего сделать с сундуком.

– Может, взорвем? – спросил стронгмен.

– Ты у нас такой дурак по субботам или как? – крикнул один из приехавших.

– Но сегодня же не суббота!

– Книжки надо читать хоть иногда, темнота. Или хотя бы мультфильмы нормальные смотреть из старых. Пожар сам тушить будешь? А если все, что там – сгорит, что будешь

делать? – крикнул начитанный, – тут спешить не надо. Если сдвинуть его не получается, то работать с ним надо здесь. Вызовем спецбригаду – они все что угодно открыть могут.

Через 15 минут приехала спецбригада по вскрытию помещений и сейфов. Многие – бывшие профессиональный вооруженные, по разным причинам перешедшие на государственную службу. О сундуке они уже слышали, знали, что рано или поздно обратятся к ним, поэтому были готовы во всеоружии.

– Ребята, займитесь-ка этим клиентом! Не знаем, что там, но поднять его невозможно! – пожаловался один из сотрудников, – Содержимое должно остаться целым – отвечать будете по полной, если что-то будет повреждено.

– Задача понятна, не впервой! Да вы, если хотите, можете идти, мы тут пошумим немного.

– Я останусь, остальные можете быть свободны, – сказал тот, начитанный, он был старше по званию.

Работа закипела. Спецы применили все известные им способы и инструменты, и по прошествии пяти часов непрерывной работы, ничего не добившись, пошли перекурить. В процессе отравления себя никотином все угрюмо молчали, каждый думал над возможными вариантами решения проблемы. Никаких стоящих идей в голову не приходило.

– Какое идиотское ощущение! Со мной такого еще не было – чтоб ну вообще никаких сдвигов, – нарушил тишину один из ФСКР-щиков.

– Хорошо хоть просканировали, что там лежит, – уныло

произнес другой.

– Это и так можно было понять, что там книги, да предметы культа, – строго сказал старший, – Дело-то не в этом. У вас задача была – открыть его, а уж что там – вас, вообще говоря, не касается. И задачу вы эту пока не выполнили. Понимаете, что это значит?

– Да понимаем, – ответил первый сокрушенно, – но ты сам видишь, мы не балду пинали последние часы! Все что могли, испробовали. И какой результат? Нуль! Ладно бы он подался чуток, было бы понятно, в какую сторону двигаться. А тут что?

– Но выход все равно должен быть, не будем раньше времени сдаваться, – с оптимизмом сказал второй.

– Вот и думайте, что делать, хватить болтать да прохлаждаться, – старший встал, выбросил окурочок и пошел к сундуку.

Промучившись еще два часа, взломщики окончательно отчаялись.

– Нет, майор, ничего не получается у нас. Либо везти его в лабораторию и там что-то думать, либо сюда везти лабораторию и пытаться еще. Вообще, чудеса какие-то, конечно.

– Да какие чудеса, лейтенант, не неси бред, – огрызнулся старший, – вижу, что ничего не получается. Ладно, на сегодня сворачиваемся. Забрать его отсюда не получится – пробовали уже. Сейчас прибудет наблюдение и расходимся. Продолжим завтра – берите все, что можно, и чтоб с утра

были здесь в полном составе.

Но с утра никто никуда не прибыл. Ночью (наверное, из-за выроненного окурка) в квартире ФАСа произошел пожар, оба дежурных из органов погибли, задохнувшись угарным газом. Сундук таинственно исчез.

Надежды ФАСа оправдались: уборщица помогла ему. Она сразу почувствовала, что он положил ей что-то в карман. Сначала подумала, что это просто деньги, ведь деньги там тоже были. Немного удивившись, она прервала работу, сходила к себе в подсобку, достала из кармана его содержимое и тут обнаружила записку. Несколько минут она сомневалась. Ей было приказано докладывать обо всем курирующему сотруднику религконтроля. Здесь же ей не просто стало известно о чем-то, что надо было сразу же сообщить, но и помочь в прямо противозаконной деятельности. Но она знала, что у ФАСа есть жена, и эта жена беременна. Она также была наслышана о методиках работы ее настоящего начальства. Страшные картины стали всплывать в ее сознании, порыв позвонить по нужному номеру телефона сменялся порывом переодеться и бежать к дому ФАСа. Победил второй порыв.

Конечно, у дома ФАСа дежурили, практически не скрываясь. Анну пока не брали – ждали приказа. Уборщица, бес-

препятственно пройдя мимо наблюдения, поднялась в квартиру ФАСа, передала Анне записку и сообщила о том, что внизу ее уже ждут.

– Вы так рискуете, помогая нам! Вас же тоже арестуют! – воскликнула Анна.

– Да, я все понимаю. Но я очень обязана Вашему мужу. Если бы не он, я уже давно была бы в тюрьме.

– Что же нам делать, ведь как только мы выйдем, нас тут же схватят! Ну, или будут следить до самого дома бабушки, – начала рассуждать вслух Анна, – ладно, будем переодеваться.

Женщины не придумали ничего лучше, как переодеться в одежду ФАСа. Дома он хранил многое из своего реквизита КВН. Поэтому Анна без труда нашла усы, ставшие вновь модными бороды, парики и бутафорские щеки.

– Я выйду вместе с Вами. Они же ждут, когда появится одинокая женщина, а не два мужчины. Может и не поймут, что к чему, – заявила уборщица.

– Но это же прямо соучастие! Вы уже и так очень много сделали.

– Мне теперь остается только бежать. Если Вы не против, я бы бежала вместе с Вами, ведь у Вас же тоже нет выбора?

– Но Вы ведь даже с семьей не попрощались! У Вас есть к кому обратиться за помощью?

– Близких у меня здесь нет! Придется бежать в Таджикистан, там меня укроют. Ох, и зачем я во все это ввязалась!

Ну, ничего, я не жалею...

Через некоторое время из дверей подъезда вышли двое мужчин. Один небольшого роста, коренастый, с аккуратно постриженной бородой, второй – высокий, полный, с огромным пивным животом и тяжелой походкой. Маскарад действительно ввел в заблуждение наблюдавших за домом, и ряженные смогли беспрепятственно пройти мимо. У одного из сотрудников мелькнула мысль о том, что таких людей он здесь раньше не видел, но значения этому он не придал. Он только лишь заметил, тронув свою гладко выбритую щеку:

– Эх, мне бы такую бороду. Жаль, устав запрещает.

– А вот мой дед всю жизнь бороду носил – он, знаешь, ли, то в тренде, то отстает, то опережает, то опять в тренде, – с усмешкой отреагировал его напарник.

– Человек, который верен своим привычкам, периодически бывает модным, – глубокомысленно ответил гладковыбритый.

– Вот и я смотрю, что ты всегда верен своей привычке жаловаться, что тебе нельзя отращивать бороду – пошутил его собеседник.

Менее чем через час прибыл наряд для задержания Анны. Каждый из наблюдателей получил личный удар в разные чувствительные органы после того, как обнаружилось ее отсутствие.

– Вы совсем что ли? – далее майор использовал длинное словосочетание, которое обычно называют трехэтажным

матом, – вы тут зачем стоите, для красоты? – фраза была, конечно, сформулирована несколько иначе, но смысл был именно такой, – запись с камер сюда быстро! А ты бери еще двоих, и дуйте к дедушке этого горе-капитана, – обратился он к прибывшим с ним.

– А он по какому адресу живет?

Ответ был симметричен вопросу. Как только лейтенант пришел в себя после удара поддых, он мухой вылетел из квартиры, прихватив с собой двух коллег. В машине они связались с центром, и им быстро предоставили всю нужную информации по дедушке ФАСа. Ехать было недалеко – от резкого нажатия педаль газа скрылась в полу, и со страшным ревом машина сорвалась с места.

Через примерно час беглого просмотра записи, майор кое-то заметил.

– А вот это кто? – спросил он, указав на знакомых нам мужчин яркой наружности.

– Не знаем, мужики какие-то.

– А вам они не показались подозрительными? Такие точно не входили. Жильцы?

– Мы не знаем, на этом объекте мы постоянно не дежурируем.

– Так позовите того, кто знает!

Вызвали того, кто часто вел наблюдение за объектом.

– Нет, это не жильцы, таких здесь точно нет. Разве что гости.

– Так, все ясно.... Разослать изображения везде, провести

мониторинг всех камер от этого дома, проследить путь этих двоих! – мгновенно отреагировал майор.

Работа закипела, прокипела, но ничего не дала. Девушки, как заправские шпионки, почти на ходу сняли свой «камуфляж», как только вышли из зоны первых камер и не вошли в зону действия следующих. Некоторые прохожие, конечно, оглянулись на такое «срывание одежды», но московских жителей мало чем можно удивить – хоть голым зимой ходи, хоть в шубе летом.

Дедушка совсем не ожидал гостей, но лишних вопросов задавать не стал.

– У нас очень мало времени. Думаю, за нами придут сюда с минуты на минуту, – быстро прошептала Анна.

– Я вас понял. Вот ключи от машины. На ней такие номера, что остановить ее не посмеют. Езжайте вот сюда – он показал на карте, но навигатором не пользуйтесь – Вас очень быстро вычислят и номера уже могут не помочь. Анна, ты представляешь, примерно, где это?

– Да, я знаю, куда ехать, была в той стороне. Это, получится километров 100 от Москвы, не больше.

– Да, все верно. Примерно за километр там будет наблюдательный пункт. Заметить его очень сложно, т.к. место постоянно меняется. Вот возьми эту голубую ленту. Как выедешь из Москвы, проедешь камеру на 50-м километре, протяни

эту ленту вдоль лобового стекла по нижней границе. Так тебя узнают, и будут вести после наблюдательного пункта. Как только увидишь, что навстречу тебе по дороге идет человек в такого же цвета голубых брюках, остановись и спроси у него: «Не подскажите, как доехать до Спасово?» Если ответит «Эк Вы заехали! Так и погибнуть можно! Вам в Калужскую область надо!», то скажи: «А может Вы нам путь подскажите? Садитесь!» Человек может выглядеть очень непрезентабельно по городским меркам, пусть тебя это не смущает. Он сядет в машину, и доедете с ним до места. Что еще... С внешностью надо что-то сделать, вот только что? Париков и чего-то такого у меня нет, не усы же Вам рисовать, в конце концов...

– А бритва есть?

– Конечно, есть только зачем?

– Давайте ее сюда.

– Я бриться наголо не буду! – заявила уборщица.

– А я – буду, – ответила Анна. Через несколько минут она приобрела внешность неформальной девчонки, которая, видимо, беременна от какого-нибудь залетного байкера.

– Могу я предложить Вам вот эту майку на лямках – она будет отвлекать внимание от Вашего лица.

– Конечно, я в нем буду выглядеть немного вызывающе, но в данной ситуации так будет лучше.

– Я не поеду с тобой Анна! – вздохнула уборщица, – в подвале этого дома живет мой хороший знакомый – думаю,

он сможет помочь мне. Ехать в православное подполье мне смысла нет.

– Я не вправе тебя уговаривать, но спрошу тебя, ты уверена в своем решении?

– Да, совсем уверена!

– Думаю, вам надо спешить! – напомнил дедушка ФАСа.

– Да! Спасибо Вам за все! Дай Бог, свидимся еще, ведь внук у Вас совсем уже на подходе! – с улыбкой произнесла Анна.

– Да, и я очень на это надеюсь! – дедушка перекрестил их, поклонился уборщице, они вышли из квартиры.

Как только они спустились на первый этаж, перед ними появился мужчина восточной внешности.

– Амина?

– Эмин, как хорошо, что мы тебя встретили!

– Мне кажется, это вас жду за дверями.

– Да, все верно. Есть ли возможность спрятаться?

– Что это за женщина с тобой? И почему она лысая! Она болеет?

– Нет, что ты! Так надо, чтоб ее не узнали. За нами гонятся и хотят убить ее и ребенка в ней.

– Да, вижу! Пусть оденет это на голову, и пойдете в подвал, – сказал он, давая Анне кусок засаленной ткани, который она беспрекословно одела.

Все эти годы работники из Центральной Азии не только мели улицы, убирали мусор, строили дома для других, но и

делали кое-что для себя. Например, обеспечили еще по одному выходу из подвалов домов, о которых знали далеко не все. Конечно, спецслужбы были в курсе, но сегодня этот момент совершенно не учли – никто не могу подумать, что православные отщепенцы обратятся к мусульманам на полулегальном положении, для которых любой проступок значил автоматическое выдворение из страны, и эти мусульмане будут им помогать несмотря на это. Амина с Анной вышли через такой ход, при этом Анна пошла туда, где хранил машину дедушка, а Амина в сопровождении Эмина и его друга пошла своей дорогой.

«Неужели этот кусок железа поедет, ей же лет сто, наверное?», думала Анна, садясь на руль «шестерки» «жигули». Машина выглядела очень ухоженной, на ней явно редко ездили, но содержали образцово, как будто для выставок раритетных автомобилей. За задними сиденьями, прямо под стеклом, лежала старая милицейская фуражка, кокарда ее была вычищена до блеска. «Времена, когда милицейская фуражка использовалась как противоугонное средство, давно прошли» – мелькнула у Анны совсем неуместная мысль. Двигатель «шестерки» вздрогнул, протрепетал доли секунды, чуть не заглох, но машина завелась, и Анна поехала навстречу неопределенному будущему...

Каким-то чудом Анне удалось выехать из города, она проехала по шоссе и свернула в нужном месте на проселочную дорогу, все более углубляясь в лес. Вот она увидела, как навстречу ей идет то ли мужчина, то ли женщина в лохмотьях, лицо наполовину закрыто не самой чистой тряпкой, волосы скрыты капюшоном. На человеке были то ли штаны, то ли длинная юбка голубого цвета. Последний штрих подбодрил Анну, потому что вид незнакомца был не самый привлекательный.

Анна остановила машину, немного приоткрыла окно и спросила:

- Не подскажете, как доехать до Спасово?
- Далеко заехали! Вам в Калужскую область надо!
- Спасибо!
- Хотите, покажу дорогу? И меня подвезете заодно.

Анна замешкалась. Ответ вроде бы был такой, как надо, но фразу про гибель человек не произнес, да и она не произнесла полный ответ. Можно ли ему доверять? С другой стороны, описание незнакомца совпадало с тем, что дал ей дедушка ФАСа.

В те доли секунды, в которые у Анны промелькнули эти мысли, человек достал из-под лохмотий пистолет, с силой ударил им в приоткрытое стекло прямо перед лицом Анны. Стекло разбилось с характерным звуком, Анна инстинктивно отпрянула, но осколки попали в лицо и на плечи Анны.

Быстрым движением человек разблокировал дверь авто-

мобилия, открыл ее и произнес, наведя на Анну пистолет:

– Вылезай, путешествие твое закончилось...

Анна взглянула на него глазами дикой газели, но не могла пошевелиться – шок сковал ее стальными цепями.

Тут из-за дерева у дороги вынырнул другой человек, тоже в голубых штанах и полузакрытым лицом, но уже с палкой внушительных размеров. Бесшумно он подбежал к незнакомцу, коротким и отработанным движением нанес ему удар по затылку, выхватил у уже падающего без сознания человека пистолет, ловко засунул его за пазуху.

– Не бойтесь, я свой. Ответ на Ваш вопрос: «Эк Вы заехали! Так и погибнуть можно! Вам в Калужскую область надо!», – сказал спаситель, – помогите связать его. Анна вышла из машины. Человек с палкой взглянул на нее еще раз, увидел живот на девятом месяце беременности:

– Хотя, нет, я сам, – поправился он, – но сначала давайте займемся Вами.

Анна вопросительно взглянула на него.

– Вы вся в крови!

Только сейчас к ней пришло осознание, что с ней что-то не так. Губы ощутили вкус собственной крови, стекающей по лицу. Благо, порезы не были глубокими и кровотечение остановилось само довольно быстро.

– Вот, давайте обработаем. Вам не стоит подвергать себя лишнему риску, – человек вынул из одного из бесчисленных карманов бутылку с водой и пузырек с маслом. Сначала он

смысл кровь, а потом обработал раны маслом.

Потом он достал из кармана веревку и кусок материи, который он использовал как кляп. Казалось, в его карманах есть совершенно все, и она бы не удивилась, если бы при необходимости он достал из него что-то совершенно невозможное, например, гранатомет, как герой Джима Керри из старой американской комедии «Маска». Неудачливый стрелок был связан и нашел свое пристанище возле ближайшего дерева.

– Садитесь за руль, я покажу дорогу.

Оснований не доверять этому человеку не было. Они сели в машину и поехали.

– Вот здесь сейчас будет малозаметный поворот налево, – сказал штурман, когда они проехали около полукилометра.

Анна повернула на довольно узкую дорогу, больше похожую на широкую тропинку. По ней они ехали до тех пока, пока она не затерялась среди наступающих со всех сторон деревьев.

– Куда дальше? – в недоумении спросила она и остановилась.

– Минуту! – произнес попутчик и вышел из машины.

Он прошел чуть вперед, к одному из деревьев, немного подтянулся на нижней ветке, ухватился за верхнюю, потянул ее в какой-то одному ему известной последовательности, чередуя направление и количество движений. Что-то клацнуло под деревом, он ловко спрыгнул на землю, нажал ногой на

появившуюся на земле выпуклость. Земля стала уходить из-под машины. Точнее, земля стала наклоняться вперед, образуя спуск. Мужчина спрыгнул на движущуюся землю и подбежал к ее краю, упершись в земляную стену. Вынув небольшой кусок земли квадратной формы, он нажал на скрытую под ним кнопку, и в стене открылась дверь почти в полную ширину самой стены.

– Заезжайте внутрь! – крикнул он.

Анна последовала призыву, ее спаситель зашел вслед за ней. Земля стала подниматься обратно, и он поспешил закрыть дверь.

Перед ними открылась довольно просторная площадка, на которой стояла пара потрепанных автомобилей.

– Можете припарковаться здесь, – сказал незнакомец, указав на свободное место рядом с одним из них.

Анна поставила машину, вышла и вопросительно посмотрела на мужчину.

– Я забыл представиться, простите! Меня зовут Мелхиседек.

– Как, как простите?

– Мел-хи-се-дек.

– Вроде бы где-то я это имя слышала...

– Вы могли его читать в Библии.

– Да, наверное. Но не помню, где это.

– Оно упоминается в Ветхом Завете. «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, – он был священник Бога

Всевышнего». Он вышел навстречу Аврааму (тогда еще – Авраму), когда тот победоносно возвращался с войны, и благословил его. Для нас, христиан, он важен, потому что упоминается в 109 Псалме: «Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека».

– Но почему Вас так называли?

– Я схимонах.

– Я читала, что схимонахи – это такие особого посвящения монахи, которые вообще уходят от мира, Вы на него совсем не похожи.

– Да, Вы правы. В нормальное время я был бы отшельником где-нибудь далеко отсюда или в затворе в монастыре. Но время диктует свои законы... Сегодня схимонах становится воином Христовым во всех смыслах этого слова, поэтому я был вынужден выйти из затвора и стать во главе это небольшой общины. Официально я вообще мертв. И отчасти это правда – ведь для мира я действительно не существую. Но да хватит об этом. Пойдемте со мной, я Вас со всеми познакомлю. Вас, кстати, как зовут?

– Анна.

– Хорошее имя...

Людей в этом подземелье было немного, одеты они были плохо, лица осунулись от недоедания, но были какие-то светлые, что ли, а глаза – живые. Они совсем не производили впечатление людей, которые тягостятся своим положением или страдают от материальной неустроенности. Были здесь

и дети – не такие шумные и активные как те, которых привыкла видеть Анна, они казались взрослее своих надземных ровесников. Мелхиседек познакомил Анну с обитателями, они были приветливы, но немногословны.

– Теперь Вы сможете жить с нами, если хотите. Где Ваш муж?

Анна не выдержала, и тихо заплакала.

– Он у них? – по тону Мелхиседека было понятно, о ком он говорит.

– Да, – коротко ответила она.

– Это очень грустная новость. Боюсь, Вы больше не сможете с ним увидеться.

– Я это понимаю, но от этого легче не становится.

– Вы верующая, насколько я могу судить?

– Да.

– Тогда Вы знаете, откуда черпать силы и на кого уповать.

– Да, я знаю... Но в такие моменты это сделать очень сложно.

– Да, я понимаю. Отчаяние и уныние захватывает Вас, душист изнутри и не дает вдохнуть. Думаю, ребенок должен быть для Вас движущей силой здесь, на земле, которая поднимет Вас из ущелья скорби.

– Вы совершенно правы. Ради него, ради памяти о том, что он – его ребенок, я буду сильной, и с Божьей помощью все преодолею.

– Мы преодолеем. Мы все здесь, как мушкетеры, один за

всех, и все за одного, – он очень тепло улыбнулся.

От этой улыбки Анне не могло не стать лучше, и она улыбнулась в ответ. Но мысли ее опять вернулись к Федору, и лицо вновь омрачилось. Где он сейчас? Жив ли вообще?

– Ладно, давай сюда руки! – произнес Чёт и надел ФАСу наручники, – да, и вот эту красоту примерим тебе – на глаза арестованному легла черная повязка.

Мир погрузился во тьму, арестованный пытался запомнить повороты и прислушаться к доносившимся в машину звукам, но почти ничего не расслышал, и довольно скоро сбился со счета поворотов. На само деле, это уже было не важно – вероятность сбежать на этом этапе отсутствовала.

Ехали они довольно долго, во всяком случае, ФАСу так показалось.

– Выходим, приехали!

Повязку сняли, его довольно грубо вытолкнули из машины.

– Поаккуратнее можно! – возмутился ФАС. Ответом был хорошо поставленный удар по печени – боль молнией пробежала по телу и застряла в нем на некоторое время.

– Поговори еще! – заметил второй.

Территория не была похожа на то, как он представлял себе СИЗО и что-то в этом роде. Он явно находился не в

Москве. Он увидел высокий, метров пять, забор. На огороженной территории обильно росли деревья, хотя ближайшее из них было не ближе десяти метров от ограждения. В глубине стоял небольшой дом в три этажа высотой, похожий на дачу. То, что его использовали не по назначению, выдавали только решетки на окнах. Да и окна, по большей части, были заложены кирпичом – остались только небольшие слуховые оконца. На самой территории находились только сотрудники религконтроля и транспорт.

– Думаете, где это Вы, и не стоит ли использовать деревья для дерзкого плана побега? Можете не отвечать. Вы в специальном месте для таких вот, не самых низкопоставленных и довольно осведомленных предателей. За этими стенами отнюдь не открытый для всех лес, где без труда можно встретить энтузиаста-грибника. Поверьте, она охраняется чуть ли не лучше, чем здесь, внутри. Поэтому без шансов. Нет, попытки, конечно, были. И не одна. И даже не один десяток. Но единственный, кто смог преодолеть три метра за забором, был закопан там же, на месте. Буквально закопан, на него даже пулю не тратили. Ну да ладно, хватит разговоров, пройдемте. Эй, заберите новенького!

– Ха, кэвээнщик! – усмехнулся перехвативший его сержантик, еще совсем молодой, но дюжий парень, – Что, проиграли москвичи, выходит! А я за вас болел. Что, интересно, покажут по телеку?

– Веди уже, болельщик! – с досадой гаркнул Чёт.

В камере он был один. «Вот это комфорт», подумал ФАС, морально готовившийся к переполненному кубу без воздуха и места присесть. «Ах да, это же не простое СИЗО». Все это время он вообще не думал об Анне, слишком много информации необходимо было переработать. Вместо окна была та самая бойница, через которую еле-еле просачивался дневной свет. Дверь была железная, окошко в ней закрыто. Лампу на потолке он обнаружил, но сейчас она не горела. Будет ли гореть, когда стемнеет – было не ясно. Тут слуховое оконце захлопнулось, стало совсем темно, ФАС буквально ничего не видел.

«Начинается», промелькнуло у него в мозгу. Через несколько минут свет включили. Это был не просто свет от лампы в потолке. Это был белый поток, который, казалось, лился изо всех стен, потолка и пола одновременно. Глаза его уже привыкли к темноте, и внезапное включение освещения резануло глаза, он закрыл их, но свет не гасили и не убавляли. Через минуту кромешная тьма стала сменяться светом – он ощущал себя засунутым в огромный солярий или поставленным прямо перед мощным прожектором, который отключали на глубине в несколько сотен метров под водой. Голова начала кружиться, он был дезориентирован в пространстве. В этот момент послышался голос, специально искаженный аппаратурой: низкий, громкий, но ровный. Откуда он шел, понять было невозможно, да и ФАСу уже было все равно.

– Как давно Вы занимаетесь подрывной деятельностью?
Он не понял вопрос и промолчал.

– Как давно Вы занимаетесь подрывной деятельностью? – вопрос повторили, но уже с несколько агрессивной интонацией.

– Я не понимаю, о чем вы! Какая деятельность? – прокричал он, – Выключите этот свет!

– Выключим, обязательно выключим, – успокаивающе заметил голос, – я перефразирую. Как давно Вы стали православным террористом?

– Никакой я не террорист!

– Не надо отрицать очевидное. У Вас в доме обнаружено хранилище с запрещенными предметами. Этого достаточно, чтобы приговорить Вас к самому строгому наказанию. Но Вы можете себе помочь. Расскажите все открыто, честно, и я постараюсь что-то для Вас сделать. Например, наши коллеги из Института религиозной психиатрии поставят Вам диагноз «православие мозга», отправим Вас в лечебницу – авось, смогут Вам помочь.

– Лучше «православие мозга», чем полная ампутация духа, как у вас! Видимо, даже фантомными болями не страдаете! – прокричал Фёдор.

– Неконструктивный у нас разговор получается, экс-капитан...

Заклученный не мог больше терпеть:

– Я все, все расскажу, только выключите свет! У меня сей-

час голова взорвется!

– Хорошо.

Свет погас. Точнее, остался гореть только верхний светильник, как бывает в поезде ночью.

– Итак, я жду, – вновь заявил о себе голос.

ФАС с минуту помешкал, собираясь с мыслями.

– Да все очень глупо началось, – выдавил из себя он, – выбрасывал мусор, увидел Евангелие, книга такая.

– Знаем мы такую книгу...

– Так вот, не знаю, что меня сподвигло, но я ее взял домой.

Прочитал. Потом прочитал еще раз, и еще. Проникся тем, что там написано. Вот так все и получилось.

– Я тоже по долгу службы прочитал. Не понимаю я этого вашего Бога. Жесточайшее существо из Ветхого Завета превращается в любовь в Новом? Как-то неубедительно. И сколько потом людей погибло из-за этого Бога? Все эти крестовые походы, инквизиция, ночи длинных ножей? Бог есть любовь, как же.

– Вы хотите своим умишком, маленьким человеческим умишком (пусть вы даже «семи пядей во лбу») понять Бога? Вы напоминаете муравья, который решил поговорить с человеком...

– Но-но, давайте не переходить на личности!

– А я и не перехожу. И Ваши умственные способности во все не умаляю. Да и почему Вы решили, что во всем, что Вы перечислили, виноват Бог? Да, его именем прикрывались,

когда совершали откровенное зло. Но если ребенок, придумав кошку, скажет, что это ему мама разрешила, в то время как она ему говорила, наоборот, не мучить животных, это мама виновата?

– Ну, мама его так воспитала, что он кошек душит. Значит, она виновата.

– Вы передергиваете. Почему именно он душит кошек, мы сейчас не выясняем. Вопрос в другом, и Вы это прекрасно понимаете: если я сваливаю вину на кого-то, это совсем не значит, что я не виноват.

– Нет Бога – не на кого и вину сваливать!

– То есть Он Сам виноват, что он есть? – улыбнулся ФАС, – забавная логика. Но самооправдание – это очень типично для человека. Кто это сказал: если бы Бога не было, его следовало бы придумать?

– Не помню такого.

– Вольтер, но это не так важно, на самом деле, в нашем споре. Вы просто не можете признать, что Ваши доводы очень слабые, и не убеждают даже Вас самих.

Офицер зло улыбнулся и процедил сквозь зубы:

– Пусть даже Бог есть, пусть это будет Вашей личной фантазией, есть Вам от этого легче будет умереть в мучениях. Но Вы мне лучше скажите, о какой вере в Бога говорят эти лживые двуличные священники, которых мы давим и выжигаем с тела нашей и так страдающей от внешних напастей Родины. Сегодня он пьет, гуляет и пристает к прихожанкам,

а завтра читает проповеди про то, что надо избавляться от греха, вести праведный образ жизни и все в таком стиле. И Вы поддерживаете эту ложь, Вы это понимаете?

– Во-первых, Ваш пример – совсем не массовый. Вообще, о массовости говорить сейчас очень сложно, все священники все закона, и их становится все меньше. И, во-вторых, что гораздо важнее, Вы путаете веру в Бога с верой в то, что все батюшки – святые. Они – также же люди, как и мы с Вами, просто у них есть, скажем так, дополнительный талант. Талант не в смысле природной одаренности, а в смысле того, что им дано от Бога по сравнению с другими людьми – они прошли таинство священства и могут отпускать грехи именем Бога. И этим талантом, как в известной притче, можно распорядиться по-разному. Конечно, есть и были священники, которые растратили его, охладели к вере или пали. Но надо всегда помнить, что талант этот – это и бремя, причем бремя тяжелое. Носить его – нужны большие силы, и автоматической святости этот талант не дает. Возможно, даже с ним тяжелее, потому что нападки бесовские здесь могут быть во сто крат сильнее, чем на обычного человека, который и так уже в грехе валяется и даже не думает подниматься. Я не священник, мне сложно об этом рассуждать, я не знаю этого изнутри, но мне кажется, осуждать их – последнее дело.

– Красиво Вы все расписали, но, думаю, дискуссия наша ни к чему не приведет, давайте ее прекратим. Наоборот, она уводит нас от главного. Вы явно мне не все рассказываете

про свои, хм, духовые поиски. Какую роль во всем этом сыграла M03022028АКА?

– Простите? Не понял.

– Вам она, видимо, известна как Анна.

В животе у ФАСа похолодело. Он не смог ничего ответить.

– Не советую Вам молчать. Это легкая забава со светом – только разминка. Вы нам в любом случае все расскажете. И от Вас зависит, в каком состоянии Вы дойдете до этой стадии полной откровенности. «1984 год» читали?

«Читал», – с грустью, сменяющейся ужасом, подумал ФАС, но вслух сказал другое.

– Мне нечего Вам про нее рассказать. Пусть она сама Вам расскажет, – он попытался вызвать голос на реакцию, чтобы понять, смогли ли они взять Анну.

– Конечно, расскажет. Вижу, Вы хотите, чтоб она страдала. Уже не любите ее?

Попытка ФАСа не удалась, но он и не сильно надеялся: понимал, что такими детскими вопросами он ничего не выяснит. Но сам он тоже не хотел поддаваться и играть по правилам голоса.

– Страдать Вы ее заставите в любом случае, моя любовь тут не имеет значения.

– Все-то Вы знаете. Ну что ж. Как там старая пословица про вашего Бога: «Господь страдал, и нам велел»?

– Господь терпел, и нам велел.

– Вот-вот... Как раз узнаем, какой Вы терпеливый. Вам

себя-то не жалко?

– Каждый достоин того, что с ним происходит – плохое или хорошее, не важно.

– Выводите!

ФАСа увели в комнату. Для себя он назвал ее комнатой пыток. И его действительно пытали. С перерывами на то, чтоб он пришел в себя. Пытали мастерски, изощренно и, конечно же, профессионально. Сначала он был уверен, что не продержится долго – к боли он не привык, но в какой-то момент он представил перед собой Анну. Она была как будто в дымке, виден был только обнаженный живот, какой он сейчас – большой, упругий, как шар для гимнастики. Она прикрывала грудь руками, ей помогала дымка. Волосы были распущены, а взгляд был умоляющим. Она молчала, даже губы ее не шевелились. Одной рукой она перекрестила его и растворилась в тумане. Это видение как будто придало ему силы. А точнее, помогло как был абстрагироваться от того, что с ним происходит. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», – промелькнула у него мысль. Он ухватился за нее, как хватаются за ветку при падении. Ветка оказать крепкой. Он стал повторять раз за разом Иисусову молитву, и представлял себя взбирающимся по этой ветке обратно, где он был, а потом выше и выше.

– Что это ты бормочешь? – рявкнул один из истязателей. Федор не ответил.

– Он молится, – Федор смог узнать голос, что разговари-

вал с ним, когда он был в камере, – пускай, это ему все равно не поможет, – добавил он уже не так уверенно.

Чёт был неправ. Помогло. Федор отлично понимал, что с ним происходит, чувствовал боль, которую причиняли ему всевозможными способами, и улыбался.

– Че ты лыбишься? – последовал очередной удар, Федор потерял сознание.

Он очнулся от окатившей его лицо холодной воды. Все тело ныло и болело.

– Вставай! – послышался знакомый голос, – Быстрее!

Чёт поднял его на ноги, подхватил так, что он оперся одной рукой на его плечи. Так они вышли из камеры.

– Куда мы? – с огромным трудом произнес ФАС.

– Молчи! – шикнул на него майор.

Молчать ему было гораздо проще, чем говорить.

Так они вышли из здания, где его содержали. Охраны в прежнем количестве не было, в стоящей неподалеку времянке горел огонь, слышались громкие голоса и музыка – был праздник, день ФСКР.

Майор подошел к двери, ему открыли. Он отдал честь кому-то в темноте, и они вышли за территорию.

– Умеешь ползти по-пластунски? – спросил неожиданный спаситель.

– В детстве умел, – неуверенно ответил ФАС.

– Вспоминай... Дальше я пойти не смогу – могут хватиться.

– Вы зачем мне помогли? Это опять какой-то прием? Я все равно вам ничего не скажу!

– Вы, наверное, знакомы с нотной грамотой. Знаете, диз иногда может быть бемолем, – с этими словами он повернулся к огороженной территории.

– И куда мне ползти? – с некоторым отчаянием спросил ФАС.

– Строго вперед и медленно. Пачками от сигарет обозначены мины – советую их обползать. Да, и последнее – мы ее не нашли.

Тут он быстрым шагом направился к двери, ему открыли, и он скрылся за ней.

Последняя фраза майора удесятерила силы Федора. «Она жива и она не у них – значит, есть надежда! Значит, не все еще потеряно! Пусть он не выберется – это не столь важно. Главное – она будет жить!». Теперь он знает, что все это не зря – надо просто выбраться отсюда.

«Помоги, Господи», мысленно помолился Федор и пополз. Темнота была такая, что мысли о том, что он в любой момент коснется пачки от сигарет, не покидала его. Вот он сдвинул что-то левой рукой при очередном движении и замер. «Бесплодие»! Да уж, теперь сигареты уже было глупо называть их реальными марками, потому что почти всю

поверхность пачки занимало очередное страшное предупреждение, которое никого не пугало. Мелькнула мысль покурить, но он только лишь ухмыльнулся на нее и отогнал прочь. Он замер. Тяжести руки достаточно, чтоб он наделал много шума после того, как уберет ее? Другой рукой он аккуратно взял коробочку «Бесплодия» и пододвинул на то место, с которого сдвинул. «Вряд ли это поможет, но да выбора у меня особого нет», – следующая мысль пронзила не хуже той спицы, которую вонзали в его тело на допросах. Он очень медленно сдвигал руку, пододвигая вместо нее пачку. Он перекатился на земле через бок несколько раз, стараясь оказаться как можно дальше от злополучного места, совсем не думая, что так может угодить в следующую ловушку. Почему-то взрыва не последовало, хотя он ожидал его услышать. Он попытался понять, не отклонился ли он от направления движения. Как будто нет, хотя в такой темноте, в совершенно незнакомом месте ориентироваться было очень сложно. Он продолжил ползти. Наверху, на одном из деревьев послышался какой-то шум. ФАС замер, прислушался. Птица? Наблюдатель? Тишина. Он сделал еще одно движение вперед. Снова пауза. Тишина. Еще левую руку и правую ногу вперед. Снова застыл. Шума больше не было. Он стал ползти еще осторожнее. Деревья росли все гуще и гуще, передвигаться между ними становилось все сложнее. Он почувствовал усталость, мышцы ног и рук были зажаты и почти не слушались его. Казалось, он толкает перед собой огромную те-

легу, причем дорога начинает идти в гору. Еще несколько движений и он остановился – больше он не мог.

Около получаса (точно он не знал, но ему так казалось) он пролежал, стараясь набраться сил. Лежать на земле было холодно, благо, морозы был не сильные. Встать боялся, он лишь только постарался размять запястья и стопы, делая ими круговые движения. Поводил туда-сюда ногами и руками, но он этого стало только тяжелее. Спать не хотелось, несмотря на то, что за последние пару суток он спал от силы часа четыре.

Понимая, что каждая минута для него может быть решающей, ФАС продолжил ползти. Он даже стал понимать, как это делать с минимальными затратами сил, в его движениях появился автоматизм и, можно сказать, техника. «Стану инструктором по ползанию по-пластунски, если выживу», ухмыльнулся про себя ФАС. Деревья стали расти реже и вот он подполз к концу леса. Фёдор взглянул вверх, на небо. Пошел снег: снизу казалось, что он не белый, а черный – так падал свет появившейся из-за туч луны. Снег летел как пепел, кружился. И только на земле становилось четко понятно – это действительно снег, а не последствия масштабного пожара.

Еще несколько движений и перед Фёдором оказалась ограда: высокая, около трех метров, с колючей проволокой по верху. «Приехали... Точнее, приползли» – подумал ФАС сокрушенно. Что же майор его не предупредил? Перелезть вряд ли получится. А вдруг этот забор под напряжением?

Никаких предупреждающих обозначений нет, но это не гарантия. Или на нем какие-нибудь детекторы – стоит прикоснуться, и через пару минут его уже вернут в камеру. А если подкопать? Чем? Он разгреб небольшой сугроб у забора. Как и должно было быть, земля была плотная, замерзшая, рыть руками ее было невозможно. Он пошарил в снегу и взял лежащую неподалеку палку. Несколько тычков, и земля стала с трудом подаваться. «Помоги, Господи!» – в очередной раз помолился Федор и продолжил рыхлить землю. Под верхним слоем почва была более рыхлая, как будто ее отсюда сначала вырыли, а потом засыпали снова. Он очень удивился. Еще несколько тычков палкой и теперь землю можно было выгребать обеими руками. «Неужели тут уже делали раньше подкоп?» – посетило ФАСа предположение. Конечно, поверить в это было сложно – как он мог вот так, совершенно случайно, выбрать именно это место? «Это не я его выбрал!» – догадался Федор. Около часа усердной работы, и он вынул уже столько земли, что образовалась яма в полметра глубиной. Забор все не кончался. «Глубоко закопали! Но ничего, до центра Земли точно не дошли!» – ФАС не терял надежды. Еще несколько движений и показался край забора. ФАС не прекращал работу ни на минуту, не обращая внимания на содранную на руках кожу и мышцы, которые казались свинцовыми. Копать становилось все тяжелее – земля спрессовалась под собственной тяжестью. Он уже сомневался – а докопал ли его предшественник до этой стадии. Силы стали

покидать его, когда он уже лежал в созданной им яме и начал выгребать землю по ту сторону забора. «Не останавливаться, не останавливаться! – твердил он себе, – Рассветет и меня начнут искать». Тем не менее, он остановился и окунулся в забытие. Ему казалось, что он лежит на своей кровати дома, рядом мерно дышит Анна. Он хотел подоткнуть под себя подушку, но она рассыпалась у него в руках. ФАС очнулся – руки сжимали комки земли. С новыми силами, почти остервенело, он продолжил копать. И вот земля подалась, на него просыпался снег, и он увидел небо на противоположной стороне от забора. Начинало светать. Еще несколько движений и он будет там. Но вдруг он почувствовал, что его ногу кто-то схватил. Вскрикнув от неожиданности, ФАС резко дернул ногой и, видимо попал по чему-то мягкому. Кто-то вскрикнул, выругался и гаркнул:

– Стоять, ни с места!

ФАС, конечно, не подчинился приказу, он его даже не слышал. Сделав еще несколько резких движений ногами после удачного попадания, он выбрался из подкопа и побежал. После долгого нахождения на земле бежать сначала было тяжело, но через несколько секунд стало гораздо легче – мышцы были рады иной нагрузке и он побежал так быстро, как только мог, и даже быстрее.

– Стоять, стреляю! – послышался крик, и сразу за ним – пистолетный выстрел, видимо в воздух. И после него уже в ФАСа, прицельный. ФАС перешел на бег зигзагами. И откуда

у него возникла эта мысль? Он бежал к лесополосе, которым кончалось поле, до него оставалось совсем немного. Но вот он споткнулся и упал. Одновременно послышался выстрел уже из винтовки. Скорее всего, падение спасло ему жизнь. Он решил не вставать, но потом передумал, и побежал, пригнувшись. Следующая пуля попала в ногу. Он продолжал бежать, сильно хромя. Последняя пуля прошла через левый желудочек, попав прямо в сердце. ФАС упал на границе между полем и лесополосой. Через минуту к нему подбежал его преследователь, пульс проверять не пришлось.

– Отбегал капитан! – сообщил он приблизившемуся к нему коллеге.

– Да уж, спринтер! – ухмыльнулся второй, – но от меня мало кто убегал, – он потряс винтовкой с оптическим прицелом.

Анна вздрогнула и проснулась. Сердце ее заныло, она чувствовала каждый его удар. Необъяснимая тоска охватила ее. Он умер, вдруг отчетливо поняла она. Он умер, а она осталась жить. Разве это правильно?

– Правильно! – утвердительно произнес Мелхиседек (как он прочитал ее мысли?), – он – мученик, и все мы рано или поздно последуем той же дорогой. Пока же Бог дает нам дни жизни здесь, и мы должны провести их не зря. Тебе – родить ребенка, вырастить его, если успеешь. Женщина спаса-

ется деторождением. А не успеешь – знай, что он никогда не останется без попечения. Даже если всех нас схватят, он спасется, и будет жить, ибо путь его здесь долог.

– Откуда вы знаете? – с сомнением спросила Анна.

– Знаю, и все. Других объяснений тебе не нужно. Сейчас начнется – приготовься. Я позову опытную в этих вопросах женщину, ей ты можешь довериться.

Мелхиседек оказался прав – как только он ушел, начались схватки. Для первых родов она родила довольно быстро, а женщина умело руководила ей на протяжении всего процесса, уменьшая боль и подсказывая, что делать. Через семь дней мальчика окрестили, назвав Николаем, ведь родился он через два дня после Николы зимнего.

Месяц Анна жила в подземном убежище, ни разу не выходя наружу. Ребенка выносили на очень непродолжительные промежутки времени, только чтобы он подышал свежим воздухом во время сна. В один из дней Мелхиседек пришел с вахты, которую нес каждый мужчина в общине, лицо его было хмуро.

– Нас уже почти раскрыли, не сегодня – завтра суда проберутся, и все мы погибнем. Надо уходить.

– Но куда мы пойдем – зашептали люди.

– Мы пойдем в разные места. Нас слишком много, чтобы идти в одно. Мы разделимся на 7 групп, каждой из которых я назову место, куда они должны идти. Только члены группы должны знать это место – никому не говорите. Если кого-то

из вас схватят, вы не сможете выдать других.

Мелхиседек разделил всех.

– Но с кем пойдешь ты, Мелхиседек? – спросила Анна.

– Ни с кем. Я пойду своей дорогой.

– Но почему?

– Так было мне сказано. Я не пойду против воли Божьей.

– Но мы когда-то увидимся?

– Не знаю, это не важно. Твоя задача – выжить и не попасть к ним.

– Я знаю...

– Вот и хорошо. Собирайся в путь – это будет опасное путешествие.

Ночью она вышла из убежища, привязав к себе ребенка чем-то наподобие slinga. Ее сопровождала та самая женщина, что помогала ей во время родов. Остальные члены их группы ушли в другое время и в другом направлении, встретиться они должны были только в месте назначения.

Впереди была внушительного размера река. Переходить ее по мосту было нельзя – слишком опасно. Пришлось переправляться вплавь. Благо, из-за глобального потепления зимы становились все теплее, и река не замерзла. На берегу оказался кусок дерева, явно специально выдолбленного, как будто это индейская пирога. Небольшая, в нем мог поместиться лишь ребенок лет шести. Наверное, кто-то сделал ее для своего сына и оставил на берегу.

– Отлично место для ребенка! – заметила женщина

Анна положила туда ребенка – действительно, ему было удобно лежать в ней.

Тут из темноты им навстречу вышла женская фигура.

– Добрый вечер! Отойдите от ребенка, лягте на землю лицом и положите руки за голову, – вежливо произнесла она, в руке у нее был пистолет.

В ответ сопровождавшая Анну женщина с несвойственным ее грузной фигуре проворством подскочила к фигуре и повалила ее на землю своим весом.

– Беги! – крикнула она, пытаясь забрать у сотрудницы ре-
лигконтроля пистолет.

Анну вышла из оцепенения, подхватила челнок, пустила ее по воде и изо всех сил поплыла вслед за ним. Вода обожгла ее своим холодом, причем ее сразу стало относить к мосту. Анна обернулась, посмотрев на берег, где осталась ее спасительница – ловкость одержала победу над массивностью, темная фигура освободилась из-под грузной женщины и послышался выстрел – повитуха осталась лежать на земле без движения. Следующий выстрел уже бы направлен в сторону Анны – она нырнула под воду, продолжая толкать импровизированную лодку. Еще одна пуля угодила прямо в дерево и застряла в нем. «Как же так, Мелхиседек, как же твои слова? Все, это конец?» – вопрошала Анна.

Глухой удар послышался на берегу – фигура упала, не произнеся ни звука. Анна с трудом различила мужчину с палкой. Это мог быть только один человек – Мелхидедек.

Он помахал ей с берега. Анна продолжила плыть и достигла уже середины реки. Мост был все ближе, течение не ослабевало. Тут с моста послышался выстрел – плечо Анны прожгло чем-то – она увидела, как от нее расплывается пятно крови. Еще один выстрел – промах. Анна продолжала грести одно рукой. Мелхиседек услышал выстрелы и побежал к мосту. «Эх, зачем же вы зашли в реку перед мостом, надо было спуститься ниже!» – сокрушенно подумал он. Анна скрылась под мостом, выстрелы прекратились. Это дало возможность Мелхиседеку забежать на мост. Он остановился у его начала и увидел стрелка метрах в пятидесяти от себя, тот смотрел на воду. Услышав, что кто-то взошел на мост, он обернулся и увидел Мелхиседека. Тот одним движением сбросил с себя плащ, покрывающий его с головы до ног, и перед агентом предстал схимонах в полном облачении. Внешний вид его явно поразил стрелка, и он застыл на месте. Монах пошел на него, одновременно вытаскивая пистолет, в свое время отобранный у человека в голубой юбке-штанах в лесу. Агент пришел в себя, навел на противника пистолет, тот совершенно неожиданно бросил свой пистолет в агента. Сотрудник религконтроля отпрянул, пистолет отскочил от него и упал на мост.

– Оружием не бросаются, из него стреляют! – усмехнулся он.

Мелхиседек успел приблизиться к агенту на расстояние удара палкой, которую он продолжал держать в руке. Удар не

замедлил обрушиться на человека в штатском, но не достиг цели – тот ловко увернулся, но палка попала по руке – на мосту лежало уже два пистолета. Агент схватился за ушибленную руку, перекувыркнулся к пистолету, быстро поднял его, но тут увидел, как из-под моста выплывает Анна с ребенком. Это была цель номер один – он произвел два выстрела, прежде чем монах накинулся на него, пытаясь забрать пистолет, оба они поднялись на ноги, Мелхиседек прижал агента к ограждению моста. Тело убийцы стало перегибаться через парапет, а пистолет своим дулом неумолимо наклонялся к лицу Мелхиседека. Еще секунда и должен прозвучать выстрел – последний для схимонаха. И он прозвучал – но не последний. Агент промахнулся, резким движением его противник вывернул ему руку, но не смог верно распределить вес тела и оба они упали в воду. В падении пистолет заговорил снова, выплюнув несколько пуль.

В это время силы покидали Анну – из двух выпущенных агентом пуль одна попала в цель, застряв где-то в животе, ноги свело судорогой. Она в последний раз толкнула челнок и стала погружаться в глубину...

Я как будто выплывал из глубины – тяжело, медленно. Я уже понимал, что все это – сон, страшный сон. Я открыл глаза, перевернулся на другой бок, различая в темноте силуэт спокойно спящей жены. «Не забыть, не забыть, что мне приснилось... Записать? Нет сил встать». Может, будет продол-

жение? Я закрыл глаза, полежал некоторое время, перевернулся обратно и снова заснул. Мне виделось, что челнок через несколько метров прибило к берегу. Пожилой мужчина, лицо которого было не разглядеть, вытащил ребенка, прижал к себе, воровато оглянулся и быстро пошел прочь.

Прозвенел будильник и окончательно рассеял сон – пора на работу...